

ISSN 1605-7880

Том 83. Номер 1

Январь - Февраль 2024

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

НАУКА

— 1727 —

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 83 № 1 2024 Январь—Февраль

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯЗ РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯЗ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСЛ РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2024
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2024
© Редакция журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2024

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 83 No. 1 2024 January–February

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzanti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospekt, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2024
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024
 - © Editorial Board of “Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language” (editing and composing), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2024, Том 83, Номер 1

Франц Кафка и проблема литературной репутации (к 100-летию со дня смерти писателя) <i>А. И. Жеребин</i>	5
Обозначения мужа в лингвосемантическом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг) <i>Т. А. Михайлова, М. В. Орлова, А. А. Смирнитская, И. В. Федотова</i>	13
И. М. Фовицкий об оде князя П. А. Вяземского «Негодование» <i>Д. П. Ивинский</i>	29
«Дон Жуан» Мольера: к проблеме национальных источников французской комедии на испанский сюжет <i>А. В. Голубков</i>	38
Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов <i>М. Ю. Пупынина, Ю. Б. Коряков</i>	45
Репрезентация фемининности в поэтических книгах эпохи революции и Гражданской войны <i>Е. В. Кузнецова</i>	59
Фрагмент <i>РНБ. Греч. 87</i> : новая находка нового тропология <i>А. Ю. Никифорова</i>	73
Из истории «ультимативных» союзов <i>не то</i> и <i>а не то</i> (по данным Национального корпуса русского языка) <i>А. В. Птенцова</i>	90
К истории неизданного справочника ВАПП «10 лет пролетарской литературы» (1927–1928) <i>Р. Е. Клементьев</i>	97
Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике <i>Aršāni nomiin tuuji</i> («Сказание Нектарного Учения») <i>Б. В. Меняев</i>	107
Взаимодействие показателей рефлексива и каритива в норвежском языке <i>Н. О. Гордеев</i>	119
Исповедь в художественной литературе: границы и объем понятия <i>О. С. Кудлай</i>	137

Хроника конференции

Международная конференция «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» к 100-летию со дня рождения проф. А. Д. Швейцера <i>Д. Б. Никуличева</i>	144
--	-----

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2024, Volume 83, Issue 1

“Franz Kafka and the Problem of Literary Reputation (On the 100 th Anniversary of the Writer’s Death) <i>A. I. Zherebin</i>	5
“Husband” Designations: a Classification of Nomination Models in the Linguo-Semantic Field of Eurasia: Husband as a Socionym, Husband as a Friend <i>T. A. Mikhailova, M. V. Orlova, A. A. Smirnitckaya, I. V. Fedotova</i>	13
I. M. Fovitsky about the Ode of Prince P. A. Vyazemsky “Indignation” <i>D. P. Ivinskiy</i>	29
“Don Juan” by Molière: on the Problem of National Sources of French Comedy with Spanish Plot <i>A. V. Golubkov</i>	38
Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts <i>M. Yu. Pupylnina, Yu. B. Koryakov</i>	45
Representation of Femininity in the Poetry Books of the Era of Revolution and Civil War <i>E. V. Kuznetsova</i>	59
The Fragment <i>National Library of Russia Greek 87</i> : A New Find of the New Tropologion <i>A. Yu. Nikiforova</i>	73
From the History of “Ultimatum” Conjunctions <i>ne to</i> and <i>a ne to</i> ‘or else’ (According to the Russian National Corpus) <i>A. V. Ptentsova</i>	90
On the History of the Unpublished VAPP Reference Book “10 Years of Proletarian Literature” (1927–1928) <i>R. E. Klementiev</i>	97
The Plot of “The Wizard and His Horse” in the Oirat Monument “Aršāni Nomiyn Tuujī” (“The Tale of the Nectar Teaching”) <i>B. V. Menyaev</i>	107
Interaction Between Reflexive and Caritive Markers in the Norwegian Language <i>N. O. Gordeev</i>	119
Confession in Fiction: Boundaries and Scope of the Concept <i>O. S. Kudlay</i>	137

Chronicles

The International Conference “Aspects of Language, Text and Translation” on the 100-th Anniversary of Prof. A. D. Shveitser <i>D. B. Nikoulitcheva</i>	144
--	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010012

Франц Кафка и проблема литературной репутации (к 100-летию со дня смерти писателя)

© 2024 г. А. И. Жеребин

Доктор филологических наук,
профессор Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48
zerebin@mail.ru

Резюме. Статья построена в форме размышлений автора над эссе Е.Г. Эткинды «Образ Кафки в Советском Союзе» (1980). Теоретической задачей статьи является обоснование понятия «литературная репутация» в применении его к иностранному писателю. Доказывается, что литературно-эстетическая дискуссия 1960-х годов о реализме и модернизме была окрашена идеологически и советская рецепция модернистского творчества Кафки дает выразительный пример формирования репутации писателя под влиянием общественно-политического контекста воспринимающей культуры. В литературной критике, как и в читательской рецепции, доминировала социальная тема разоблачения тоталитарной власти и разрушения личности как ее жертвы, тогда как метафизический смысл кафкианской мифологии отчуждения в лучшем случае отодвигался на второй план. Репутацию Кафки в СССР следует рассматривать как функцию одного из конкурирующих социокультурных дискурсов. Она была создана усилиями оппозиционной интеллигенции на основе элиминации или редукции метафизического дискурса и в конечном счете подмены его либерально-демократическим дискурсом свободы, утверждавшим свое господство в условиях деградации и распада советской идеологии. Сегодня, через 100 лет после смерти писателя, наступает новая фаза нашего диалога с его творчеством.

Ключевые слова: Франц Кафка, Е.Г. Эткинд, литературная репутация, инокультурная рецепция, дискурсивная функция, модернизм, мифопоэтика, интерпретация.

Для цитирования: Жеребин А.И. Франц Кафка и проблема литературной репутации (к 100-летию со дня смерти писателя) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 5–12. DOI: 10.31857/S1605788024010012

Franz Kafka and the Problem of Literary Reputation (On the 100th Anniversary of the Writer's Death)

© 2024 Alexey I. Zherebin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia
zerebin@mail.ru

Abstract. The article is structured in the form of the author's reflections on E.G. Etkind's essay "The Image of Kafka in the Soviet Union" (1980). The theoretical objective of the article is to substantiate the concept of "literary reputation" as applied to a foreign writer. It is proved that the literary and aesthetic discussion of the 1960s about realism and modernism was ideologically colored, and the Soviet reception of Kafka's modernist work provides an expressive example of the formation of the writer's reputation under the influence of the socio-political context of the receiving culture. Literary criticism, as well as reader reception, was dominated

by the social theme of exposing totalitarian power and the destruction of the individual as its victim, while the metaphysical meaning of Kafka's mythology of alienation was at best relegated to the background. Kafka's reputation in the USSR should be seen as a function of one of the competing sociocultural discourses. It was created by the forces of the opposition intelligentsia on the basis of the elimination of metaphysical discourse and its replacement with the liberal-democratic discourse of freedoms, which asserted its dominance in conditions of degradation and decay of Soviet ideology. Today, 100 years after the death of the writer, a new phase of our dialogue with his work begins.

Key words: Franz Kafka, E.G. Etkind, literary reputation, foreign cultural reception, discursive function, modernism, mythopoeics, interpretation.

For citation: Zherebin, A.I. *Franc Kafka i problema literaturnoj reputacii (k 100-letiyu so dnya smerti pisatelya)* [Franz Kafka and the Problem of Literary Reputation (On the 100th Anniversary of the Writer's Death)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 5–12. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010012

Произведения Франца Кафки вошли в советскую культуру с середины 1960-х годов. Поводом итогов первому периоду их рецепции, Е.Г. Эткинд писал: «Кафка в Советском Союзе — явление исключительное. История литературы Нового времени едва ли знает нечто подобное. Неизвестный иностранный писатель воспринимается как замаскированный соратник, его произведения перепечатаются и распространяются тайно, под угрозой жизни, он удостаивается высшей чести — цензурного запрета. <...> Его параболические романы предсказали будущее России» [1, p. 237]. Источник приведенной цитаты — небольшая десятистраничная статья Е.Г. Эткинда «Образ Кафки в Советском Союзе» (оригинальное название: “Franz Kafka in sowjetischer Sicht”). На русский язык, насколько мне известно, она не переводилась (несколько фрагментов из нее Эткинд воспроизвел по-русски в выступлении на радио «Свобода» в 1983 году по случаю столетия со дня рождения писателя); по-немецки же статья вышла в 1980 году в сборнике материалов одной из многочисленных конференций, посвященных Францу Кафке в Европе [Там же]. За минувшие с тех пор десятилетия тема «Кафка в России» не раз привлекала к себе внимание и у нас, и за рубежом [2]. Тем не менее позиция Эткинда представляет, на наш взгляд, интерес и сегодня — не только как репрезентативный документ своего времени, но и как повод для дальнейшего изучения не до конца выясненного вопроса о соотношении понятий «литературная репутация» и «литературная рецепция» [3]; [4].

Не исключено, что они соотносятся приблизительно так же, как вода и лед. Представим себе пространство, заполненное какой-то аморфной, подвижной, неоднородной и неупорядоченной субстанцией, и процесс ее кристаллизации. Из этого текучего материала выпадает осадок, образуется твердое вещество, кристалл,

кристаллическая структура. Но она вбирает в себя не все, не весь материал рецепции поглощается кристаллом репутации. Кристалл в нем плавает и может снова раствориться. Иначе говоря, механизм создания литературной репутации работает по принципу смысловой редукции, а в редукции, как учил Гуссерль, самое интересное и важное то, что выносится за скобки.

Согласно Пьеру Бурдье, работа этого механизма обеспечивается взаимодействием инстанций и актеров, образующих социальное «поле литературы». К ним относятся: литературная критика, журнальные рецензии и торговая реклама, разнородная читательская аудитория, авторы литературных произведений, начинающие и уже занявшие определенное место в системе поля, переводчики, издательства, библиотеки, министерства культуры и цензурные комитеты, формальные и неформальные литературные объединения и салоны, университетские кафедры и т.п. [5, с. 22–87]. В литературном поле, утверждал Бурдье, идет непрерывная конкурентная борьба за власть и влияние. Успешное продвижение того или иного автора и его произведений, их успех и слава, иногда их канонизация утверждают господство определенного понимания литературы, определенных идеологических позиций и картины мира в целом.

По существу, литературное поле, для характеристики которого Бурдье создал особый терминологический аппарат («габитус», «символический капитал», «оркестровка» и др.), представляет собой не что иное, как детальное и дифференцированное описание социокультурного контекста как фактора рецепции творчества писателя, а следовательно, и обусловленной ею писательской репутации. Но принципа редукции у Бурдье, кажется, нет, а статья Эткинда его, как нам представляется, позволяет выявить.

* * *

Русская рецепция Кафки дает выразительный пример формирования репутации писателя под влиянием общественно-политического контекста восприимчивой культуры. Всплеску интереса к творчеству вновь открытого пражского пророка способствовала посвященная ему международная конференция в чехословацком городе Либлице, где западные марксисты провозгласили Кафку символом борьбы за «социализм с человеческим лицом» и требовали для него «въездной визы в социалистическую культуру» [6, р. 366–377]. Теоретическим фоном этого требования служила бурная дискуссия о реализме и модернизме, в которой участвовали и советские ученые.

Знаковым событием явилась публикация романа «Процесс» (в сопровождении малой прозы), который был выпущен издательством «Прогресс» в переводе Р. Райт-Ковалевой в 1965 году [7]. Это было первое легальное издание; до него текст «Процесса» ходил по рукам в машинописной форме, и многие думали, что под псевдонимом Франц Кафка скрывается кто-либо из инакомыслящих русских авторов. Об идеологической «борьбе за Кафку», предшествовавшей официальной публикации его романа, свидетельствуют многочисленные мемуары эпохи перестройки и последующих лет [8, с. 210–226]; [9, с. 399–410].

В литературной критике, как и в читательской рецепции, метафизический смысл изображенного Кафкой процесса изначально не привлекал к себе внимания, доминировала социальная тема бесправия личности и насилия над нею со стороны несправедливой и жестокой тоталитарной власти. Большинство читателей и рядом критиков роман Кафки был воспринят в контексте сталинского «большого террора». Илья Эренбург писал, что, когда он вспоминает о процессе 1938 года по делу Бухарина, «“Процесс” Кафки кажется ему реалистическим, вполне трезвым произведением» [10, с. 202].

В 1960-е годы преобладала интонация, заданная Анной Ахматовой в стихотворении «Подражание Кафке»: «Неужто я всех виноватей / На этой планете была?» [11, с. 94–95]. Строчка Ахматовой как будто бы перекликается с вопросом Йозефа К., обращенным к священнику: «Ведь я невиновен... И как человек может считаться виновным вообще? А мы тут все люди, что я, что другой» [7, с. 291]. Смысл ахматовской строки по существу тот же самый: если я виновна, то не более, чем любой другой человек. За что же судят именно меня? Но если у Кафки ответом на этот вопрос становится притча о человеке

у врат Закона, которая переводит тему вины в метафизический план, то стихотворение Ахматовой было написано и читалось как обвинение несправедливого человеческого суда, с явной аллюзией на события ее собственной жизни. «Он писал для меня и обо мне», — говорила она, по воспоминаниям И. Берлина, в 1965 году [12, с. 209]. В статье Эткинды о стихотворении Ахматовой ничего не сказано, но в том, что он его знал, нет никаких сомнений. Среди первых слушателей стихотворения, прочитанного Ахматовой 3 марта 1961 года в ее квартире на улице Красной Конницы, были поэты и писатели, с которыми Эткинды был хорошо знаком, — Евгений Рейн, Александр Кушнер, Лидия Яковлевна Гинзбург [2, с. 395].

* * *

Вопрос о соотношении рецепции и репутации писателя тесно связан с проблемой метапозиции исследователя. Статья Эткинды свидетельствует о том, что точка зрения автора коррелирует, а частично и совпадает, с точкой зрения тех советских читателей и критиков 1960-х годов, о которых он писал. Когда Эткинды пишет о том, как восприняли творчество Кафки они, он пишет одновременно и о себе самом. Он сам — часть того интерпретационного сообщества, которое он описывает не только как исследователь, но и как мемуарист. Лучше всего это подтверждают ссылки на Кафку и цитаты из «Процесса» в его мемуарах «Записки незаговорщика» (1977). Вспоминая о деле Бродского и своем собственном деле, Эткинды, например, писал: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Об этом я думал, ожидая начала процесса. Франц Кафка обладал несравненным воображением, он сочинил “Процесс” — страшный судебный процесс возникает из ничего. Дело К. в “Процессе” приобрело кошмарные черты, оно могло приобрести любые черты и размеры, потому что строилось на пустоте, на нуле» [13, с. 219–220]. Другой главе, описывающей допрос в КГБ, предпослана цитата из «Процесса»: «Кто все эти люди? О чем они говорят? Из какого они ведомства? Ведь К. живет в правовом государстве, всюду царит мир, все законы незыблемы, кто же смеет нападать на него в его собственном жилище?» [Там же, с. 366]. К Кафке отсылают, конечно, и саркастические предложения, которыми Эткинды эту главу заканчивает: «При свете нас души не любят. В темноте действует один закон, при свете дня — другой. Апофеоз законности!» [Там же, с. 373]. Именно так думает о процессе и Йозеф К., правда, лишь до тех пор, пока его не начинают мучить сомнения в своей правоте:

действительно ли все его дело — ложь, построенная «на нуле»?

Иностраный текст становится у Эткинда ключом к критическому осмыслению советской действительности, а изучение его рецепции — актом создания репутации. Когда читаешь его статью, появляется желание отыскать хотя бы намек на авторскую метапозицию. Возможно, ее содержит предпоследний статье эпиграф из «Фауста»: «Дрянь песня, политический куплет!» (Ein garstig Lied, pfui! Ein politisch Lied! Ein leidig Lied!) [1, p. 229]. Возглас относится к сатирическим куплетам, которые пьяные студенты-вольнодумцы расппевают в сцене «Погребок Ауэрбаха в Лейпциге», написанной Гёте еще в период литературной революции «Бури и натиска». «Всей Римскою империей Священной / Недолго простоим мы во Вселенной», — запекает гуляка по имени Фрош [14, с. 74]. Тема куплетов — близящееся падение Священной Римской империи Германской нации, которая вскоре действительно была разгромлена революционной армией Наполеона. Не исключено, что Эткинд вкладывал в эпиграф двоякий смысл: с одной стороны, он подчеркивал, что советский образ Кафки был политизирован, обслуживал актуальный политический запрос оппозиционной интеллигенции с ее надеждами на крушение дряхлеющей советской империи, с другой — намекал на ограниченность и упрощенность политизированного понимания произведений Кафки: «дрянная песнь». Но был ли в эпиграфе этот критический обертон — теперь не спросишь. Если и был, то в содержании статьи он отражения не получил.

Особенно выразителен у Эткинда фрагмент, где он сравнивает «Процесс» Кафки с романом Булгакова «Мастер и Маргарита», который был написан на десять лет позже «Процесса», но опубликован был и вошел у нас в моду почти одновременно с ним. По воспоминаниям Эткинда, эти романы воспринимались во взаимном освещении. Общий признак, по которому Эткинд их сравнивает, — удвоение действительности. Художественная ткань обоих романов отчетливо распадается на два идейных пласта, подчиненных изображению двух миров: реального, насыщенного приметами повседневного быта, и фантастического, иррационального и таинственного. Есть реальная Прага эпохи распада Австро-Венгерской империи, есть красная Москва двадцатых годов — и есть в обоих случаях демоническая, inferнальная власть, вторгающаяся в повседневную благополучную жизнь и ее безжалостно разрушающая. Но о том, что жизнь эта несправедлива и

разрушения заслуживает, в статье Эткинда ничего не говорится. Из нее следует, что всемогущий и вседуший суд в «Процессе», который проводит свои заседания на душном чердаке одного из домов на окраине Праги, и Воланд с компанией в «Мастере и Маргарите», расположившиеся в квартире на Чистых прудах, воспринимались советскими читателями как коррелирующие варианты мифологизации социального зла, воплощенного в репрессивной советской системе.

Антисоветский дискурс просвечивал, по Эткинду, и в научной дискуссии. Среди актеров литературного поля, создавших русскую славу Кафки, наряду с читателями значительную роль играли профессиональные знатоки и исследователи литературы. Для большинства из них обращение к творчеству Кафки включало личную мотивировку. Дмитрий Затонский, Борис Сучков, Владимир Днепров, Лев Копелев — все они в той или иной степени пережили преследования со стороны советского государства и, как говорит Эткинд, могли бы сами быть персонажами «Процесса». За научной проблемой оправдания модернизма, которую они решали в своих работах, скрывалась тайна их личных биографий.

Примечательно, что статья Эткинда была опубликована под одной обложкой с работой известного немецкого исследователя Ульриха Фюллеборна, который доказывал нечто прямо противоположное: суд и процесс, разрушающие жизнь Йозефа К., вторгаются в эмпирическую действительность как символические образы высшего «духовного мира», пусть и гротескно искаженного [15, с. 81–100]. Словосочетание «духовный мир» (geistige Welt) действительно встречается у Кафки довольно часто, особенно в «Дневниках». В переводе на язык русской культуры это *realiora*, то, что реальнее реального, абсолютная и спасительная истина. Как известно, таков общий признак модернизма: вера в истинную реальность, затаившуюся под наслоения обманчивой видимости в ожидании того часа, когда грешные, земные люди ее расшифруют и расколдуют.

Не знать этого Эткинд, разумеется, не мог. Задолго до Фюллеборна и целого ряда других толкователей на религиозный символизм Кафки указывал Макс Брод, первый издатели и пропагандист его произведений. Вина Йозефа К., подчеркивал Брод, не в нарушении юридической нормы, а в конформизме, в том, что он слишком благополучно устроился в мире социального отчуждения, глух к высшим нравственным требованиям и утратил способность любить [16, с. 443]. И точно так же, в свете религиозного

мировоззрения Кафки, интерпретировал Брод образ суда. Гротеск в его изображении, утверждал он, не сатира или не только сатира, а прежде всего знак непостижимой инородности божественного совершенства, его абсолютной противоположности человеческому миру [Там же, с. 211].

Солидаризуясь с описанной им советской рецепцией, Эткинд упрощал, вероятно, сознательно — так же, как упрощал в свое время Белинский, восхваляя Шиллера как благородного защитника униженных и оскорбленных, как упрощал Чернышевский, объявляя Лессинга союзником революционно-демократического движения. Идеологическая инструментализация иностранной литературы, взгляд на нее как на источник энергии социального протеста, понимание литературного творчества как деятельности общественной и нравственной — старая русская традиция. Но традиция эта отнюдь не только русская. Достаточно напомнить о французской репутации Канта, которого мадам де Сталь противопоставляла Империи Наполеона.

* * *

Еще один вопрос, подсказанный статьей Эткинда, — это вопрос о редукции как принципе создания писательской репутации. Увлечение творчеством Кафки в СССР шло с Запада, где его объявили визионером и пророком уже с конца 1940-х годов. В 1953 году Адорно отмечал: «Кафка в моде. Его бесприютность создает уют, из него сделали универсальное бюро справок по всем вопросам человеческой жизни... Авторитетные толкования гасят тот скандал, на который были рассчитаны его произведения» [17, р. 248]. Скандал, о котором говорит Адорно, — это вызов, брошенный Кафкой секуляризированной культуре. Именно этот скандал и гасили его интерпретации — не только на Западе, но и в России. Расшатывая доктрину соцреализма, наши пропагандисты Кафки проходили, как правило, мимо того факта, что в его произведениях, как и в литературе модернизма в целом, критика социального отчуждения не бесперспективна, она ведется в перспективе метафизической реинтеграции отчужденной личности. Парадокс заключался в том, что мода на Кафку утверждалась у нас параллельно с происходившей в те же годы реабилитацией русского символизма и авангардизма, но при этом без опоры на столь характерную для них религиозно-философскую мифопоэтику.

Репутация Кафки как адвоката безвинных и бесправных жертв репрессивной власти была настолько прочной, что мы чувствуем ее влияние

даже в лучших из работ советского периода. Так, с точки зрения В.Г. Адмони, мотив примирения Йозефа К. с приговором суда лишь усиливает «пророчески-разоблачающую» тему порабощения и уничтожения человека [18, с. 167]. Так же и Е.М. Мелетинский, исследуя неомифологический роман XX века, хотя и подчеркивал значение для Кафки метафизической проблематики, полагал тем не менее, что «Кафка не использует мифологему смерти — воскресения» [19, с. 358], и тема обновления, восходящая к обряду инициации, у него полностью отсутствует. Модернистская мифология Кафки была описана Мелетинским как трагическая мифология отчуждения, кафкианская модель мира — как царство безнадежного абсурда, где человек обречен на деградацию и утрату автономной личности.

Но не противоречат ли этому последние главы романа, где вера Йозефа К. в свою правоту заметно ослабевает? Он не ищет больше помощи у других, ни у бюрократических инстанций, ни у адвокатов, ни у женщин и, пусть только в момент казни, испытывает мучительный стыд из-за того, что не понял и не принял правды процесса: «Как собака — сказал он так, как будто этому стыду суждено было его пережить» [7, с. 310]. По Ницше, чьи произведения входили в круг чтения Кафки, стыд существует там, где есть религиозное таинство, а поскольку одним из таинств в течение многих веков считалась человеческая душа — нечто, что имеет божественное происхождение и делает человека достойным общения с богами, — люди испытывают стыд, когда открывают в себе душу [20, с. 292].

Мотив открытия души явственно звучит в предсмертном признании Йозефа К.: «Всегда мне хотелось хватать жизнь в двадцать рук, но далеко не всегда с похвальной целью. И это было неправильно. Неужто и сейчас я покажу, что даже процесс, длившийся целый год, ничему меня не научил? Неужто я так и уйду тупым упрямым? Неужто про меня потом скажут, что в начале процесса я стремился его окончить, а теперь, в конце — начать сначала? Нет, не желаю, чтобы так говорили!» [7, с. 307]. Не намечается ли в этом отрывке и признание героем необходимости приговора, о которой говорил ему в соборе священник, не становится ли страх и страдание приговоренного предвестием трагического катарсиса? В одном из афоризмов Кафки читаем: «Смерть, которая переносит человека в бесконечность духовного мира, в высшей степени желательна — банальная смерть, которая только перемещает нас из одной ненавистной камеры в другую, есть

не что иное, как жестокость... Мы хотим, умирая, слушать призыв Бога: этого не запирайте больше. Я беру его к себе» [16, с. 432].

В том же направлении ведут и другие символические мотивы последнего эпизода: свет, внезапно вспыхивающий в далеком окне, коррелирует со светом, струящимся из недр Закона в притче священника, а предсмертный жест Йозефа К. может быть истолкован как предание себя на милость Всевышнего: «К. поднял руки и развел ладони» [7, с. 310].

По мысли М.Л. Гаспарова, Кафка воспроизводит ту модель отношений между властью и личностью, которую издавна знает история, будь то изгнание Овидия, ссылка Сперанского или практика святой инквизиции в эпоху Галилея. Общим было отсутствие ясно сформулированного обвинения: «Сам должен знать, за что. Иди и платись» [21, с. 143]. И в романе Кафки это действительно так. Однако по мере развития процесса тема сопротивления героя чуждому и непостижимому Закону все больше вытесняется темой его раскаяния, его внутренней готовности «платиться». Эрих Фромм и вслед за ним ряд других авторов «гасили скандал», устроенный Кафкой, сводя раскаяние Йозефа К. к формулам «авторитарная совесть» и «бегство от свободы» [22, с. 144, 482–486]; [23, с. 63] — способ, на наш взгляд, малоубедительный, потому что тогда слишком многое в мировой литературе можно свести к «бегству от свободы», в том числе и Достоевского, и позднего Толстого. Как известно, наряду со свободой самоценного автономного «я» мыслима свобода, которая достигается в движении личности к своей границе, где личное самосознание пересекается со сверхличным бытием и зарождается то отношение их «нераздельности-неслиянности» [24, с. 79–88], которое Бахтин называл «автономной причастностью или причастной автономией» [25, с. 25]; см. [26, с. 12–23].

На уровне композиции присутствие метафизического дискурса в литературе нередко реализовалось в структуре «двойного сюжета». Термин «двойной сюжет», введенный Н.Я. Берковским применительно к просветительскому роману, фиксировал альтернативное равновесие двух разнонаправленных сюжетных линий. По одной из них действительность изображалась как абсурдный хаос, а по другой концептуализировалась как разумный миропорядок [27, с. 5–104]. Нечто подобное может быть отмечено и в «Процессе» [28, с. 183]. История сопротивления Йозефа К. суду ведет героя к утрате своего «я» и физической казни, создавая образ беззаконного мира,

где царят зло и насилие. Но вторая сюжетная линия — история дешифровки и интериоризации героем требований суда — показывает его на пути к признанию божественной справедливости, через смерть к духовному преображению. Мифология отчуждения имеет у Кафки оборотную сторону — религиозный миф о спасении.

В статье Эткинды идет речь о двойной действительности, но проблема второго сюжета в ней не затронута, как не затронута она и в большинстве откликов, о которых в ней упоминается. И это дает основание думать, что литературная репутация Кафки складывалась у нас преимущественно вне метафизического дискурса, на основе его элиминации или редукции и в конечном счете его подмены либерально-демократическим дискурсом свободы, утверждавшим свое господство в условиях деградации и распада советской идеологии.

В заключение хотелось бы напомнить сегодня уже банальную мысль о том, что никакого «настоящего» Кафки, никакого объективно правильного прочтения его произведений, скорее всего, не существует. Мы замкнуты в круге его двойников, среди которых двойник, созданный его современниками или соотечественниками, не более верен, чем двойники позднейшие или инокультурные. Репутация Кафки в СССР, как и любого писателя, заслуживает анализа не как «искажение» его реального облика, а как функция одного из конкурирующих социокультурных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Etkind E.* Franz Kafka in sowjetischer Sicht. *Franz Kafka. Themen und Probleme.* Hrsg. von C. David. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980. S. 229–237.
2. Франц Кафка в русской культуре / Автор идеи и сост. А.О. Филиппов-Чехов. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 394–395.
3. *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М.: Кооперативное изд-во «Никитинские субботники», 1928. 147 с.
4. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛО, 2001. 328 с.
5. *Бурдые П.* Поле литературы // НЛО. 2000. № 45. С. 22–87.
6. *Fischer E.* Kafka-Konferenz. Heinz Politzer (Hrsg.). Franz Kafka. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. S. 366–377.
7. *Кафка Ф.* Роман. Новеллы. Притчи / Сост., вступ. ст. Б. Сучкова. М.: Прогресс, 1965. 614 с.

8. Кацева Е. Мой личный военный трофей. Повесть о жизни. М.: Радуга, 2002. С. 210–226.
9. Копелев Л. Трудное путешествие Кафки в Россию // Кафка Ф. Замок. Роман. Рассказы. Притчи. М.: Риф, 1991. С. 399–410.
10. Эренбург И.Г. Люди. Годы. Жизнь. Т. I–III. М.: Текст, 2005. Т. II. Кн. 4. С. 7–282.
11. Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 2. С. 94–95.
12. Берлин И. Встречи с русскими писателями // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 197–224.
13. Эткинд Е. Записки незаговорщика. London: Overseas publications interchange, 1977. 488 с.
14. Гёте И.-В. Фауст / перевод Б. Пастернака // Гёте И.-В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. С. 74.
15. Fülleborn U. Der Einzelne und die “geistige Welt” // Franz Kafka. Themen und Probleme. Hrsg. von C. David. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980. S. 81–100.
16. Брод М. О Франце Кафке. Франц Кафка. Биография. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки. Вера и учение Франца Кафки (Кафка и Толстой). СПб.: Академический проект, 2000. 505 с.
17. Adorno Th.W. Aufzeichnungen zu Kafka // Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1963. S. 248–281.
18. Адмони В.Г. Поэтика и действительность. Из наблюдений над зарубежной литературой XX века. Л.: Сов. пис., 1975. 312 с.
19. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература; Языки русской культуры, 1995. 408 с.
20. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 231–490.
21. Гаспаров М. Записи и выписки. М.: НЛО, 2008. 388 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: Аст, 2006. 571 с.
23. Kraus W. Nihilismus heute, oder Die Geduld der Weltgeschichte. Frankfurt a. M.: Fischer, 1985. 156 p.
24. Бройтман С.Н. Источники формулы «нераздельность и неслиянность» у Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1987. С. 79–88.
25. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
26. Махлин В. Причастная автономия. К вопросу о диалогизме М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 12–23.
27. Берковский Н.Я. Эволюция и формы раннего реализма на Западе // Ранний буржуазный роман: сб. ст. Л.: Художественная литература, 1936. С. 5–104.
28. Павлова Н.С. Форма речи как форма смысла // Вопросы литературы. Июль-август 2003. С. 167–183.

REFERENCES

1. Etkind, E. Franz Kafka in sowjetischer Sicht. *Franz Kafka. Themen und Probleme*. Hrsg. von C. David. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 1980, S. 229–237. (In Germ.)
2. *Franz Kafka v russkoy kulture*. [Franz Kafka in Russian Culture. Ed. A. Filippov-Chekhov]. Moscow: Rudomino Book Center Publ., 2012, pp. 394–395. (In Russ.)
3. Rozanov, I.N. *Literaturnyye reputatsii* [Literary Reputations]. Moscow: Kooperativnoye izd-vo “Nikitinskiye subbotniki” Publ., 1928. 147 p. (In Russ.)
4. Reytblat, A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskkiye ocher-ki o knizhnoy kulture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin Came Out as a Genius. Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow: NLO Publ., 2001. 328 p. (In Russ.)
5. Bordieu, P. *Pole literatury* [Field of Literature]. *Novoe literaturnoe obozreniye* [New Literary Review]. 2000, No. 45, pp. 22–87. (In Russ.)
6. Fischer, E. Kafka-Konferenz. Heinz Politzer (Hrsg.). *Franz Kafka*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 1973. S. 366–377. (In Germ.)
7. Kafka, F. *Roman. Novelly. Pritchy*. [Novel, Short Stories, Parables]. Moscow: Progress Publ., 1965. 614 p. (In Russ.)
8. Katseva, E. *Moy lichnyy voenny trofey. Povest o zhizni* [My Personal Military Trophy. Tale of Life]. Moscow: Raduga Publ., 2002, pp. 210–226. (In Russ.)
9. Kopelev, L. *Trudnoye putechestviye Kafki v Rossiyu* [Kafka’s Difficult Journey to Russia]. *Kafka, F. Zamok. Roman. Rasskazy. Pritchi* [Castle. Novel. Stories. Proverbs]. Moscow: Rif Publ., 1991, pp. 399–410. (In Russ.)
10. Ehrenburg, I.G. *Lyudi. Gody. Zhizn* [People. Yers. Life]. Vol. I–III. Moscow: Tekst Publ., 2005. Vol. II. Book 4, pp. 7–282. (In Russ.)
11. Akhmatova, A.A. *Podrazhaniye Kafke, Sobraniye sochineniy v 6 tomakh* [Imitation of Kafka, Collected Works in 6 Vols.]. Moscow: Ellis Luck Publ., 1999. Vol. II, pp. 94–95. (In Russ.)
12. Berlin, I. *Vstrechi s russkimi pisatelyami* [Meetings with Russian Writers]. Akhmatova, A. Requiem. Moscow: MPI [Moscow Printing Institute] Publ., 1989, pp. 197–224. (In Russ.)
13. Etkind, E. *Zapiski nezagovorshika* [Notes of a Non-Conspirator]. London: Overseas publications interchange, 1977. 488 p. (In Russ.)

14. Goethe, J.-W. *Faust, perevod B. Pasternaka, Sobraniye sochineniy v 10 tomakh* [Collected Works in 10 Vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, Vol. II, 510 p. (In Russ.)
15. Fülleborn, U. Der Einzelne und die “geistige Welt”. *Franz Kafka. Themen und Probleme. Hrsg. von C. David.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 1980, S. 81–100. (In Germ.)
16. Brod, M. *O Frantse Kafke* [About Franz Kafka]. St. Petersburg: Academic project Publ., 2000. 505 p. (In Russ.)
17. Adorno, Th.W. Aufzeichnungen zu Kafka. Ders. *Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft.* München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1963, S. 248–281. (In Germ.)
18. Admoni, V.G. *Poetica i deystvitelnost. Iz nablyudeniya nad zarubezhnoy literaturoy XX veka* [Poetics and Reality. From Observations of Foreign Literature of the 20th Century]. Leningrad: Sovetskiy pisatel Publ., 1975. 312 p. (In Russ.)
19. Meletinskiy, E.M. *Poetica mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., Yazyki russkoy kultury Publ., 1995. 408 p. (In Russ.)
20. Nietzsche, F. *Chelovecheskoye, slishkom chelovecheskoye, Sochineniya v 2 tomakh* [Human Too Human. Works in 2 Vols.]. Moscow: Mysl Publ., 1990, Vol. 1, pp. 231–490. (In Russ.)
21. Gasparov, M. *Zapisi i vypiski* [Records and Extracts]. Moscow: NLO Publ., 2008. 388 p. (In Russ.)
22. Fromm, E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Flight from Freedom. A Man for Himself]. Moscow: Ast Publ., 2006. 571 p. (In Russ.)
23. Kraus, W. Nihilismus heute, oder Die Geduld der Weltgeschichte. Frankfurt a. Moscow: Fischer Publ., 1985. 156 p. (In Germ.)
24. Broytman, S.N. *Istochniki formuly “nerasdelnost I nesliyannost” u Bloka* [Sources of the Formula “Inseparability and Non-Fusion” in Blok]. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and Materials]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 79–88. (In Russ.)
25. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
26. Makhlin, V. *Prichastnaya avtonomiya. K voprosu o dialogizme M.M. Bakhtina* [Participatory Autonomy. On the Question of M.M. Bakhtin’s Dialogizm]. *Voprosy filosofii* [Topics in the Study of Philosophy]. 2022, No. 11, pp. 12–23. (In Russ.)
27. Berkovsky, N.Y. *Evolutsiya i formy rannego realisma na Zapade* [Evolution and Forms of Early Realism in the West]. *Ranniy burzhuaznyy realizm, pod redaktsiyey N. Berkovskogo.* [Ed. Berkovsky N. Early Bourgeois Realism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1936, pp. 5–104. (In Russ.)
28. Pavlova, N.S. *Forma rechi kak forma smysla* [Form of Parole as a Form of Meaning]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. July-August 2003, pp. 167–183. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 31 октября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.*

Received by Editor on October 31, 2023

Revised on December 6, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010026

Обозначения мужа в лингвосемантическом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг)

© 2024 г. Т. А. Михайлова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
tamih.msu@mail.ru

© 2024 г. М. В. Орлова

Младший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
mriaorlova@gmail.com

© 2024 г. А. А. Смирнитская

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
nyushas@gmail.com

© 2024 г. И. В. Федотова

Научный сотрудник Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 127051, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3
idal.fedotova@gmail.com

Резюме. Исследование представляет собой второй раздел работы, посвященной выявлению и описанию моделей-паттернов стратегии номинации обозначений «мужа, супруга» в языках Евразии. Описана модель М-2 «муж как соционим», внутри которой выделены подгруппы: М-2-1 муж как «женатый человек», М-2-2 муж как «сила и власть», М-2-3 муж как «хозяин» и М-2-4 муж как «старик». Полученные данные нанесены на карту Евразии и демонстрируют предпочтения последней модели в уральских языках, тогда как языки германские и ряд других склоняются к модели М-2-3 и М-2-2. Описана также менее продуктивная модель М-3, внутри которой в свою очередь выявлены группы: М-3-1 муж как «пара в упряжке», М-3-2 муж как (законный) «друг» (наиболее распространена в скандинавском ареале, а также оказывается продуктивной для отражения современных реалий, связанных с изменениями самого института брака, и М-3-3 муж как «жена» (отражает тенденцию к зеркальности обозначений супругов). Был проведен анализ конкретных употреблений лексем-синонимов (неожиданно обильных в данной сфере), что заставило предположить, что понятие «муж» (как и «жена») может вообще не относиться к ЛСГ «термины родства и свойства» и более того — к области «базовой» лексики. При анализе конкретных случаев употребления была также отмечена ориентация на коммуникативную стратегию говорящего как и собственно Эго (в данном случае жена), так и третьих лиц, констатирующих в речепроизводстве сам факт состояния ЭГО с определенным лицом в определенных отношениях. Иными словами, можно сказать, что если такие неоднозначно (?) определенные лексические зоны, как, например, зоонимы, входят в зону языка, стратегия номинации и выбора термина «супруга» относится скорее к зоне речи.

Ключевые слова: термины родства и свойства, индоевропейские языки, дравидийские языки, алтайские языки, семантические переходы, база данных DatSemShift.

Для цитирования: Михайлова Т.А., Орлова М.В., Смирнитская А.А., Федотова И.В. Обозначения мужа в лингвосемантическом поле Евразии: классификация моделей (муж как соционим и муж как друг) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 13–28. DOI: 10.31857/S1605788024010026

“Husband” Designations: a Classification of Nomination Models in the Linguo-Semantic Field of Eurasia: Husband as a Socionym, Husband as a Friend

© 2024 Tatyana A. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

© 2024 Mariia V. Orlova

Junior Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
mriaorlova@gmail.com

© 2024 Anna A. Smirnitckaya

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia
nyushas@gmail.com

© 2024 Idalia V. Fedotova

Researcher at the National Research University
“Higher School of Economics”,
3 bld. 21/4 Staraja Basmannaya Str., Moscow, 125009, Russia
idal.fedotova@gmail.com

Abstract. The article presents the second section of a study devoted to identifying and describing models (patterns) of the strategy for designating the notions “husband, spouse” in the languages of Eurasia. The M-2 model “husband as a socionym” is described, within which a number of sub-groups are identified: M-2-1 husband as a “married man”, M-2-2 husband as “power and authority”, M-2-3 husband as a “master” and M-2-4 husband as an “old man”. The data plotted on the map of Eurasia demonstrate a preference for the latter model in Uralic languages, while Germanic languages and a number of others lean toward the M-2-3 and M-2-2 models. The less productive model M-3 is also described, within which the following groups are identified: M-3-1 husband as a “partner in harness”, M-3-2 husband as a “(legal) friend” (most common in the Scandinavian area, as well as productive for reflecting modern realities associated with changes in the very institution of marriage), and M-3-3 husband as a “wife” (reflects the tendency towards mirror designations of spouses). An analysis was carried out of the specific uses of synonymous lexemes (unexpectedly abundant in this sphere), which led to the assumption that the concept of “husband” (as well as that of “wife”) may not at all relate to the semantic domain “terms of kinship and properties” and, moreover, to the area of “basic” vocabulary. When analyzing specific cases of use, an orientation towards the communicative strategy of the speaker was also noted, both of the Ego itself (in this case, the wife), and of third parties, mentioning in their speech the fact of a certain relationship between Ego and a given person. In other words, it can be stated

that if such uniquely (?) defined lexical zones as, for example, zoonyms are included in the language zone, the strategy of nomination and selection of the term meaning “husband” belongs rather to the speech zone.

Key words: kinship terminology, Indo-European Languages, Dravidic Languages, Altaic Languages, semantic shifts, DatSemShifta database.

For citation: Mikhailova, T.A., Orlova, M.V., Smirnitckaya, A.A., Fedotova, I.V. *Oboznacheniya muzha v lingvosemanticheskom pole Evrazii: klassifikaciya modelej (muzh kak socionim i muzh kak drug)* [“Husband” Designations: a Classification of Nomination Models in the Linguo-Semantic Field of Eurasia: Husband as a Socionym, Husband as a Friend]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 13–28. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010026

Настоящее исследование представляет собой продолжение работы [1]. Описав достаточно детально модель номинации, названную условно «муж как мой мужчина/человек» (М-1), мы обратились к другим паттернам, опирающимся уже не на речь ЭГО (жены), но на некие в основном социальные модели, в которых отмечается принципиально новый статус мужчины, вступившего в брак. Выбор опорной лексемы для обозначения мужа предстает в таких случаях как статусно обусловленный.

Модель М-2: Муж как соционим

Деривационная модель, условно названная нами М-2, реализующая семантику взрослости, зрелости и обладания собственным домом (хозяйством), представлена большим числом разнообразных семантических переходов, объединенных одним стержнем: в них (эксплицитно) не учитывается позиция жены и даже не всегда предполагается ее наличие. При этом в стратегии номинации имплицитно содержится указание на определенный социальный статус, которым обладает женатый человек. Как верно отмечает И.Б. Качинская, «лексико-семантическая группа “Термины родства” тесно связана с другими группами, в том числе с группой половозрастной номинации и группой “Социальный статус”» [2, с. 34]. Сказанное о языковом материале архангельских говоров и стоящей за ними устойчивой (и далеко не наивной) картине мира, данное утверждение является, безусловно, универсальным. В базах данных фиксируются разнообразные переходы, отражающие представление о социальном сдвиге, происходящем в результате женитьбы: свободный молодой человек получает новый статус и новое наименование, которое может трактоваться и как не собственно термин свойства (муж, супруг), и как соционим.

Так, например, в Индии вступление в брак и создание семьи означает для мужчины переход на новый жизненный этап — он становится *грихастха*, домохозяином, переходит на вторую

ступень в законе четырех стадий жизни (*варна — ашрама — дхарма*). Как пишет М.Ф. Альбедиль, «закончив период ученичества и совершив обряд возвращения домой, “дважды рожденный” должен был как можно скорее вступить в брак... Стадия домохозяина рассматривалась как центр и основа всей социальной структуры», см. [3, с. 153]. Соответственно, меняется его цель в жизни: он отходит от ученичества и становится добытчиком, его цель — *артха*, достижение материального благосостояния, а также *кама* — физическое и эмоциональное удовлетворение (и конечно, *дхарма*, религиозный долг, регулярное выполнение религиозных обрядов), таким образом, женитьба означает не просто вступление в брак, но и получение нового статуса. Аналогичным образом в Древней Ирландии, как пишет Ф. Келли, статус *bóaire* ‘владелец скота’ мог иметь только женатый мужчина, причем женатый на дочери человека своего ранга (см. [4, с. 2]). Обращение к другим архаическим правовым текстам, предположительно, расширило бы число примеров, иллюстрирующих противопоставление женатого мужчины холостяку в традиционном обществе¹.

Анализ конкретных семантических моделей, опирающихся на фиксацию получения и сохранения мужчиной особого социального статуса, позволил выделить внутри группы ряд следующих субтипов.

Модель М-2-1: муж как «женатый»

В ряде случаев (но далеко не всегда) перемена статуса может закрепляться в языке посредством

¹ Так, в культуре Африки неженатый мужчина не может не только быть полноправным членом сельской общины, но даже «ни землю, ни козу купить» — Е.В. Перехвальская (устное сообщение). Отчасти такая позиция сохраняется в культуре европейской применительно к священнослужителям (в православии и протестантизме) и к лицам, находящимся на дипломатической службе. Более высокий социальный статус женатого мужчины, по сравнению с одиноким, которого «каждый может обидеть», отмечается и в русском «Домострое» (см. [8]).

непосредственной деривации к основе, имеющей значение 'брак, женитьба'. Это относится к стратегиям номинации по моделям *to marry* → *husband* (в базе DatSemShift # 4808). Так, например, данный переход широко представлен практически во всех в романских языках², в которых обозначения «мужа» восходят к лат. *maritus* 'женатый', этимологически — 'обладающий молодой женщиной' (к и.-е. **mor-(e)i-* 'девушка' с посессорным суфф. *-to-* [5, с. 365], т.е. реализующий ту же модель, что и русск. *женатый*). Ср. франц. *mari*, итал. *marito*, катал. *marit*. Ср. также русск. разг. *женатик* — как женатый мужчина, обычно — молодой, недавно вступивший в брак, образованное по той же модели (ср. примеры из интернета: *У меня уже все друзья женатики; Кому-то нужно заниматься деторождением и пополнять ряды женатиков* и под., ср. также *женатик* с пометой *шутл.* в [6, с. 192]).

Интересно, что уже в поздней латыни *maritos* дало также женскую форму *marita* 'жена, супруга', в текстах встречающуюся реже [7, с. 593] и романскими языками вообще не востребованную. Эрну и Мейе данную форму считают редкой и поздней, встречающейся лишь в текстах эпохи Империи и, видимо, не проникшей в народную латынь. Семантически, в диахронической перспективе, данная форма предстает как абсурдная (жена как «обладающая женщиной»), но, как мы увидим, на синхронном уровне иллюстрирует особого типа языковую стратегию.

Ср. также деривацию *maduve* 'женитьба, брак' → *madivana* 'муж, супруг' в языке каннада (дравидийская семья)³ [9, с. 760], а также в северо-дравидийском языке курух — *beñjrkas* 'первый муж женщины' от *beñjnā* 'жениться', см. [10].

В современном ирландском соответствующая лексема, *pósta* 'женатый, замужняя', образованная от глагола *pósadh* 'вступать в брак; женить, венчать' (позднее норманск. заимствование, изначально — от лат. *sponsus* 'жених, обрученный'), в качестве предиката-причастия может быть употреблена как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине. *Táim pósta* — 'я женат, я замужем'. В то же время как субстантивированное причастие слово традиционно употребляется

² В румынском квалифицируется как архаизм, вытеснено более распространенными *soț* «спутник» и *bărbat* «бородатый» (о чем см. ниже).

³ Вне Евразии аналогичная деривационная модель представлена в языке фаталуку (Новая Гвинея): *kave* 'вступать в брак' — *kavenu* 'муж, супруг' (данные базы DatSemShift). Возможно, на карте мира можно было бы найти и другие примеры реализации данного семантического перехода.

только по отношению к мужчине, ср. традиционное сочетание: *idir aonta is pósta* 'и одинокие, и женатые' — о мужчинах [11, с. 858].

Исходное лат. *spōnsus* 'жених', букв. 'обрученный', в свою очередь при переходе в романские языки сменило семантику на 'муж, супруг' (откуда франц. *époux*, исп. *esposo*, порт. *esposo*, итал. *sposo* и др., ср. также карельск. *sulahan'e* колексификация — 'жених, муж' [12, с. 281], и точно такую же колексификацию в тамильском *māppillai* и *mañāḷaṅ* 'жених, муж' [13, с. 3040, 3160] и в другом дравидийском языке куи *jāma* 'жених, муж', по [14] см. в базе DatSemShift # 6602 *engaged, bridegroom* → *husband*). В свою очередь лат. *spōnsus* имеет относительно позднее происхождение [7, с. 967] и восходит к *spōnsa* 'невеста' (как девушка, которую отец по договору передает, *spondet*, жениху). Таким образом, обозначение мужа как «обрученного жениха», с одной стороны, маркирует изменение социального статуса и может быть включено в число реализаций модели М-2, но при этом, с другой стороны, демонстрирует тенденцию к образованию зеркальных номинаций супругов и входит в число реализаций модели М-3 (о чем ниже).

Однако, несмотря на то, что модель М-2-1 (усл. «женатый») в фокусе эмпатии не обращена непосредственно на ЭГО (жену, в отличие от модели М-1. усл. «мой мужчина»), имплицитно наличие жены, супруги в ней, естественно, присутствует. Поэтому данную модель можно считать переходной по отношению к моделям номинации «мужа», опирающимся на его социальный статус. Кроме того, ни *grīhastha* Древней Индии, ни *bóaire* Древней Ирландии, хотя и предполагают наличие определенного брачного статуса, собственно номинациями «мужа, супруга» не являются.

Модель М-2-2: муж как «сила и власть»

Выделение внутри отмеченной модели М-2 («муж как соционим») ряда субгрупп представляет собой известную сложность, так как демонстрирует пронизываемость семантических полей, находящуюся в контекстуальной зависимости от стратегии говорящего и традиционного узуса номинации. Так, после совместного обсуждения нами было принято решение выделить внутри группы М-2 модель М-2-2, условно (и, возможно, не очень удачно) названную нами «муж как сила и власть». Сложность выделения данной модели обусловлена еще и тем, что, с одной стороны, она отчасти перекрывается реализациями модели М-1 («мой князь», см. в предыдущем разделе), но, с другой — в ряде случаев примыкает к модели М-2-3 («муж как хозяин»).

Отмеченная проницаемость семантических полей реализуется и на уровне диахронии. Так, как правило, с одной стороны, само обозначение мужчины базируется на семантике могущества, воинственности, героизма, храбрости и проч. Общеслав. **mǫžъ* предположительно обозначает не только лицо мужского пола, но и человека, обладающего мужеством, храбростью, человека зрелого и сильного (рефлексы в славянских языках, а также деривацию см. [15, с. 153–160]). На и.-е. уровне общеславянская основа с суффиксальным образованием, предположительно, восходит к корню **men-/mon-* ‘думать, размышлять’ [16, с. 700], изначально кодирующему в данном случае обозначение не собственно мужа, но человека, видимо — как «когнитивное существо» [17, с. 204]. Греч. *ἀνήρ* ‘мужчина, муж, герой’ восходит к и.-е. основе **h₂nēr-* ‘сила, могущество’ (см. деривацию и когнаты в [17, с. 203], а также [18, с. 104–105]). Ср. также позднелат. *barō* ‘воин, наемник’, давшее старофранц. *baron* ‘муж, супруг’ (германское заимств., к основе с общим значением ‘сражаться’). Видимо, в данном случае реализуется не столько оппозиция «свободный — женатый» человек, сколько «юноша — взрослый воин», то есть тот, кто потенциально может стать супругом⁴.

Наблюдающееся в этом переходе развитие смыслов еще в XIX в. описывал филолог П.А. Лавровский: «Остановим свое внимание на смысле, придававшемся и придающемся слову “муж” в степенях возраста человеческого: здесь встречаем понятие силы, крепости, мощи, вследствие чего образовались и слова “мужество”, “мужественный”, “мужаться” и т.п.» [19, с. 4].

С другой стороны, готс. *aba* ‘муж’, предположительно, по мнению В.П. Лемана [20, с. 1], соотносится с др.исл. *afli* ‘могущество, власть’ (др.англ. *afol* ‘то же’, при др.в.н. *uobo* ‘фермер, хозяин дома’) и таким образом реализует в диахронии переход М-2-2 → М-2-3 с семантикой ‘господин, хозяин дома’. В данном случае предложенная З. Файстом (и поддержанная В. Орлом в [21, с. 1]) этимология, возводящая готск. *aba* к «детскому языку» и обозначению старшего в семье (при др.исл. *afi* ‘дед, старик’ и проч. [22, с. 1]), предстает семантически не мотивированной. Более того, дошедшие до нас готские контексты не позволяют с уверенностью говорить о том, что лексема *aba* реализует семантику М-2-2, а не М-2-3. Действительно, все три зафиксированных контекста относятся к маргинальной семантической зоне употребления, то есть обладают значением, которое может

быть интерпретировано и как «хозяин дома, глава семьи», и как «узаконенный партнер конкретной женщины»:

1. jah auk ufwaira qens at libandin **abin** gabundana ist witoda; abpan jabai gaswiltip **aba**, galausjada af þamma witoda abins⁵. — «Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества» (К Римлянам, 7, 2);
2. 3 wiljaup-þan izwis witan þatei allaize **abne** haubip Xristus ist; ip haubip qinons **aba**; ip haubip Xristaus guþ. 4 luazuh **abne** bidjands aipþau praufetjands gahulidamma haubida gaaiwiskoþ haubip sein. — «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову» (К Коринфянам, 1, 11, 3–4);
3. 22 qenes seinaim **abnam** ufhausjaina swaswe frauin; 23 unte **wair** ist haubip qenais swaswe jah Xristus haubip aikklesjons, jah is ist nasjands leikis. 24 akei swaswe aikklesjo ufhouseip Xristu, swah qenes **abnam** seinaim in allamma. — «Жены, повинуйтесь своим **мужьям**, как Господу, потому что **муж** есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуетея Христу, так и жены своим **мужьям** во всем» (К Ефессянам, 5, 22–24).

Последний пример показывает, что отсутствующая в русском синодальном переводе, как и в греческом оригинале⁶, оппозиция *муж* (мужчина) и *муж* (супруг, глава семьи) в интерпретации Вульфилы присутствует: фраза «муж есть глава жены», видимо, понимается им как «мужчины главнее женщин» (вообще), и поэтому жены должны повиноваться мужьям своим (в частности). К сожалению, фрагмент готского перевода Евангелия от Иоанна, в котором со всей определенностью фиксировалось бы значение М-1, но не М-2 («...Правду ты сказала, что у тебя нет **мужа**, ибо было у тебя пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе» — Ин, 4, 17–18), до нас не дошел.

Эта властная позиция мужа подчеркивается и в древнеиндийских религиозно-нравственных предписаниях: «154. Муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем как бог». И далее, «155. Для жен не существует отдельно жертвоприношения, обета, поста; в какой мере

⁵ Источник цитирования: <https://www.wulfila.verbix.com> (дата обращения: 15.09.2023).

⁶ 22. Αἱ γυναῖκες τοῖς ἰδίοις ἀνδράσιν ὡς τῷ Κυρίῳ, 23. ὅτι ἀνὴρ ἐστὶν κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας ὡς καὶ ὁ Χριστὸς κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας... — <https://www.bible.in.ua> (дата обращения: 07.11. 2023).

⁴ Естественно, вспоминается пушкинское: «Слышу речь не мальчика, но мужа».

она повинуется мужу, в такой же она прославляется на небе» (цит. по [23]).

Аналогичное семантическое развитие имеет и китайское *zhàngfū*, которое в качестве первого имеет значение ‘мужчина, зрелый человек, муж высоких качеств, муж доблести’ (и может применяться также по отношению к женщине-рыцарю), а в качестве второго — ‘муж, супруг’ (при *nánrén* ‘мужчина, существо мужского пола’, в форме *nánren* также имеющее значение ‘муж’, модель М-1)⁷.

В базе данных DatSemShift к соответствующим моделям можно отнести переход # 8263 *noble, title* → *husband*, имеющий только две реализации, обе — из языков нигер-конго (с пометой, что данное употребление возможно только в речи жены при обращении к мужу), а также # 2716 *monarch* → *husband* (данные дравидийских языков, три реализации) и # 5038 *lord* → *husband*. Последний переход представлен 17 реализациями, в основном в дравидийских языках, а также и.-е. языках Индии (ассамском, панджаби), Бали, Камбоджи (кхмерском) и Лаоса, причем в основном речь идет о вокативах (иногда выраженных нулем). Обращаясь к языкам Европы, как кажется, можно было бы добавить в данную группу, например, и румынское *gospodar* ‘хозяин, господин, господарь (титул)’, которое приобретает значение ‘муж’ только при обращении жены к соответствующему мужчине, и также само англ. *lord*, в базе отсутствующее. Ср. в данной связи интересный пример обращения к супругу, согласно указанной модели, в романе Луизы Олкотт «Маленькие женщины»:

- What does Amy call you?
- *My lord*.
- That’s like her. Well, you look it...⁸

Стратегия номинации в данном случае довольно прозрачна: за ней стоит элевация мужа как объекта речи жены (см. отмеченное нами в предыдущем разделе аналогичное употребление «мой князь»), а также самого института брака как строящегося на неравноправии, что для современной европейской культуры, действительно,

⁷ См.: Онлайн китайско-русский словарь. <https://www.zhongangu.ru> (дата обращения: 07.09. 2023).

⁸ <https://gutenberg.org/ebooks/514>. В русском переводе смысл несколько изменен: «Как тебя зовет Эми? — Милорд. — Похоже на нее. Да, пожалуй ты так и выглядишь» (пер. М.Ю. Братищевой). Оригинальное «мой господин» заменено на традиционное обращение к мужчине дворянского звания в Англии, что в данном случае в устах жены выглядит как ирония, как если бы, например, русская жена называла мужа «Ваше сиятельство». Напомним, что действие происходит в Америке и герой не может быть английским джентльменом. Однако в то же время обращение «мой господин» в русском переводе звучало бы также неуместно.

не очень уместно. Более того, реализации данных моделей семантических переходов не полностью отвечают выделенному условию — обозначению мужа как соционима, поскольку получают соответствующее семантическое наполнение лишь при перемещении фокуса эмпатии на жену (*мой господин, её господин* и под., т.е. отчасти реализуют модель М-1). Но в то же время обозначение «мужа» как «господина» приближает его к другой модели, условно обозначенной нами как «муж как хозяин» (М-2-3).

Модель М-2-3: муж как «хозяин»

В обозначениях мужа данная модель распространена достаточно широко (в базе DatSemShift # 2086 *owner* → *husband*, 55 реализаций) и представляет собой соционим в чистом виде, т.е. не требует введения дополнительного посессора. Предположительно, данная модель имеет достаточно архаический характер и одна из ее реализаций может быть реконструирована на и.-е. уровне.

В данном случае как базовая для раннего общеиндоевропейского периода может быть названа реконструируемая Меллори и Адамсом лексема **pōti-s* [17, с. 207], ср. лит. *pats* при *pati* ‘жена’, скр. *pati-* ‘муж, супруг’ ~ *patnī-* ‘жена, супруга’, др.гр. *πότις* ‘супруг’ (см. [16, с. 842]), откуда также, в частности, и русск. *гос-под-ин* — букв. «хозяин дома, кто оказывает прием гостям» (см. [24, с. 209]). Ср. *pati* ‘господин, хозяин; муж’ в языке каннада, заимствованное из санскрита. Ср. также лат. *hospes, -pitis* ‘хозяин дома’ < **hosti-potis*. В качестве реконструируемой семантики лексемы предполагается — **pot-* ‘мочь, обладать силой’, ср. латинские продолжения и.-е. основы — *possum, potui* ‘могу’, *potens* ‘могущественный, способный’ и проч. Ср. *pati* ‘господин, хозяин; муж’ в языке каннада и *pati* ‘хозяин дома, муж’ в тамильском, заимствованные из санскрита. Согласно предположению А. Эрну и А. Мейе на и.-е. уровне образование **pōti-s* «обозначало в более широком смысле главу какой бы то ни было группы... В латинском значение ‘хозяин дома; супруг’ у лексемы не сохранилось, так как было вытеснено образованием — *dominus*» [7, с. 799], которое в свою очередь восходит к лексеме *domus* ‘дом, жилище’ в расширенном значении — «хозяйство, семья» (см. [17, с. 206], уточнение значений лат. *dominus* см. также [25, с. 571]). Именно в этом значении в качестве «стартового» от *dominus* был образован женский вариант — *domina* ‘хозяйка дома, жена, госпожа’ (откуда франц. *dame* ‘госпожа; замужняя женщина’).

Аналогичное развитие «хозяин/хозяйка (дома)» → «муж, жена» для германских языков отмечает и К. Бак, в первую очередь — для шв. *hustru* 'жена' (букв. «дома-женщина» [26, с. 96], ср. совр. ирл. *fear/bean tí* 'хозяин/хозяйка дома' (букв.: «мужчина/женщина дома»). Однако приведенные выше и.-е. лексемы, восходящие к реконструируемой основе **pōti-*, реализуются, как правило, самостоятельно и не нуждаются в поддержке определением с семантикой 'дом, жилище'. И.-е. **pōtis* в значении М-2 теоретически могло означать и 'глава семьи, группы', не обязательно привязанной к определенному локусу. Более того, нет уверенности и в том, что этой же лексемой мог обозначаться владелец жилища (и земли), не состоящий в браке или вдовый. На самом деле это вопрос достаточно тонкий и, насколько можно судить по работам тех же Меллори и Адамса, понятия «глава семьи, муж» и «хозяин дома» во многом были синонимичны. Ср. и.-е. основу **kéiŭ-os*, 'дом, хозяйство, общество', кодирующую «скорее социальную организацию, чем строение как таковое» [17, с. 221], и ее разнообразные продолжения в языках-потомках (лат. *cīvis*, др.англ. *hīwan* 'хозяйство' при латышск. *sieva* 'жена'). В тамильском лексема *āttu-k-kārar* с изначальной семантикой 'хозяин дома' получает также значение 'муж' [13, с. 225]. Ср. аналогичное развитие в болг. *стопанин* — 'крестьянин, хозяин дома, муж' [27, с. 635].

Широко представленная в индо-иранском, германском регионе, а также в языках Кавказа данная модель семантической деривации встречается реже в зоне распространения уральских языков (в обобщающей работе, посвященной типологии обозначений «мужа» в Ямало-Ненецком АО [28] он вообще не отмечен), однако, предположительно, в ряде регионов она могла реализоваться под влиянием контактного русского языка и русской культуры. Так, в удмуртском заимствованное *хозяин* употребляется также в значении 'муж', ср. также карельск. *iz'än'd'ä* 'хозяин дома, муж' [12, с. 71].

Обращает на себя внимание также тот факт, что образование обозначения мужа от лексемы с семантикой 'хозяин, владелец' имеет тенденцию к колексификации с нюансированной семантикой — «владелец дома, фермер, крестьянин». Англ. *husband*, являющееся скандинавизмом, реализовало переход *owner* → *husband*, тогда как в других скандинавских языках он в полной мере не реализовался. В шведском *husbonde* употребляется только как парное при *hustru* 'хозяйка дома, жена', имеющем гораздо более широкую

семантику и распространение⁹ (см. [29, с. 373]). Аналогичным образом и нем. *Hausherr* — букв. «дома господин» — имеет не столько семантику М-2-3 («женатый человек, хозяин дома»), сколько обозначает главу семьи в целом. Впрочем, между последними понятиями семантическое различие представляется очень тонким.

По данным Клисби, в др.исл. *bóndi* само по себе, кроме значения 'владелец земли, крестьянин, хозяин дома и скота', имеет также семантику — 'муж', однако это значение авторы выделяют в качестве второго при первом — 'хозяин дома' (см. [30, с. 74]). Ср., например, сочетание:

...einn bóndi ok húsfreyja — «один крестьянин со своей женой»¹⁰.

Нечто подобное можно отметить и для др.ирл. *aithech*. В саге «Недуг уладов» лексема *aithech* встречается изолированно в начале саги во фразе *Boí aithech somæ di Ultaib i mbennaib slíab et díthrub* — «Был *крестьянин* богатый из уладов на вершинах гор и на пустошах» и *Táncamar co ndigis-siu do fhúaslucud do aithig tige ro-hergabad lasin ríg* [32, с. 29] — «Мы пришли, чтобы ты пошла освободить твоего мужа (букв. "крестьянина / хозяина дома"), который захвачен королем».

Возможно, аналогичное семантическое развитие прослеживается и в валлийском *prïod* 'муж, супруг / жена, супруга'. Заимствованное из лат. *privatus* 'личный, собственный' и сохранившее во многом соответствующую адъективную «стартовую» семантику (см. [33, с. 2893–2894], в субстантивированной форме слово получило значение 'супруг, супруга' (а также 'добро, владение' и 'владелец'), от чего затем был образован глагол *prïodi* 'вступать в брак'. При сопоставлении с латинскими формами, а также их романскими продолжениями невольно обращает на себя внимание зеркальность валлийских обозначений жены и мужа: оба они кодируются как «собственность» друг друга либо как владельцы совместной

⁹ Можно предположить, что в шведском языке закрепилось обозначение жены как *hustru*, обладающее не собственно семантикой «хозяйка (дома)», но скорее «женщина, занимающаяся хозяйством, домом», и поэтому оно не строго зеркально шв. *husbonde*. С чем-то аналогичным мы встречаемся и в русском употреблении *хозяйка*, не являющемся ни синонимом «госпожи», ни женским эквивалентом *хозяина*. Так, обозначение жены как «моя хозяйка» = «та, кто занимается моим хозяйством», тогда как муж как «мой хозяин» = «мой повелитель, господин».

¹⁰ В переводе Е.А. Гуревич «Пряди о Вёлси», откуда взят пример, дан другой русский эквивалент — «один бонд со своей хозяйкой», что, безусловно, также семантически обусловлено (см. [31, с. 308]).

собственности. Впрочем, говоря строго, у нас нет уверенности в том, что данное образование реализует семантический переход «собственный мужчина / собственная женщина» → «муж/жена». Возможно, учитывая приведенные нами другие значения лексемы, мы можем говорить в данном случае о другом, более распространенном (см. выше) семантическом переходе, при котором значение «хозяин/хозяйка» опирается на маркированное изменение социальной функции лица, в данном случае — обретение статуса хозяина дома. И таким образом, ср. валл. *dy briawd* ‘твой супруг’ изначально имело семантику «хозяин вашего общего дома».

Модель М-2-4: муж как «старик»

Мы предполагаем, что к этой же группе М-2, описывающей супруга с позиций социума, можно отнести и лексемы, реализующие переход «старик» → «муж», надо сказать, очень широко распространенный. В базе данных семантических переходов DatSemShift он имеет номер 860: **old man** → **husband** и в настоящее время представлен 54 реализациями, в основном по данным уральских языков.

См. например: севернохантыйский: шурышкарский *ики* ‘1. старик, мужик 2. муж’ [34, с. 36]: *Имеңән-икиңән илләтән* — «Жена с мужем вдвоем живут».

Как уже отмечено, в уральских языках почти нет перехода ‘хозяин’ > ‘муж’, но см. значение ‘хозяин’ и, наоборот, ‘муж’ > ‘хозяин’: *куща ики* ‘хозяин’ при *куща* ‘хозяин, начальник’ [34]; [58] *хотәң куща* — ‘хозяин дома’, *куща нэңийэ* — ‘хозяйка’. Ср. также казымский, в котором произошла семантическая эволюция ‘старик’ > ‘**мужчина**, муж’ *ики* [35, с. 70]. Ср. также тундровый ненецкий: *вэсако* (большеземельский и западный говоры) ‘1) старик; 2) муж’ [36, с. 77], лесной ненецкий *вэ”ку* ‘1) старик; 2) муж’ [37, с. 24], лесной энецкий *буси* ‘1) старик, дед (старый мужчина); 2) муж’ [38, с. 86], нганасанский *бэйка”а* ‘1) старик; 2) муж’ [39, с. 29], *бэйкуо* ‘1) старик; 2) муж’ [39, с. 29], селькупский *ира* (кетский диалект, елогуйский говор, туруханский говор) ~ *иррам* (кетский диалект) ~ *ирэ* (елогуйский говор) ‘1) старик; 2) муж’ [40, с. 31], *арá* (нарымский диалект), *áра* (тымский диалект), *ираqота* (тазовский диалект) [LingvoDoc]¹¹, юкагирский колымский (лесной) юкагирский *пулут* ‘1) старик; 2) муж’ [41, с. 256].

¹¹ LingvoDoc — Лингвистическая платформа ЛингвоДок <http://lingvodoc.ispras.ru>.

Модель представлена также в тюркских языках: см. башкирский *ип* ‘мужчина’, ‘муж, старик’, *карт* ‘муж, старик’, *абышка* ‘муж, старик’, татар. *ип*, *карт* ‘муж, старик’, челканский *апшца*, *апшык* ‘старик, дед, муж’, теленгитский *апшыяк* ‘старик, муж’ [LingvoDoc]. В ряде случаев в словарях присутствует помета «диалектное, разговорное», однако фиксируются также случаи устойчивой полисемии.

Субвариантом аналогичной семантической стратегии может быть также обозначение «мужа» в румынском: *Bărbat* ‘мужчина’ → ‘муж’, синхронная полисемия, *a lua de bărbat* ‘взять в мужа, выйти замуж за кого-либо’, из лат. *barbatus* ‘бородатый’.

Отметим также возникающую паронимическую колексификацию: ср., например, др.в.нем. *karl* ‘муж’ при совр. нем. *kerl* ‘старик’ [42, с. 364]). То есть в данном случае реализуются параллельно два семантических перехода: «взрослый мужчина, старик» → «крестьянин» и «взрослый мужчина» → «супруг». То есть вновь мы встречаем лексему с необычайно широким экстенционалом, включающим в себя потенциальные семантические реализации — «мужик, плебей, крестьянин — муж, супруг, — хозяин — старик».

Интересно с данной точки зрения регулярное обозначение мужа как «деда» (отмечено, например, в речи Л., 68 лет). На первый взгляд, это реализация той же модели — «муж — старик», в которой *дед* синонимичен *старик*, что действительно наблюдается в простонародной речи. Однако, возможно, в данном случае происходил сдвиг фокуса эмпатии на внука, которой обладала Л. и ее муж. Причем интересно, что данное речупотребление было характерно для некодифицированной и неофициальной речи. Как можно предположить, в ходе официального общения она же назвала бы *деда — мужем*. Более того, во многом выбор номинации Л. опирался на фоновые знания собеседников. Однако в целом данная номинация укладывается все в ту же модель, согласно которой в качестве номинации мужа выбирается не обозначение по отношению к ЭГО, но обозначение полученного субъектом статуса. Ср. также распространенное «отец» при обозначении мужа женщиной, имеющей с ним совместных детей (но не в ходе беседы с этими детьми, что имеет другую интерпретацию), и возможное также только в речи ЭГО.

Особый интерес представляет также обозначение мужа, получившего новый статус, — быть принятым в семью жены. В русском языке для его обозначения существует термин *примак* — муж,

См. ареальное распространение модели М-2 на карте Евразии.

Условные обозначения:

М-2-1 жениться > муж — *зелёный*

М-2-2 сила/власть > муж — *жёлтый*

М-2-3 муж как хозяин — *красный*

М-2-4 муж как старик — *фиолетовый*

принятый в семью (ср. синонимы также русск. диал. — *вдомник, влазень, вабий*). В качестве гиперонима оно имеет не «муж», а скорее — «зять». По данным И. Чельшевой¹², итальянское диалектное *rupillo*, букв. «воспитанник, тот, кого кормят», имеет то же значение — «муж, принятый в семью». По данным О. Христофоровой¹³, крестьяне верхнекамского региона вообще не говорят «выйти замуж» в том случае, если девушка остается в доме родителей: ср. ее пример: «я замуж вообще не ходила, оба мои примаками были». Последний пример очень интересен тем, что в нем употреблен посессив — *мои*, то есть возможно употребление «мой примак» не только со стороны тещи, но и со стороны жены. В то же время обозначения пришедшего в дом (двор) семьи жены мужа в качестве мотивации могут иметь как раз и обозначение данного локуса: *домовик, домовой, дворник, дворян, доможило, домушник* и проч. (см. в данной связи богатую материалом работу [2]). Интересно, что аналогичный семантический

переход (# 8027 *house* → *live-in son-in-law*) в базе DatSemShift зафиксирован также в финском, эстонском и армянском языках, что демонстрирует относительную универсальность в стратегии номинации денотата, опирающуюся на сходство в статусных рамках. Однако, как нам кажется, вынесение данных обозначений в отдельную модель (модели) не представляется правомерным из-за диалектного статуса указанных лексем, а также излишне коннотативной составляющей, выражающейся в реальных употреблениях лексем.

Пользуясь терминологией С.М. Толстой, мы можем сказать, что слова, обозначающие мужа, супруга, образованные по моделям М-1 и М-2, как правило, обладают обширным набором «левой» мотивации семантического поля, то есть «число воплощенных в них разных номинационных моделей» [43, с. 194] достаточно велико. Иными словами, в качестве вторичного значение «муж, супруг» реализуется у относительно ограниченного числа семантем в модели М-1 (мужчина, человек и др.) и достаточно широкого списка семантем в модели М-2 (хозяин, старик, бородатый, женатый и пр.), тогда как «правая» мотивационная потенция (образование новых слов на их базе)

¹² Устное сообщение в личной беседе.

¹³ Сообщено в ходе доклада на Школе по этнологии и фольклору (Переславль, май 2012 г.).

представляется у них достаточно слабой. Кроме, наверное, понятия «замужество», в котором, однако, проявляется тенденция к реализации третьей модели — М-3.

Отмеченная нами общая тенденция к зеркальности, параллельности, парности номинации мужа и жены, в основе которой лежит представление о браке как союзе двоих, описывается как модель М-3, условно — «муж как один из пары». В данной модели показалось уместным выделить три группы, различающиеся не только базовой семантикой, но и механизмом деривации. Так, в первой, довольно специфической группе (см. ниже), как можно предположить, обозначения мужа и жены возникают одновременно как парные. Во второй, предположительно, также отмечается парность, однако, как правило, обозначение мужа предстаёт как исходное, тогда как номинация жены оказывается производной. В третьей группе, признаемся, не очень численной, напротив, номинация мужа восходит к обозначению жены (или невесты) и, предположительно, также обусловлена тенденцией к зеркальности номинации.

Модель М-3-1: муж как «пара в упряжке»

Данный, на первый взгляд достаточно экзотический, семантический переход реализует представление о браке как в первую очередь совместном труде, а более конкретно — о паре волов (быков, коней и пр.), запряженных в одну упряжку и совместно тянущих «тяготы жизни»¹⁴.

Данная модель представлена в первую очередь русским *супруг* (*супруга*), восходящим к обще-слав. основе **pręg-* (см. [44, с. 3, 805]). Лексема засвидетельствована также в болг. (*съпруг*) и сербо-хорв. (*suprug*). Древнерусск. *сьпругъ* ‘муж, супруг’ в свою очередь является заимствованием из старославянского *сѣпругъ*, употребленном со значением ‘парная упряжка’ в качестве эквивалента к греч. ζεῦρος в контексте «я купил пять упряжек волов» (Лк. 14, 19) (см. [45, с. 684]). Ср., однако, употребление в мартовской минее так называемой Супральской рукописи (сер. XI в., записана в северо-восточной Болгарии) — *сьпругъ гнѣти сж* ‘пожениться’ [45, с. 667].

Аналогичное семантическое развитие наблюдается в свою очередь и у греческого ζεῦρος: ср. σὺ-ζυγός ‘муж, супруг’, букв. «со-упряжь», а также у его латинского когната — ср. *jugum* ‘ярмо, парная

упряжка’ → ‘брак, супруги’, ср. также *con-jugium* ‘брак, брачная пара, также — один из супругов’¹⁵.

Менее известным и описанным феноменом является аналогичное семантическое развитие в древнеирландском: ср. *mám* ‘ярмо’ при *commátus* ‘брак’, *commáim* ‘один из супругов, преимущественно — жена’. В «Этимологическом словаре древнеирландского языка» Ж. Вандриеса [46, с. 15] этимология др.ирл. лексемы *mám* представлена как «сомнительная», однако в работе [21, с. 257] предлагается соотносить ее с протогерм. **makaz* ‘равный, подходящий’, откуда также и скандинавские обозначения мужа: шведс. *make* (при *taka* ‘жена’), др.исл. *mágr* ‘свойственник (через брак)’ (см. [47, с. 375]), и дается предполагаемая этимология: **mag-mu-* > *mám*. Линия семантического развития в данном случае не совсем ясна. Если для скандинавского ареала супруги предстают как «ровни», то для древнеирландского, где лексема *mám* употребляется скорее перифрастически и с отрицательными коннотациями (ярмо, иго), можно сделать вывод о том, что брак в целом рассматривается как совместные и тягостные обязательства. Ср., однако, *Mám* в топонимике со значением ‘холм’, видимо: ярмо, дуга → изгиб, холм.

Предположительно, вся группа лексем реализует «семантику смежности», отсюда «пара волов» превращается в «супружескую пару» (в славянских языках, латинском и греческом), а идея равенства и парности развивает семантику «пары волов» и затем «ярма» с одной стороны и «супружества» — с другой. Возможно, указанная группа и кодируемые ею семантические комплексы нуждаются в дальнейшей разработке.

Модель М-3-2: муж как «(законный) друг»

Как принято считать, данная модель характеризует относительно позднее состояние лексико-семантической группы, для которой характерно равенство и относительная взаимная свобода. Так, традиционным германским «хозяевам» и уральским «старикам» в скандинавском ареале противопоставлены «друзья, товарищи, спутники» (на самом деле, указанные русские эквиваленты приведенных ниже лексем не полностью тождественны не только оригиналам, но и самим себе). Так, спутник может быть временным и случайным, тогда как друг — понятие более постоянное. В настоящее время соответствующий семантический переход отмечен в базе DatSemShift как

¹⁴ Ср. в базе данных DatSemShift переход # 8457 — *yoke* → *marriage*.

¹⁵ Ср. русск. разг. *захомутать* в значении «насильно или обманом женить».

2685 *companion* → *husband/wife* и представлен 13 реализациями, среди которых кроме приведенных ниже из скандинавских языков и венгерского интересно отметить рум. *soț* — основное обозначение мужа в румынском ← лат. *socius* 'друг, партнер по общему делу', при вторичном *soție* 'жена'. Ср. также переход # 1974 *friend* → *husband/wife*.

В двух скандинавских языках — норвежском и датском — существуют более формальные, официальные в сравнении с *mann/mand* наименования супруга как партнера: норв. *ektefelle* и дат. *ægtefælle*¹⁶ (от книжного глагола *ekte/ægte* 'жениться', в свою очередь связанного с прилагательным средневерхненемецкого происхождения *ekte/ægte* 'истинный, законный')¹⁷. Компонент *felle* (от др.сканд. *félag* 'общее хозяйство', родственной англ. *fellow*) используется преимущественно в сложных словах, обозначающих разного рода ситуации партнерства: ср. норв. *lidelsesfelle* 'товарищ по несчастью', *reisefelle* 'спутник, досл. партнер в поездке'; дат. *fagfælle* 'коллега, специалист в той же области', *kampfælle* 'соратник, досл. партнер по борьбе', *trofælle* 'единоверец, досл. партнер по вере'. Как и *make* и его когнаты, а также другие реализации модели МЗ, эти наименования используются безотносительно к полу супруга, обозначая и мужа, и жену, — см. типичный пример неререферентного употребления:

En udlænding har ifølge udlændingeloven ret til at blive familiesammenført med sin ægtefælle og med sine børn under 18 år — «Согласно закону об иммиграции, иностранец имеет право на воссоединение со своим супругом и детьми до 18 лет».

Семантическую параллель к переходу находим в венгерском языке. Как и в северогерманских языках, этот переход реализуется здесь в слове более формального регистра *házastárs* 'досл. товарищ по дому'. В отличие от скандинавского *felle/fælle* венгерская лексема *társ* (вероятно, изначально заимствованная из славянских языков — ср.

¹⁶ Характерно, что под влиянием этих лексем на основе других обозначений мужа/супруга возникли «комбинированные» наименования — норв. *ektemann, ektemake* и дат. *ægtemand, ægtetage* (данные по словарям: норв. [48] (последнее обращение — 25.10.2023), датск. [49] (последнее обращение — 25.10.2023), венг. [50] (последнее обращение — 20.10.2023).

¹⁷ Отдельно следует отметить схожие с этими примерами нестертые метафоры, обнаруживающиеся в названиях супругов в северогерманских языках: дат. *livsledsager*, исл. *lífsförunautur* (досл. 'спутник по жизни'). Несмотря на образность этих обозначений и их прозрачную внутреннюю форму, они все же фиксируются как отдельные лексические единицы в словарях соответствующих языков и, как представляется, могут считаться полноценными фактами языка.

рус. *товарищ*) способна использоваться как самостоятельное слово (в значении 'товарищ, союзник'), но употребляется и в составе множества сложных обозначений партнеров по тому или иному занятию: *asztaltárs* 'сотрапезник, досл. партнер по столу', *fegyvertárs* 'товарищ по оружию', *iskolatárs* 'одношкольник'.

Отдельно следует отметить, что в последние десятилетия, по мере трансформации представлений о браке и нормализации долгих, по сути супружеских, отношений между официально не вступавшими в брак людьми, реализации модели М-З стали активно использоваться для описания таких отношений — см. англ. *partner* и соответствующие заимствования в других языках, в том числе в русском; венг. *barát* 'друг' и *barátnő* 'подруга', фр. *ami, copain* 'друг' и *amie, copine* 'подруга'. Более того, французские обозначения партнеров как друзей в последние годы настолько закрепились в узусе, что для описания собственно дружбы зачастую используется только позволяющее снять многозначность просторечное слово *pote*. Несмотря на то что для более детального описания обозначений мужа представляется целесообразным там, где это возможно, рассматривать значения 'друг' и 'партнер' изолированно, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что различие между ними в контексте описания брачных отношений зачастую стирается. Эта мысль дополнительно подтверждается тем фактом, что значения «партнер в том или ином деле» и «друг» могут выражаться одним словом — ср. рус. *товарищ по несчастью* и *Он мой товарищ*, фр. *camarade de classe* 'одноклассник' и *mon camarade*.

Расширение языкового материала, как и следует ожидать, предлагает новые реализации указанного семантического перехода, скорее опровергающие теорию о позднем происхождении данных номинаций и свидетельствующие о распаде брака как социального института. Ср., например, одно из обозначений супруга в македонском и сербо-хорватском (не засвидетельствованное в болгарском) — *брачен другар*. Более того, как показано в работе об обозначениях супругов в ареале Ямало-Ненецкого округа [28], представление о муже как о «товарище, спутнике, друге» характерно также и для языков Севера.

Мы можем предположить, что аналогичный семантический переход произошел еще в древнеирландском, когда значение 'партнер по браку' получила лексема *céile* с исходной семантикой 'друг, товарищ, дружинник, вассал' (лексема неясной этимологии, см. [51, с. 53]; [52]). Фиксируемое

в данном значении уже в языке глосс *céile* позднее расширило семантику и начало употребляться при обозначении жены (*bean chéile*).

Модель М-3-3: муж как «... жена»

Примеры реализации данной семантической модели в языках представлены относительно редко, так как существующая гендерная языковая направленность имеет тенденцию при создании парных номинаций скорее опираться на обозначение мужа (*хозяин* — *хозяйка*, *старик* — *старуха* и проч.). Однако ряд интересных случаев отметить можно.

В базе данных DatSemShift¹⁸ семантический переход *bride* → *husband* присутствует и обозначен номером 6621 со статусом *single* (то есть имеет всего одну реализацию, представленную диалектными румынскими данными, что, безусловно, нуждается в корректировке). В то же время в ней присутствует переход # 6602 *engaged* → *husband* (8 реализаций). Однако следует отметить, что описанный выше латинский переход *spōnsa* → *sponsus*, а затем *sponsus* → фр. *époux* ‘муж, супруг’ (зафиксированный также в других романских языках) представляется: 1. многоступенчатым и 2. базирующимся на идее договора, обручения, узаконивания отношений. Причем если во французском переход осуществился полностью, то в итальянском, например, *sposo* имеет значения ‘муж, жених’ и вытесняется в область мужа постепенно, ср. *sposo promesso* ‘жених’, букв. «обещанный жених». Ср. в русском аналогичное семантическое развитие у сочетания *обручальное кольцо*, которое, видимо, в силу ухода в прошлое церковного брака слилось и семантически, и функционально с кольцом *венчальным*¹⁹.

Близкий семантический переход отмечается и в современном испанском языке. Муж (как правило, фактический) получает обозначение *novio*, образованное от лексемы *novia* ‘невеста’²⁰.

Вторичное развитие при обозначении *мужа*, базирующееся на обозначении *жены*, отмечено М.Ю. Микитенко в славянских языках. Так, «в чешском языке широкое распространение имеет и слово *manželka* (аналогично польск. *małżonka*). Слово сложное, первоначально звучало

как *malžena*, т.е. *žena*, взятая *po malu*, или *po dogovoru*. Слово *mal* у горных немцев (Судеты) означает “судебное решение”, где объявляется брачный дар (*Mahlschatz*). <...> В соответствии с реализацией этих слов в устной речи по отдельным языкам (чеш. *manželka* — с метатезой *l* и *n*, в польск. *malžena*) в этих же языках появились аналогичные наименования супругов как пары: чеш. *manželstvo*, польск. *malżenstwo*, а в более позднюю эпоху возник новый раздельный счет: чеш. *manžel~manželka*, польск. *malżen, malżenka*» [53, с. 75–76].

Заключение

Исследование базировалось на данных языков Евразии, как современных, так и древних, причем с учетом диахронических переходов в области семантических сдвигов. Естественно, мы понимаем, что, несмотря на обширность материала, в поле анализа попали не абсолютно все языковые данные, что естественно. Однако, как мы предполагаем, выявленные модели-паттерны, по которым образуются номинации «мужа, супруга», были очерчены достаточно полно. Более того, как мы смеем надеяться, привлечение нового языкового материала, находящегося уже за пределами Евразии, лишь подтвердит нашу гипотезу об ограничении числа продуктивных семантических моделей. Вероятно, при этом ареальное их распространение будет несколько иным.

В работе, возможно, не достаточно исследовалось влияние языковых и культурных контактов на стратегию номинации супругов (их «диффузность», по определению В. Гаста и М. Копчевской-Тамм [54]), напротив, акцент ставился на типологических универсалиях, хотя в ряде случаев заимствования были отмечены. Однако для этого, как может показаться, есть мотивированное «априорное» объяснение: как отмечают авторы, «диффузность паттернов колексификации характерна скорее для лексической периферии» [54, с. 403], тогда как обозначения «мужа, супруга» входят, как известно, в расширенный список базовой лексики (207-словный). Однако, глядя сейчас уже *post factum* на динамику описанных паттернов-моделей, с одной стороны, и на обилие синонимов, сосуществующих даже на уровне одного идиолекта, мы невольно задаемся вопросом о правомерности включения данного понятия в состав **базовых** семантем. Анализ конкретных случаев употребления (а не словарных данных) выявил обусловленность выбора той или иной лексемы как коннотативным полем, так и ориентацией говорящего на адресат высказывания.

¹⁸ Дата обращения — 03.10.2023.

¹⁹ Ср. в поэме Лермонтова «Тамбовская казначейша»: Она на мужа посмотрела / И бросила ему в лицо / свое *венчальное* кольцо. Ср., однако, в псевдо-народной песне Ивана Сурикова (1841–1880): А жене скажи слово прощальное / передай кольцо *обручальное*.

²⁰ Анна А. Зализняк, личное сообщение.

В ходе обсуждения феномена было предложено: 1) обратиться к данным психолингвистики для обнаружения семантических аналогий и их интерпретаций; 2) предположить, что понятие «муж» (как и «жена») может вообще не относиться к ЛСГ «термины родства и свойства» и, более того, к области «базовой» лексики; 3) при анализе конкретных случаев употребления ориентироваться на коммуникативную стратегию говорящего, как и собственно Эго (в данном случае жена), так и третьих лиц, констатирующих в речепроизводстве сам факт состояния ЭГО с определенным лицом в определенных отношениях. Иными словами, можно сказать, что если такие однозначно (?) определенные лексические зоны, как, например, зоонимы, входят в зону **языка**, стратегия номинации и выбора термина «супруга» относится скорее к зоне **речи**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живлов М.А., Михайлова Т.А., Орлова М.В., Смирнитская А.А. Обозначения мужа: классификация моделей номинации (на базе лингвосемантического поля Евразии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 5–15.
2. Качинская И.Б. Принятые — люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 34–43.
3. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996.
4. Kelly F. (ed.) *Marriage Disputes. A Fragmentary Old Irish Law-text*. Dublin: DIAS, 2014.
5. De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2008.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998.
7. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris, 1939.
8. Найденова Л.П. «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве XVI века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996. С. 290–304.
9. Učida N., Rajapurohit B.B. *Kannada-English Etymological Dictionary*. Tokyo, Asian & African Lexicon, vol. 54: Tokyo University of Foreign Studies, 2013.
10. Kobayashi M., Tirkey B. *The Kurux Language: Grammar, Texts and Lexicon*. Brill's Studies in South and Southwest Asian Languages. xvii. Leiden and Boston: Brill, 2017.
11. Dinneen P.S. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla. An Irish-English Dictionary*. Dublin: Irish Texts Society, 1927.
12. Пунжина А.В. Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск: Каредия, 1994.
13. Tamil Lexicon. Madras: University of Madras, Diocesan Press, 1924–1936.
14. Winfield W.W. *A vocabulary of the Kui Language*. Calcutta: Asiatic society of Bengal, 1929.
15. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 20. М.: Наука, 1994.
16. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. München: Francke Verlag, 1959.
17. Mallory J.P., Adams D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
18. Beeks R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden: Brill, 2009.
19. Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867.
20. Lehmann W.P. *Gothic etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1986.
21. Orel V. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill, 2003.
22. Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden: Brill, 1939.
23. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльманович. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1994.
25. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968.
26. Buck, Carl D. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
27. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1966.
28. Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Казакевич О.А., Букова С.И., Будянская Е.М., Муравьев Н.А., Коряков Ю.Б. Понятие «муж» и его отражение в диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории ямало-ненецкого автономного округа // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 2: Филология. С. 74–85.
29. Hellquist E. *Svensk Etymologisk Ordbok*. Band. I. Lund, 1970.
30. Cleasby R. *An Icelandic — English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1957.
31. Гуревич Е.А. Исландские пряди. М.: Наука, «Литературные памятники», 2017.

32. Hull V. (ed.) Noinden Ulad: The Debility of the Ulidians. *Celtica*. 1968, Vol. VIII, pp. 1–42.
33. Geiriadur Prifysgol Cymru, A Dictionary of the Welsh Language. Cardiff, 1951. URL: <http://geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html>
34. Вальгамова С.И., Кошкарева Н.Б., Онина С.В., Шиянова А.А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / Под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011.
35. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014.
36. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
37. Бармич М.Я., Вэлло И.А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Филлиал изд-ва «Просвещение», 2002.
38. Сорокина И.П., Болина Д.С. Энецо-русский словарь. СПб.: Наука, 2009.
39. Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2001.
40. Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2005.
41. Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиrow). Новосибирск: Наука, 2021.
42. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
43. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука, 1996.
45. Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1984.
46. LEIA 1960 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. M, N, O, P. Paris: CNRS, 1960.
47. De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1962.
48. Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <http://ordbokene.no>.
49. Den Danske Ordbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://ordnet.dk/ddo>.
50. Magyar értelmző kéziszótár. Budapest, 1978. URL: <https://classes.ru/all-hungarian.ru>.
51. LEIA 1987 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. C. Paris: CNRS, 1987.
52. Mikhailova T. Macc, cailin and ceile — an Altaic element in Celtic? *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Bonn, 2007. Ed. H. Tristram. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, pp. 4–24.
53. Мукитенко Н.Ю. Индоевропейские истоки терминов родства и системы брачных отношений в славянской культурно-языковой традиции // Алгебра родства. Вып. 14. 2012. С. 75–83.
54. Gast V., Koptjevskaja-Tamm M. Patterns of persistence and diffudibility in the European lexicon. *Linguistic Typology*, 2022, Vol. 26 (2), pp. 403–438.

REFERENCES

- Zhivlov, M.A., Mikhailova, T.A., Orlova, M.V., Smirnitckaya, A.A. *Oboznacheniya muzha: klassifikaciya modelej nominacii (na baze lingvosemanticheskogo polya Evrazii)* ["Husband" Designations: A Classification of Nomination Models (In the Linguo-Semantic Field of Eurasia)]. *Izvestia Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i azyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 5–15. (In Russ.)
- Kachinskaya, I.B. *Prinyatyje — lyudi proklyatyje: nominatsiya muzha, prishedshego zhit' v dom zheny (po materialam archangelskih govorov)* [A Husband Who Came to Live in His Wife's House: Denomination and Motivation (in Arkhangelsk Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2019, Vol. 11, pp. 34–43. (In Russ.)
- Induizm. Džainizm. Sikhizm. Slovar. Red. M.F. Albedil, A.M. Dubiansky* [Hinduism. Jainism. Sikhism. A Dictionary. Ed. M.F. Albedil, A.M. Dubiansky]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russ.)
- Kelly, F. (ed.) *Marriage Disputes. A Fragmentary Old Irish Law-text*. Dublin, DIAS Publ., 2014.
- De Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill Publ., 2008. (In Russ.)
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovij slovar russkogo jazyka. 4-e izdanie, dopolnennoe*. [Explanatory Dictionary of Russian. The 4th Completed Edition]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. (In Russ.)
- Ernout, A., Meillet, A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris, 1939.
- Naidenova, L.P. *Svoi i tchujie d Domostroe. Vnutri-semejnie otnoshenija v Moscve XVI veka* ['Ours' and 'Others' in Domostroy. Inter-Family Relations in Moscow in the 14th Century]. *Chelovek v krugu semji. Otcherki istorii tchasnoj jusni v Evrope do nachala novogo vremeni. Pod. red. J.L. Bessmertnogo* [A Person in its Family. Studies on Private Life in Europe before

- Modern Time. Ed. by J.L. Bessmetrniy]. Moscow: RSUH Publ., 1996, pp. 290–304 (In Russ.)
9. Učida, N., Rajapurohit, B.B. *Kannada-English Etymological Dictionary*. Tokyo, Asian & African Lexicon, Vol. 54: Tokyo University of Foreign Studies, 2013.
 10. Kobayashi, M., Tirkey, B. *The Kurux Language: Grammar, Texts and Lexicon*. Brill's Studies in South and Southwest Asian Languages. xvii, Leiden and Boston, Brill Publ., 2017.
 11. Dinneen, P.S. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla*. An Irish-English Dictionary. Dublin, Irish: Texts Society Publ., 1927.
 12. Punzhina, A.V. *Slovar karelskogo jazuka: tverskie govory* [Karelian Dictionary: Tver Dialects]. Petro-savodsk, Karelia Publ., 1994. (In Russ.)
 13. *Tamil Lexicon*. Madras: University of Madras, Diocesan Press, 1924–1936.
 14. Winfield, W.W. *A vocabulary of the Kui Language*. Calcutta: Asiatic society of Bengal, 1929.
 15. *ESSIA — Etimologičeskij slovar slavianskih jazikov* [Etymologic Dictionary of Slavonic]. Vol. 20. Moscow: Nauka Publ., 1994. (In Russ.)
 16. Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. München: Francke Verlag, 1959.
 17. Mallory, J.P., Adams, D.Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
 18. Beeks, R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden: Brill Publ., 2009.
 19. Lavrovskiy, P.A. *Korennoe znachenie v nasvaniah rodstva u slavjan* [Basic Meanings in Slavonic Kinship Terminology]. St. Petersburg, 1867. (In Russ.)
 20. Lehmann, W.P. *Gothic etymological Dictionary*. Leiden: Brill Publ., 1986.
 21. Orel, V. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill Publ., 2003.
 22. Feist, S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden: Brill Publ., 1939.
 23. *Zakony Manu* [Manusmriti, Laws of Manu]. Transl. S.D. Elmanovich. Moscow: Ecsmo-Perss Publ., 2002. (In Russ.)
 24. Chernyh, P.J. *Istoriko-etymologičeskij slovar sovremennogo russkogo jazika* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian]. Vol. 1–2, Moscow: Russkij jazik Publ., 1994. (In Russ.)
 25. Glare, P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968.
 26. Buck, C.D. *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The University of Chicago Press, 1949.
 27. Bernstein, S.B. *Bolgarsko-Russlij Slovar* [Bulgarian Russian Dictionary]. Moscow: Russkij jazik Publ., 1966. (In Russ.)
 28. Koshkareva, N.B., Kashkin, E.V., Kazakevich, O.A., Burkova, S.I., Budyanskaya, E.M., Muravyov, N.A., Koryakov, Yu. B. *Ponoatie ‘muš’ i ego otrajenie v dialektologičeskom atlase uralskih jazykov, rasprostranennyh na territorii jamalo-neneckogo avtonomnogo okruga* [The Concept ‘Husband’ and its Reflection in the Dialectological Atlas of Uralic Languages Spoken on the Territory of Yanalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Vestnik NGU. Seria istoria, filologija* [NGU Papers. Series: History and Philology]. 2017, Vol. 16, No. 2, pp. 74–85. (In Russ.)
 29. Hellquist, E. *Svensk Etymologisk Ordbok*. Band I. Lund, 1970.
 30. Cleasby, R. *An Icelandic — English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1957.
 31. Gurevich, E.A. *Islandskie priady* [Islandic Minor Tales]. Ed. by E.A. Gurevich with translation and commentary. Moscow: Nauka Publ., “Literary monuments”, 2017. (In Russ.)
 32. Hull, V. (ed.) *Noínden Ulad: The Debility of the Uli-dians*. *Celtica*. Vol. VIII, 1968, pp.1–42.
 33. *Geiriadur Prifysgol Cymru, A Dictionary of the Welsh Language*. Cardiff, 1951. URL: <http://geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html>
 34. Valgamova, S.I., Koshkareva, N.B., Onina, S.V., Shyanova, A.A. *Dialektologičeskij slovar hantijskogo jazika (shuryshkarskij i priuralskij dialekt)* [Dialect Dictionary of Khanty Language (Shurishcar and Near-Uralic Dialects)]. Ed. by N.B. Koshkareva. Eca-terinburg: Basco Publ., 2011. (In Russ.)
 35. Solovar, V.N. *Hantijsko-russkij slovar’ (Kasymskij dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kasym Dialect)]. Tumen: Format Publ., 2014. (In Russ.)
 36. Teretshenko, N.M. *Nenecko-russkij slovar’ [Nenets-Russian Dictionary]*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1965. (In Russ.)
 37. Barmich, M.J., Vello, I.A. *Slovar nenetsko-russkij i russko-neneskij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest Diealect)]. St. Petersburg: Prosvetshenie Publ., 2003. (In Russ.)
 38. Sorokina, I.P., Bolina, D.S. *Enetsko-russkij slovar* [Enets-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. (In Russ.)
 39. Kosterkina, N.T., Momde, A.Ch., Zhdanova, T.J. *Slovar’ nganasansko-russkij i russko-nganasanskij* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan Dictionary]. St. Peresburg: Prosvetshenie Publ., 2001. (In Russ.)
 40. Bykonía, V.V., Kusnetsova, N.G., Maksimova, N.P. *Selkupsko-russkij dialektnyj slovar* [Selkup-Russian Dialect Dictionary]. Tomsk: Tomsk Educational University Press, 2005. (In Russ.)
 41. Prokopieva, G.E., Prokopieva, A.E. *Jukagirsko-russkij slovar (jazik lesnih jukagirova)* [Yukaghir-Russian Dictionary (Forest Yukaghir Language)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2021. (In Russ.)

42. Kluge, Fr. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
43. Tolstaya, S.M. *Prostranstvo slova. Lexicheskaia semantika v obtchslavianskoj perespektive* [Space of a Word. Lexical Semantic and its Common Slavonic Focus]. Moscow: Indrik Publ., 2008. (In Russ.)
44. Vasmer, M. *Etymologisheki Slovar Russkogo Jazika*. [Etymological Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg: Asbuka Publ., 1996. (In Russ.)
45. Ceitlin, R.M., Večerka, R., Blagova, E. *Staroslavianskij slovar (po rukopisiam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (According to the 10th–11th Centuries Manuscripts)]. Moscow: Russkij jazik Publ., 1984. (In Russ.)
46. LEIA 1960 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. M, N, O, P. Paris: CNRS, 1960.
47. De Vries, J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill Publ., 1962.
48. Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <http://ordbokene.no>.
49. Den Danske Ordbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://ordnet.dk/ddo>.
50. Magyar értelmező kéziszótár. Budapest, 1978. URL: <https://classes.ru/all-hungarian.ru>.
51. LEIA 1987 — Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes, C. Paris: CNRS, 1987.
52. Mikhailova, T. Macc, cailin and ceile — an Altaic element in Celtic? *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Bonn, 2007. Ed. H. Tristram. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, pp.4–24
53. Mikitenko, N.J. *Indoevropskie istoki terminov rodstva i sistemy brachnyh otnoshenij v slavianskoj kulturno-jazikovej tradicii* [Indo-European Roots of Kinship Terminology and Marriage in Slavonic Languages and Culture]. *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. 2012, Vol. 14, pp. 75–83. (In Russ.)
54. Gast, V., Koptjevskaja-Tamm M. Patterns of persistence and diffudibility in the European lexicon. *Linguistic Typology*. 2022, Vol. 26 (2), pp. 403–438.

Дата поступления материала в редакцию: 25 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 ноября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 25, 2023

Revised on November 3, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010031

И. М. Фовицкий об оде князя П. А. Вяземского «Негодование»

© 2024 г. Д. П. Ивинский

Доктор филологических наук,
профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
dmitrij_ivinskij@mail.ru

Резюме. В настоящей работе обсуждается биография И.М. Фовицкого (1782 – не ранее 1849), литератора и чиновника, установившего доверительные личные и литературные отношения с П.А. Вяземским во время пребывания последнего на службе в Варшаве (1818–1821), поддерживавшиеся вплоть до 1840-х годов. Впервые публикуется полный текст замечаний Фовицкого на оду Вяземского «Негодование» (1820–1821).

Ключевые слова: Вяземский, Фовицкий, Варшава, история русской литературы.

Для цитирования: *Ивинский Д.П.* И.М. Фовицкий об оде князя П.А. Вяземского «Негодование» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 29–37. DOI: 10.31857/S1605788024010031

I. M. Fovitsky about the ode of Prince P. A. Vyazemsky “Indignation”

© 2024 Dmitriy P. Ivinsky

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
dmitrij_ivinskij@mail.ru

Abstract. This paper discusses the biography of I.M. Fovitsky (1782 – not earlier than 1849), a writer and official who established a confidential personal and literary relationship with P.A. Vyazemsky during the latter’s stay in the service in Warsaw (1818–1821), lasted until the 1840s. For the first time, the full text of Fovitsky’s remarks on Vyazemsky’s ode “Indignation” (1820–1821) is published.

Key words: Vyazemsky, Fovitsky, Warsaw, history of Russian literature.

For citation: *Ivinsky, D.P.* I.M. Fovitskiy ob ode knyazya P.A. Vyazemskogo “Negodovaniye” [I.M. Fovitsky about the ode of Prince P.A. Vyazemsky “Indignation”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 29–37. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010031

Сведения об Иване Михайловиче Фовицком крайне скудны; едва ли не единственная претендующая на относительную полноту свodka биографических фактов о нем сделана В.И. Саитовым для комментария к переписке Вяземского с А.И. Тургеневым [1, т. 1, с. 485–486; т. 2, вып. 2, с. 492]¹. Из этой сводки (как указал Саитов,

частично опирающийся на сведения, полученные от И.А. Кубасова), в частности, следует, что Фовицкий родился в 1782 г.², в сентябре 1802 г.

18 декабря 1821 г., 20 апреля 1822 г. [1, т. 1, с. 104; т. 2, с. 190, 205, 206, 233, 234, 250] и Тургенева к Вяземскому от 6 сентября, 25 октября, ноября – декабря 1821 г., 18 апреля 1822 г. [1, т. 1, с. 104; т. 2, вып. 1, с. 209, 220, 249].

¹ Фовицкий упоминается в письмах Вяземского к А.И. Тургеневу от 30 мая 1818 г., начала июня, 29 августа, 30 августа,

² Саитов указывает год рождения Фовицкого по формулярному списку 1828 г. (1782), год его смерти остался неизвестен;

начал свое служебное поприще с должности учителя в Орловской духовной семинарии (первоначально Севской, по месту расположения)³, в марте 1804 г. был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию, с декабря 1811 по 1816 г. при Медицинском Совете состоял переводчиком⁴, какое-то время служил столоначальником в Адмиралтейском департаменте Морского министерства, в 1816 г. — секретарем в «Совете путей сообщения». С 1811 г. состоял в Вольном обществе словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ), принимал участие в издании «Санкт-Петербургского Вестника» (1812). 10 августа 1816 г. был причислен к Герольдмейстерской конторе «с командированием» в Варшаву в Канцелярию вел. кн. Константина Павловича; там Фовицкий вскоре стал одним из учителей его внебрачного сына П.К. Александрова (1808—1857). В 1829 г. Жуковский (вероятно, добавим от себя, по просьбе Вяземского) предлагал Фовицкому место преподавателя польской истории Наследнику⁵, но Фовицкий остался в Царстве Польском. Во время восстания 1830—1831 гг. он находился под арестом и был освобожден после «восстановления тишины»⁶. В 1840-х годах то ли постоянно проживал в Крыму, то ли бывал там время от времени.

судя по датам его последних писем к Вяземскому (см.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2951 и 5083), Фовицкий умер не ранее второй половины 1849 г.

³ О его учениках известно мало. Один из них, С.М. Семенов, впоследствии был исключен из духовного звания, участвовал в событиях 14 декабря 1825 г. и не забыл упомянуть о своем учителе в показаниях Следственной комиссии [2, с. 186]. Другой ученик Фовицкого, С.Е. Раич, поэт, чуждавшийся политики, впоследствии с искренней благодарностью отзывался о нем и других своих севских наставниках [3, с. 18—21].

⁴ Сайтов имеет в виду Медицинский Совет при Министерстве полиции (существовал таковой же при Министерстве народного просвещения); чин Фовицкого в это время — коллежский секретарь [4, с. 8]; [5, с. 8]; [6, с. 8]; [7, с. 8].

⁵ Жуковский находился в Варшаве с 7 по 11 июня [8, т. 14, с. 370], однако его хлопоты начались задолго до этого времени: еще 5 апреля он пытался ходатайствовать за Фовицкого [9]; ср.: [10].

⁶ Сайтов опирается здесь на не совсем точное свидетельство Н.И. Надеждина [1, т. 2, вып. 2, с. 492]: в действительности Фовицкого отпустили из-под ареста; ср. в письме Д.Н. Блудова к дочери от 26 сентября 1831 г., когда Фовицкий уже находился в Петербурге: «Не помню, сказывал ли я тебе третьего года <т.е. в 1829 г.>, что в Варшаве нашел одного своего старого знакомого Фовицкого. Он тогда помог мне осмотреть заведения, достопамятности и окрестности этого в то время мирного и цветущего города; теперь же рассказывал о том, что происходило в нем с тех пор, как он сделался столицей Польской революции, от первого бунта 17 ноября прошлого года до 5 июня нынешнего, когда бедному Фовицкому удалось из него выбраться и вместо Эмса, куда его отпустили из плена, возвратиться в Россию» [11, с. 130].

К собранным Сайтовым сведениям можно прибавить, конечно, не только данные из источников, которые он не счел нужным или не смог учесть, но и из опубликованных позднее. О литературной деятельности Фовицкого, связанной с ВОЛСНХ, его присутствии на заседаниях, зафиксированном в протоколах, и проч. см. на посвященном этому обществу сайте⁷. Степень и характер участия Фовицкого в «Санкт-Петербургском вестнике» раскрывает роспись журнала, составленная А.А. Савельевым⁸. История знакомства Фовицкого с Жуковским отразилась в дневнике последнего (записи от 2 и 3 сентября 1835 г., 21 сентября 1837 г. [8, т. 14, с. 35, 77]). Служебные обязанности Фовицкого в Варшаве не сводились к занятиям с Александровым: «чиновнику 6 класса Фовицкому 1-му, состоявшему при его высочестве», «было поручено» (насколько можно понять, через несколько лет после того, как Вяземский покинул Варшаву) «устройство учебного порядка» в школе при батальоне кантонистов, которых обучали математике, истории, географии, артиллерии и полевой фортификации, а Фовицкий был «инспектором классов» [16, с. 717, 723].

В Остафьевском архиве сохранились письма Фовицкого к Вяземскому⁹; как видно из них, после вынужденной отставки Вяземского и отъезда его из Варшавы Фовицкий пересылал к нему в Москву польские и французские газеты, общал варшавские новости, просил хлопотать за знакомых. В письме от 16 мая 1823 г. содержится краткий отзыв об элегии Вяземского «Первый снег» (1819) и о присланном им альманахе «Полярная Звезда»:

⁷ <http://old.library.spbu.ru/rus/Volsnx/spisok.html>; <http://old.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot11.html> (дата обращения: 04.05.2023) и др.; об участии Фовицкого в исключении из ВОЛСНХ Д.В. Дашкова после знаменитой «похвальной» речи последнего, посвященной гр. Д.И. Хвостову, см. также: [12, кн. 1, с. 174, 183, 186].

⁸ <http://old.library.spbu.ru/rus/Volsnx/spvest.html> (дата обращения: 04.05.2023). К сочинениям и переводам Фовицкого, указанным здесь, можно прибавить еще одну статью, написанную в соавторстве с Д.М. Княжевичем, в указанной росписи атрибутированную одному Княжевичу: [13]. Дело в том, что статья эта подписана двумя литеррами, причем интервал между ними существенно, в два или три раза, превышает обычный: «К. Ф.»: вряд ли можно сомневаться, что вторая означает Фовицкого. Одна из его статей, напечатанная в данном издании, была опубликована отдельно: [14]; ср.: [15].

⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2951. 38 л.; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 77—78, 248—250. Несколько фрагментов из этих писем опубликованы: [17, с. 89, 103—104]; [18, с. 56]; [19, с. 75, 200, 219]; [20, с. 314, 355—356].

Покорно благодарю вас за *Снег*. Какой же он у вас прекрасный! Признаюсь, до ваших стихов он не казался мне таким. Только я боюсь, что Вы скоро станете хвалить там и морозы, и темные сентябрьские ночи. Иное дело провести голос песни унылой, сидя у деревенского забора, по щелям которого дико свищет наш родимой.

Полярную Звезду я читал с удовольствием. Очень хорошее собрание новостей литературных. Только одно в ней мне не нравится. Зачем Бестужев говорит нам *мужицким* языком? *Подражание*? Но где же правило, что подражать должно только хорошему? Мне все мерещится А.С. Шишков с своими чухонцами, которым он так близко подражал в некоторых из своих детских повестей¹⁰.

Сохранилась у Вяземского и копия донесения Фовицкого вел. кн. Константину Павловичу о занятиях с Александровым¹¹. Фовицкий упоминается в письмах Вяземского к жене от 26 июня, 15 июля, 8 августа, 31 августа (с упоминанием полученного письма Фовицкого) 1825 г. и 12 июня 1826 г. [1, т. 5, вып. 1, 49, 68, 82, 105; вып. 2, с. 24]. Всю первую половину 1832 г. Фовицкий находился в Петербурге и время от времени встречался с Вяземским. 2 января последний писал к жене: «...Фовицкого <...> я сегодня видел...»; 30 января: «На днях будем обедать с ним <с Ф.К. Нессельроде> у Фовицкого»; 4 февраля: «Обедаю, кажется, у Фовицкого с Нессельроде»; 18 февраля: «Фовицкий был у меня вчера с кадетского обеда и тебе кланяется. Он определился к вел.<икому> князю <Михаилу Павловичу> по кадетским корпусам¹² и, кажется, доволен своим местом»; 14 июня сообщает, что Фовицкий отправляется в Крым, обещает захватить в Остафьево, и передает с ним книги¹³.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2851. Л. 31.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5644.

¹² Вел. кн. Михаил Павлович ведал военно-учебными заведениями, согласно Высочайшему повелению, с 25 июня 1831, а с 8 декабря того же года, по словесному повелению Императора, стал Шефом 2-го Кадетского корпуса [21, с. 187]. О новых обязанностях Фовицкого, в это время статского советника (пятый класс по табели о рангах), свидетельствуют копия его циркулярного письма инспектору Первого и Второго Пажеских и Павловского корпусов от 11 июня 1832 г. и черновик его рапорта вел. кн. Константину Павловичу, в апреле 1833 г. приложенного к служебной записке «Обзорные кадетских корпусов 2-го класса по части физического, нравственного и умственного образования» (ОР РГБ. Ф. 178. Оп. 1. Ед. хр. 7639. Л. 1–2 об.).

¹³ См.: [22, с. 236, 272, 278, 291–292, 393]. Из письма Вяземского от 2 января, в частности, следует, что П.К. Александров не сохранил к своему наставнику Фовицкому теплых чувств: «Подшел ко мне и Александров, которого я совсем не узнал. Он довольно благовиден, но показался мне роста малого, и в чертах не нашел я ничего прежнего или, по крайней мере, мне памятного. Его здесь хвалят, но от Фовицкого,

Этих данных достаточно для того, чтобы увериться и во взаимном расположении, и в доверии Вяземского и Фовицкого друг к другу, не поколебленном со стороны Вяземского предупреждением, сделанным близким к нему и не слишком полагававшимся на порядочность Фовицкого П.А. Габбе [17, с. 88].

Наиболее важными текстами Вяземского, характеризующими его отношение к Фовицкому, остаются два давно известных: это письмо к А.И. Тургеневу и Жуковскому от 27 ноября 1826 г. с предложением второму пересылать книги через Фовицкого («Он мне хороший приятель и хороший человек, был при воспитании сына Цесаревича. Пускай в первый раз Жуковский напишет ему две строчки, Жуковский, а не ты, потому что он иже во святых у престола Божия и Царского, а ты, что у первого, не знаю, а у второго иже во клятых» [24, с. 51–52]) и фрагмент из «Автобиографического введения», содержащий некоторые подробности об отношениях с Фовицким в Варшаве:

Русская литературная публика моя в Варшаве заключалась в двух лицах: в молодом гвардейском офицере Литовского полка Гаабе¹⁴, который тоже пописывал, и в Фовицком, состоявшем наставником при Павле Константиновиче Александре. Он был очень образованный, хорошо знал Русский язык и Русскую литературу; принадлежал он литературному кружку братьев Княжевичей, Александра Измайлова и других. С ним мы очень сблизились; ему поверял я тотчас сметанные на живую нитку произведения свои, и часто пользовался умными и дельными замечаниями его. Он отбирал у меня мою стихотворную мелюзгу и отсылал ее к приятелю своему Измайлову в журнал *Благонамеренный*, где она и печаталась, помнится мне, безыменно. А что именно печаталось, — право, не помню¹⁵ [26, т. 2, с. XII].

Вряд ли можно сомневаться в том, что в числе «сметанных на живую нитку» стихотворений, о которых Вяземский говорил в только что процитированном «Автобиографическом введении» было и «Негодование», история текста которого в настоящее время не может быть воссоздана с необходимой полнотой: в нашем распоряжении

которого я сегодня видел, узнал я, что он его не видит, хотя Фовицкий и болен. Это мне очень не понравилось, несмотря на то, что Фовицкий не жаловался и ничего худого не говорил» [22, с. 236]. Письма Вяземского к Фовицкому в печати не известны; одно из них, от 30 ноября 1826 г. упомянуто в реестре отправленных [23, с. 405].

¹⁴ Опечатка: должно быть *Габбе*. О Габбе и знакомстве с ним Вяземского: [17, с. 87–88]; [20, с. 235–238, 242–248, 357]; опыт биографии Габбе: [25].

¹⁵ Перечень сочинений Вяземского, напечатанных в «Благонамеренном»: [27, с. 18–20].

нет полных автографов пьесы, а имеющиеся копии, расходящиеся только в мелочах, не только не позволяют выстроить последовательность редакций, но и доказать само существование хотя бы одной более ранней, версия о наличии которой может опереться только на замечание Вяземского в письме к Жуковскому от 15 марта 1821 г. о существенной доработке или переработке первоначального текста¹⁶. По этим причинам выдержки из «Негодования», необходимые для понимания публикуемого ниже полного текста «дельных» замечаний Фовицкого на раннюю (?) редакцию «Негодования»¹⁷, приводятся в примечаниях по последнему изданию, сохраняющему научное значение [29].

Эти замечания отражают характер литературного мышления «умеренного и аккуратного» сегмента литературной среды, не вполне чуждого языковым экспериментам, но в первую очередь ценящего нормативность. Они не лишены меткости и точности и сочетают восхищение с некоторой, почти всегда скрытой, иронией, легкой и, вероятно, не задевавшей авторское самолюбие Вяземского. Насколько можно судить, критика Фовицкого не слишком ему пригодилась для доработки пьесы; немногочисленные случаи, когда мы могли заподозрить влияние этой критики на ее окончательный текст, оговорены ниже в примечаниях.

Источник текста Фовицкого — автограф, находящийся в РГАЛИ (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2951. Л. 39–41 об.)¹⁸. Подчеркивания заменены курсивом. В прямых скобках печатается зачеркнутое Фовицким, в фигурных — вписанное им над и под строкой, в угловых — все дополнения, сделанные публикатором.

Приложение

И. М. Фовицкий

<Замечания на стихотворение П. А. Вяземского «Негодование»>¹⁹

¹⁶ [28, с. 183]. Наиболее полная сводка данных об источниках текста «Негодования»: [29, с. 473–474].

¹⁷ Несколько фрагментов этого текста уже введены в научный оборот: [17, с. 97–98].

¹⁸ Несколько фрагментов этого текста введены в научный оборот ранее: [17, с. 97–98].

¹⁹ В источнике неозаглавленному тексту Фовицкого предпослан идентифицирующий заголовок рукою Вяземского: «Замечания Фовицкого в Варшаве на мое стихотворение “Негодование”».

Вот уж подлинно: *ужасно хороши!* Какая сила! Какая *Свобода!* Какое *Негодование!* Однако же не скажу: какая *злота!* Ее тут и не нахожу и не советую Вам ни обещать, ни питать ее ни <к> кому²⁰. Спасите от нее три последние стиха²¹. Они божественны! Но — стану читать²² в другой раз.

Нельзя ли, хоть из патриотизма не ставить *его* прежде *Фиала*²³, если захотите извиниться французскою вольностью?²⁴

Ах как Вы страшны с Вашим <“>наморщенным челом<”>!²⁵ И тем лучше!

Зародыш, кажется, слишком холоден для негодования, которым Вы [дышали] дышите, и я бы желал видеть Вас не *встревоженным* сим чувством, а *возмущенным*²⁶.

Пословица: *отвага мед пьет, отвага кандалы трет*²⁷ унижает в моих мыслях слово *отвагу*²⁸, и оно точно не употребляется в благородном разговоре, несмотря на отвагу многих Поэтов.

Пожалу<й>ста, не пишите Вы <“>в волненье<”>, вместо в *вольненьи*. Это противно грамматике, так же как и <“>в молчанье<”>.²⁹

Вы говорите к Негодованию; следственно нельзя сказать *спас*³⁰; а надобно — *спасло*.

²⁰ Вероятно, Вяземский, передавая или отправляя «Негодование» Фовицкому, сказал или написал ему что-то о своей накопившейся «злобе», которой он дал выход в этом стихотворении.

²¹ «Страж пепла их, моя недремлющая злоба / Их поглотивший мрак забвенья разорвет / И, гневною рукою из недр исхитив гроба, / Ко славе бедственной их память прикует» [29, с. 148].

²² То есть, видимо, цитировать «божественные» места.

²³ «Не осушив его, фиал волшебств разбил» [29, с. 144].

²⁴ То есть на тот случай, если Вяземский захочет объявить обсуждаемый порядок слов галлицизмом, Фовицкий взывает к его «патриотизму». О многочисленных галлицизмах в «Негодовании» и об автопереводе стихотворения на французский язык, помогающем понять некоторые «темные места», см.: Лотман Ю. М., Паперно И. М. Вяземский — переводчик «Негодования» // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 126–135.

²⁵ «И я сорвал с чела, наморщенного думой, / Бездушных радостей венок» [29, с. 144].

²⁶ «Негодование! Огонь животворящий! / Зародыш лучшего, что я в себе храню, / Встревоженный тобой...» [29, с. 144]. Вероятно, ранее было: «Зародыш лучшего, которым я дышу».

²⁷ Зафиксирована в изд.: Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Унив. тип., 1848. С. 313; Даль В. И. Пословицы русского народа. Изд. 2-е, без перемен. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1879. Т. 1. С. 320 (как «пословица Ваньки Каина»).

²⁸ «И, благородною отвагою кипящий...» [29, с. 144].

²⁹ «В волненье бодром познаю...» и «В молчанье всех страстей меня твой будит глас». [29, с. 144].

³⁰ «Ты от немой меня бесчувственности спас» [29, с. 144].

У нас говорят: ты *мне* друг, ты *мне* отец; но не говорят: ты *мне* жизнь³¹; а ты *моя* жизнь.

Поклонник истины в лета,
Когда мечты еще приятны<, —>
Взывали³² к ней мольбой и сердце и уста

и пр.

Воля Ваша; а у нас деепричастие³³ должно иметь непременно одно подлежащее с последующим за ним глаголом. Иначе, т.е. по-французски, у нас была бы бессмыслица, которою из всей мочи Вас пугаю.

К глаголу *зрел* непременно нужно лицо.

... *Посыпав*, ... *я зрел*³⁴ значит: *я прежде посыпал, а потом зрел*. Воля Ваша — перемените³⁵.

Что законы служат щитом могущему³⁶, на это негодовать не за что: это так и должно быть. *Меч*, или *Жезл* (т.е. *дубина*), кажется больше выразили бы Вашу мысль, хоть в самом деле все еще было бы не то.

Кадыщих?³⁷

³¹ «Ты мне и жизнь и добродетель!» [29, с. 144].

³² В цитируемом здесь [29, с. 144] и в предшествующем издании в серии «Библиотека поэта» (Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л.Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1958. С. 137) в этом месте опечатка: «взвывали» вместо «взывали». Правильное чтение см.: [26, т. 3, с. 165]; Вяземский П.А. Избр. стихотворения / Ред., статья и коммент. В.С. Нечаевой. М.; Л.: Academia, 1935. С. 154.

³³ Фовицкий интерпретирует «поклонник истины» как «будучи поклонником истины», отсюда упоминание о «деепричастии».

³⁴ «Почетную главу посыпав скорбным прахом, / Я зрел: изгнанницей поруганную честь...» [29, с. 144].

³⁵ Фовицкий считает нужным изменить последовательность событий, перестроив текст, что, в принципе, нетрудно было сделать, например, так: «Почетную главу посыпал скорбным прахом, / Узрев изгнанницей поруганную честь...».

³⁶ «Законы, правоты священные орудья, — / Щитом могущему и слабому ярмом» [29, с. 145].

³⁷ «Зрел промышляющих спасительным глаголом, / Ханжей, торгующих учением святым, / В забвенье бога душ — одним земным престолом / Кадыщих трепетно, одним богам земным» [29, с. 145]. В тексте Фовицкого подчеркнута и все слово, и дважды последние две буквы: вероятно, он рассматривал возможность замены родительного падежа (*кадыщих*) на дательный (*кадыщим*). Вместе с тем не исключено, что Фовицкий счел упоминание о церковном каждении (древний ритуал, символ молитвы, возносящейся к Создателю) неуместным в данном контексте, несмотря на то, что подобное словоупотребление в русской поэзии того времени не было уникальным. Ср. у А.С. Пушкина в послании «К Н.Я. Плюсковой» (1818): «На лире скромной, благородной / Земных богов я не хвалил / И силе в гордости свободной / Кадилом лести не кадил» (впервые: <Пушкин А.С.> Ответ на вызов написать стихи в честь Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны // Труды <...> Вольного общества любителей российской словесности. 1819. Ч. 8. № 10. С. 70–71 [подпись: А. П....нб]). Ср. еще в тексте, переведенном В.К. Кюхельбекером: «Вы не имеете большого расположения к Аристипповой Философии: для вас это счастье, ибо вы ни за какие выгоды не станете кадить земным богам и раздавателям их милостей...»

*Хранители казны народной*³⁸... Это Голубцов?³⁹ Нельзя ли назвать их как-нибудь поблагодороднее? Да и нельзя допросить, *не собирая?* Уже и то они все живут на Конгрессах⁴⁰.

Будто уж и с отчаянной вдовы и с голодного (а не с голодной) сироты собирают подати?⁴¹ Не сказали бы, что это возмутительно? —

Дальше — справедливее; но волосы дыбом становятся! Смотрите, не забывайте Радищева!

*В жертву жертвы*⁴². — Уж как скоро взята от кого *жертва*, то это значит, что взята жертва Богам, а не жертва в жертву Богам А в прочем все эти стихи бесподобны! Следующие, кажется, еще лучше!

Без *докук*, без *тревог*⁴³ — пожалуй<и>сто <так!> не падайте! — Как можно этак говорить в столь сильном негодовании?

Вместо *ярый я бы поставил* или *казни*, или *мститель*; а выше, вместо *казни Бог*⁴⁴ [поставил бы] сказал бы *правды Бог*, потому что у нас нет Бога казни⁴⁵.

(Письмо к молодому Поэту. Из Виланда // Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Ч. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. С. 353–354; переводчик указан в конце текста).

³⁸ «Хранители казны народной, / На правый суд сберитесь вы» [29, с. 145].

³⁹ Ф.А. Голубцов (1759–1829) — государственный казначей (1802–1810), министр финансов Российской империи (1807–1810), член Государственного Совета (с 1808), действительный тайный советник (1808). Его преемником стал граф Д.А. Гурьев (1758–1825), гофмейстер Двора (с 1797), сенатор (с 1799), управляющий Императорским кабинетом (1801–1825), министр уделов (1806–1825), министр финансов (1810–1823), член Государственного Совета (1810–1823), сенатор (с 1799). Вероятно, Фовицкий упоминает о давно отставленном Голубцове, имея в виду множественное число у Вяземского («хранители»); впрочем, как видно из дальнейшего, он тут же догадывается, что судьбой «казны народной» ведают не только министры финансов («они все»).

⁴⁰ Эта шутка Фовицкого дает возможность условно датировать его рукопись временем от начала и до окончания конгресса Священного Союза в Лайбахе (26 января — 12 мая 1821 г.), ставшем продолжением конгресса в Троппау (октябрь — декабрь 1820 г.), отсюда множественное число («конгрессы», а не «конгресс»).

⁴¹ «Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы? / Где подать сироты голодной? / Корыстною рукой заграбил их разврат» [29, с. 145].

⁴² «Отечество от чад вам в жертву жертвы просит» [29, с. 145].

⁴³ «Дни ваши без докук и ночи без тревог» [29, с. 145]. Не исключено, что эти «докуки» попали к Вяземскому из II сатиры Кантемира: «Бедных жалки ли тебе слезы и докуки» (Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. СПб.: В Императорской Академии наук, 1782. С. 19).

⁴⁴ «Смушася, говорит: “Где ж он? Где ж казни бог?”» [29, с. 145].

⁴⁵ Судя по тексту Фовицкого, первоначально у Вяземского здесь было: «Смушася, говорит: “Где ж ярый казни бог?”»;

Не знаю, какой смелый цензор позволит Вам спрашивать, где *граждане*²⁴⁶ (Citoyens)²⁴⁷ Поэтому и не хочу Вам замечать, что *граждане отечества* не то говорит, что Вы хотите.

*Дворец*⁴⁸ также есть одно здание — и уж это очень низко⁴⁹.

*Уступки совести*⁵⁰ прекрасное, презначительное выражение, только низко для Вашего тону. Нельзя ли поставить: *завенья совести*?

У Вас выходит, что *в них* [нет], а не у них нет песней⁵¹. При том же <<“печалям”> не противоположены *победы, а радости*, или {по крайней мере} *торжества*.

После стиха: *являет мне одних рабов*⁵², надобно еще что->нибудь написать, чтобы сделать связь с последующим, в противном случае должно тотчас [об] показать подлежащее следующего периода, и вместо *о ты*, которое слишком далеко отделяет подлежащее, сказать тотчас: *Свобода!*

Еще, позвольте Вам сказать, не творит ли с Вами Капнист? Правда, он пел *рабство* и употребление слова *рабство*; но там есть нечто и *свободного*⁵³.

судя по всему, он прислушался к первой части замечания Фовицкого и убрал смутивший его эпитет.

⁴⁶ «Я вижу подданных царя, / Но где ж отечества граждане?» [29, с. 145].

⁴⁷ Стихи Вяземского вызвали у Фовицкого ассоциации с риторикой времен революции во Франции; в сочетании с упоминанием о судьбе Радищева (см. выше) это замечание свидетельствует о нешуточном беспокойстве за Вяземского, которого Фовицкий воспринимает, судя по всему, как либерала-идеалиста, не знающего жизни.

⁴⁸ «Для вас отечество — дворец» [29, с. 145].

⁴⁹ Смысл претензии Фовицкого в том, что слово «дворец» означает не только его обитателей, но и, по прямому значению, здание определенного типа, а такое понимание данного в стихах, вытекающее из его прямого смысла, «снижает», т.е. предельно обедняет его смысл.

⁵⁰ «Уступки совести — заслуги!» [29, с. 145].

⁵¹ «Нет слез в них для твоих печалей, / Нет песней для твоих побед!» [29, с. 146].

⁵² «Свободы, сильных душ кумира — / Обширная темница мира / Являет мне одних рабов. / О ты, которая из детства / Зажгла во мне священный жар, / При коей сносны жизни бедства, / Без коей счастье — тщетный дар, — / Свобода!» [29, с. 146].

⁵³ Имеются в виду стихотворения В.В. Капниста «Ода на рабство» (1783) и «Ода на истребление в России звания раба Екатериною Вторую, в 15 день февраля 1786 года» (1786); обе оды вошли в изд.: Капнист В.В. Лирические сочинения. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1806. С. 37–52. Напоминание Фовицкого о Капнисте обусловлено заявлением Вяземского о своем приоритете в отношении «свободной» темы: «Свобода! пылким вдохновеньем, / Я первый русским песнопеньем / Тебя приветствовать дерзал» [29, с. 146]. Отношение Вяземского к Капнисту было сложным: Капнист включался им в ряд крупнейших русских поэтов [26, т. 2, с. 157; т. 5, с. 170], но не рассматривался как поэт в полной мере образцовый (ср. [26, т. 1, с. 2; т. 8, с. 334]); позднейшие замечания Вяземского об оде Капниста 1786 г. касаются их политической, но не литературной стороны [1, т. 4, с. 13, 96].

Будил молчанье скал суровых!... Божественно! Но что такое: слух ничтожных²⁵⁴? Т.е. просто сказать: *подлецов!* Нельзя ли как пояснее?

Свободу пел на языке неволи,
В оковах был я твой поэт!⁵⁵

Какие стихи! Только право возмутительны. Как будто Вы в Алжире!⁵⁶ Алжире.... <<“Но где же чистое горит твое светило?”>... Можно ли сказать что-нибудь лучше? — Какая правда!

Только нельзя ли поправить:

Там ... <<“его обложило”> (т.е. безлично), и опять <<“светится”> солнце, опять прежнего лица, а местоимения *оно* нет. Тут непременно должно повторить *оно*⁵⁷.

<<“Злодействами честит”>⁵⁸. Как скоро Вы находите в этом честь, так негодовать не за что. Заметьте, что Вы хотите тут удержать два противоположных украшения⁵⁹: *честит* и *бесчестит*; надобно непременно решиться на одно, и непременно на последнее. Иначе — говорите языком праведника, и вместо негодования радуйтесь этому бесчестию, которое точно означает достоинство⁶⁰.

<<“Даров небесных *лютый бич*”> — не понятно и обоюдно⁶¹.

Опять *ничтожных*.⁶²

⁵⁴ «И звучным строем песней новых / Будил молчанье скал суровых / И слух ничтожных устрасал» [29, с. 146].

⁵⁵ «Свободу пел одну на языке неволи, / В оковах был я, твой поэт!» [29, с. 146].

⁵⁶ Название этого государства во времена Вяземского и Фовицкого часто использовалось иносказательно как указание на всякий деспотизм, не обязательно восточный.

⁵⁷ «Здесь плавает оно в кровавых облаках, / Там бедственным его туманом обложило, / И светится едва в мерцающих лучах» [29, с. 146]. Насколько можно понять, Фовицкий предлагает заменить это «едва» на «оно».

⁵⁸ «Порок с улыбкой дикой зверства / Тебя злодействами честит» [29, с. 146].

⁵⁹ Фовицкий имеет в виду, конечно, риторические «украшения»: на языке эпохи украшенная речь — отделанная риторически (Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Росс. Академии, 1822. Ч. 6. С. 939; ср.: <Соколов П.И.> Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений <...>. СПб.: Тип. Имп. Росс. Академии, 1834. Ч. 2. С. 1560; об «украшенном языке» см., напр.: <Давыдов И.И.> Чтения о словесности. Курс первый. М.: Унив. тип., 1837. С. 166).

⁶⁰ Фовицкий говорит о том, что если именно «порок» «честит» свободу «злодействами», то тем самым он свидетельствует о ее «достоинстве», чему нужно скорее «радоваться», чем на это «негодовать».

⁶¹ То есть двусмысленно, то ли «дары» обладают «бичом», то ли «бич» на них направлен.

⁶² «Здесь власть в дремоте закоснелой, / Даров небесных лютый бич, / Грозит цепями и мысли смелой, / Тебя дерзающей постичь. / Здесь стадо робкое ничтожных» [29, с. 146–147]. «Небесные дары» — здесь добродетель (как подразумеваемая антитеза «пороку»), свобода и свободная мысль.

----- в ослепленье⁶³.

Не знаю, почему называть свободу *младую девою*⁶⁴

<<"Союз между граждан и троном">⁶⁵, – {и} нет связи с следующим стихом. Естьли же олицетворение свободы<, > то лица нельзя после обратиться в *союз*.

Голосом <<"утучнить"> [нагие<?>] {степь<?>} <<"{степи}<">⁶⁶ – метафора слишком сложная и многим понравится. – <<"Глас"> мог бы оживить пустыни, естьли угодно. Равным образом – <<"нагие<"> имеют нужду в одеянии, а сухие в [разводнении<?>] {утучнении}.

Любовник ночи⁶⁷ – низко.

*Братья*⁶⁸ еще, кажется, ниже.

Клеймо можно положить только на чело; разве <<"братья"> вся плешива.

*Обреку*⁶⁹ – надобно винительный падеж, кого?

Строй значит *согласие*, *гармония*, а здесь, конечно, не то свойство речи <<"ужасом объемлет">⁷⁰. Следовательно, надобно просто поставить *звук*.

⁶³ «И твой сообщник – просвещение / С тобой, в их наглom ослепленье» [29, с. 147]. Фовицкий считает необходимым писать «в ослепленье». Ср. высказанное им ранее идентичное замечание об орфографии слов «в волнение» и «в молчанье». Слово «ничтожных» Фовицкий выше уже третирует за смысловую неопределенность.

⁶⁴ «Свобода! О младая дева! / Посланица благих богов!» [29, с. 147]. Ничего необычного в таком именовании свободы не было. Героиня «Орлеанской Девы» (1818–1821) В.А. Жуковского, сражающаяся за свободу Франции («она свободу нам спасла»), именуется «чудесной посланницей небес» и «божией посланницей» [8, т. 7, с. 293, 342, 358]. Уподоблением обожествляемой свободы деве (в т.ч. Деве Марии) отмечена риторическая и триумфальная практика времен революции во Франции, одновременно учитывавшая античную традицию (древнеримская богиня Либертас и др.). Другое дело, что в «Негодованиях» эти контексты напрямую не отозвались, с чем, вероятно, и связано недоумение Фовицкого.

⁶⁵ «Ты разорвешь рукой могущей / Насильства бедственный устав / И на досках судьбы грядущей / Снесешь нам книгу вечных прав, / Союз между граждан и троном. / Вдохнешь в царей ко благу страсть, / Невинность примиришь с законом, / С любовью подданного – власть» [29, с. 147].

⁶⁶ «Твой глас, будитель избылья, / Нагие степи утучнит» [29, с. 147].

⁶⁷ «Как ночи сумрачный любовник / При блеске утренних огней» [29, с. 147].

⁶⁸ «Но мне ли медлить? Их и робкую их братью / Карающим стихом я ныне поражу» [29, с. 148].

⁶⁹ «На их главу клеймо презренья положу / И обреку проклятью» [29, с. 148].

⁷⁰ «Но мужественный строй моих свободных струн / Их совесть ужасом объемлет» [29, с. 148]. Возможно, отсылка к Иов 4:14; Иов 41:17 и под.

Чести *распасться*⁷¹ не правильно, как зданию. Она *упадает*, как [одно слово из 5–6 букв густо зачеркнуто] кедр⁷².

–

Какая прекрасная пьеса! Только же и страшная! Уж верно мы не увидим ее печатной! А впрочем, не худо бы ее выровнять и в некоторых местах развязать. Она стоит того: она не пропадет и пойдет далеко! –

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Сайтова и П.Н. Шеффера. Т. 1–5. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899–1913.
2. Восстание декабристов. Документы. Т. 18 / К печати приготовили К.Г. Ляшенко и С.А. Селиванова; Предисл. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1984. 368 с.
3. *Модзалевский Б.Л.* Автобиография С.Е. Раича // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 5–33.
4. Российский медицинский список, изданный по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. На 1813 год. СПб.: В Медицинской тип., <1813>. 135 с.
5. Российский медицинский список <...>. На 1814 год. СПб.: В Медицинской тип., <1814>. 182 с.
6. Российский медицинский список <...>. На 1815 год. СПб.: В Медицинской тип., <1815>. 144 с.
7. Российский медицинский список <...>. На 1816 год. СПб.: В Медицинской тип., <1816>. 381 с.
8. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–.
9. Письмо В.А. Жуковского о преподавателе польского языка покойному Государю Александру Николаевичу // Русский архив. 1889. Кн. 3. С. 131–132.
10. Письмо В.А. Жуковского к неизвестному лицу о преподавании покойному Государю Александру Николаевичу сведений про бывшую Польшу // Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 118–119.
11. *Блудова А.Д.* Воспоминания // Русский архив. 1875. № 2. С. 129–195.
12. Арзамас. Сборник: В 2 кн. / Под общ. ред. В.Э. Вацура и А.Л. Осповата. М.: Худож. лит., 1994.
13. <Княжевич Д.М., Фовицкий И.М.> Замечания о значении слов и синонимах // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 1. № 1. С. 65–83.
14. *Ф.<овицкий> И.<М.>* О способе очищать воздух и истреблять заразу. СПб.: В Морской тип., 1813. [2], 18, [2] с.

⁷¹ «И честь их распадется с шумом / При гласе правого суда» [29, с. 148].

⁷² Вероятно, отсылка к Пс 28:5 или к Ис 30:31.

REFERENCES

15. *Фовицкий И.<М.>* О способе очищать воздух и истреплять заразу // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 4. № 10. С. 67–84.
16. *Лишин А.Ф.* Воспоминания (1830–1831) // Русская старина. 1890. Т. 65. № 3. С. 713–741.
17. *Лотман Ю.М.* П.А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 98: Труды по русской и славянской филологии: 3. Тарту: Тип. имени Ханса Хейдеманна, 1960. С. 24–142.
18. *Лотман Ю.М.* Пути развития русской прозы 1800-х – 1810-х годов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 104: Труды по русской и славянской филологии: 4. Тарту: Тип. имени Ханса Хейдеманна, 1961. С. 3–57.
19. *Ланда С.С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816–1821 гг. (Из политической деятельности П.А. Вяземского, Н.И. и С.И. Тургеневых, М.Ф. Орлова) // Пушкин и его время. Вып. 1. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 67–231.
20. *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. М.: Мысль, 1975. 381 с.
21. *<Ломан Н.Л.>* Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1862. [4], II, [2], 201, [5], LXXX с.
22. *Вяземский П.А.* Письма к жене за 1831–1832 год / Примеч. М.С. Боровковой-Майковой // Звенья. Т. 9. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1951. С. 213–468.
23. *Вяземский П.А.* Записные книжки [1813–1848] / Изд. подготовила В.С. Нечаева; отв. ред. К.В. Пигарев. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 507 с. (Литературные памятники).
24. Архив братьев Тургеневых. Вып. 6: Переписка А.И. Тургенева с кн. П.А. Вяземским. Т. 1 / Под ред. и с примеч. Н.К. Кульмана. Пг.: Росс. гос. акад. тип., 1921. [4], 542, [2].
25. *Рогинский А.Б.* П.А. Габбе: биографический очерк // Русская филология: сб. студенческих науч. работ. Вып. 2. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 1967. С. 83–110.
26. *Вяземский П.А.* Полн. собр. сочинений. Т. 1–12. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.
27. *Пономарев С.И.* Памяти князя П.А. Вяземского. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1879. [2], 126, [2] с.
28. Из писем князя П.А. Вяземского к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1900. № 2. С. 181–208.
29. *Вяземский П.А.* Стихотворения / Вступ. статья Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986. 544 с. (Б-ка поэта, большая серия. 3-е изд.).
1. *Ostafyevskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafievsky Archive of Princes Vyazemsky]. Ed. and with Notes by V.I. Saitov and P.N. Sheffer. Vol. 1–5. St. Petersburg, 1899–1913. (In Russ.)
2. *Vosstaniye dekabristov. Dokumenty* [The Uprising of the Decembrists. Documentation]. Vol. 18. Moscow: Nauka Publ., 1984. 368 p. (In Russ.)
3. *Modzalevskiy, B.L. Avtobiografiya S.Ye. Raicha* [Autobiography of S.E. Raich]. *Russkiy bibliofil* [Russian Bibliophile]. 1913, No. 8, pp. 5–33. (In Russ.)
4. *Rossiyskiy meditsinskiy spisok, izdannyy po Vysochayshemu Yego Imperatorskogo Velichestva povelениyu* [Russian Medical List, Published by His Highest Imperial Majesty's Command]. For the Year 1813. St. Petersburg, 1813. 135 p. (In Russ.)
5. *Rossiyskiy meditsinskiy spisok <...>* [Russian Medical List]. For the Year 1814. St. Petersburg, 1814. 182 p. (In Russ.)
6. *Rossiyskiy meditsinskiy spisok <...>* [Russian Medical List]. For the Year 1815. St. Petersburg, 1815. 144 p. (In Russ.)
7. *Rossiyskiy meditsinskiy spisok <...>* [Russian Medical List]. For the Year 1816. St. Petersburg, 1816. 381 p. (In Russ.)
8. *Zhukovskiy, V.A. Poln. sobr. soch. i pisem in 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 Vols.]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1999–. (In Russ.)
9. *Pismo V.A. Zhukovskogo o prepodavatele polskogo yazyka pokoynomu Gosudaryu Aleksandru Nikolayevichu* [Letter of V.A. Zhukovsky about the Teacher of the Polish Language to the Great Duke Alexander Nikolaevich]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1889, No. 3, pp. 131–132. (In Russ.)
10. *Pismo V.A. Zhukovskogo k neizvestnomu litsu o prepodavanii pokoynomu Gosudaryu Aleksandru Nikolayevichu svedeniy pro byvshuyu Polshu* [Letter of V.A. Zhukovsky to an Unknown Person about Teaching the Great Duke Alexander Nikolayevich about the Former Poland]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1884, No. 3, pp. 118–119. (In Russ.)
11. *Bludova, A.D. Vospominaniya* [Memoirs]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1875, No. 2, pp. 129–195. (In Russ.)
12. *Arzamas. Sbornik v 2 kn.* [Arzamas. Collection in 2 Books]. Ed. by V.E. Vatsuro and A.L. Ospovat. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. (In Russ.)
13. *Knyazhevich, D.M., Fovitskiy, I.M. Zamechaniya o znachenii slov i sinonimakh* [Notes on the Meaning of Words and Synonyms]. *Sankt-Peterburgskiy vestnik* [St. Petersburg Bulletin]. 1812, Vol. 1, No. 1, pp. 65–83. (In Russ.)
14. *Fovitskiy, I.M. O sposobe ochishchat' vozdukh i istreblyat' zarazu* [On the Way to Purify the Air and

- Exterminate the Infection]. St. Petersburg, 1813. [2], 18, [2] p. (In Russ.)
15. Fovitskiy, I.M. *O sposobe ochishchat' vozdukh i istreblyat' zarazu* [On the Way to Purify the Air and Exterminate the Infection]. *Sankt-Peterburgskiy vestnik* [St. Petersburg Bulletin]. 1812, Vol. 4, No. 10, pp. 67–84. (In Russ.)
 16. Lishin, A.F. *Vospominaniya (1830–1831)* [Memoirs (1830–1831)]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1890, Vol. 65, No. 3, pp. 713–741. (In Russ.)
 17. Lotman, Yu.M. P.A. *Vyazemskiy i dvizheniye dekabristov* [P.A. Vyazemsky and the Decembrist Movement]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Tartu State University]. Issue 98. Works on Russian and Slavic Philology 3. Tartu, 1960, pp. 24–142. (In Russ.)
 18. Lotman, Yu.M. *Puti razvitiya russkoy prozy 1800-kh – 1810-kh godov* [Ways of Development of Russian Prose in the 1800s – 1810s]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Tartu State University]. Issue 104. Works on Russian and Slavic Philology 4. Tartu, 1961, pp. 3–57. (In Russ.)
 19. Landa, S.S. *O nekotorykh osobennostyakh formirovaniya revolyutsionnoy ideologii v Rossii. 1816–1821 gg. (Iz politicheskoy deyatel'nosti P.A. Vyazemskogo, N.I. i S.I. Turgenyevykh, M.F. Orlova)* [On Some Features of the Formation of Revolutionary Ideology in Russia. 1816–1821 (From the Political Activities of P.A. Vyazemsky, N.I. and S.I. Turgenev, M.F. Orlov)]. *Pushkin i yego vremya* [Pushkin and his Time]. Issue 1. Leningrad, 1961, pp. 67–231. (In Russ.)
 20. Landa, S.S. *Dukh revolyutsionnykh preobrazovaniy... Iz istorii formirovaniya ideologii i politicheskoy organizatsii dekabristov* [Spirit of Revolutionary Transformations... From the History of the Formation of the Ideology and Political Organization of the Decembrists]. Moscow: Mysl Publ., 1975. 381 p. (In Russ.)
 21. Loman, N.L. *Istoricheskoye obozreniye 2-go Kadetskogo korpusa* [Historical Review of the 2nd Cadet Corps]. St. Petersburg, 1862. [4], II, [2], 201, [5], LXXX p. (In Russ.)
 22. Vyazemskiy, P.A. *Pisma k zhene za 1831–1832 god* [Letters to his wife for 1831–1832]. Notes by M.S. Borovkova-Maykova. *Zvenya* [Links]. Vol. 9. Moscow, 1951, pp. 213–468. (In Russ.)
 23. Vyazemskiy, P.A. *Zapisnyye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Ed. by V.S. Nechayeva. Moscow, 1963. 507 pp. (In Russ.)
 24. *Arkhiv brat'yev Turgenyevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Issue 6. Correspondence of A.I. Turgenev with Prince P.A. Vyazemsky. Vol. 1. Ed. with Notes by N.K. Kulman. Petrograd, 1921. [4], 542, [2]. (In Russ.)
 25. Roginskiy, A.B. *P.A. Gabbe: biograficheskiy ocherk* [P.A. Gabbe: Biographical Sketch]. *Russkaya filologiya* [Russian Philology]. Issue 2. Tartu, 1967, pp. 83–110. (In Russ.)
 26. Vyazemsky, P.A. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1–12. St. Petersburg, 1878–1896. (In Russ.)
 27. Ponomarev, S.I. *Pamyati knyazya P.A. Vyazemskogo* [In Memory of Prince P.A. Vyazemsky]. St. Petersburg, 1879. [2], 126, [2] p. (In Russ.)
 28. *Iz pisem knyazya P.A. Vyazemskogo k V.A. Zhukovskomu* [From the Letters of Prince P.A. Vyazemsky to V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1900, No. 2, pp. 181–208. (In Russ.)
 29. Vyazemskiy, P.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Introductory Article by L.Ya. Ginzburg; Compilation, Preparation of the Text and Notes by K.A. Kumpan. Leningrad: Sovetskiy pisatel Publ., 1986. 544 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on July 17, 2023

Revised on August 22, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010047

«Дон Жуан» Мольера: к проблеме национальных источников французской комедии на испанский сюжет

© 2024 г. А. В. Голубков

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бул., д. 11
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>
andreygolubkov@mail.ru

Резюме. Статья посвящена анализу некоторых французских источников пьесы «Дон Жуан» Мольера (1665), которая воспроизводит знаменитый испанский сюжет о распутнике Дон Жуане. В процессе исследования демонстрируется, что мольеровская пьеса, восходящая к итальянским переработкам пьесы Тирсо де Молины, в значительной степени использует готовые фразы и сюжетные ходы, заимствованные из французских комедий о Дон Жуане драматургов Доримона и Вильера, а также пьес «Саламанкский школяр, или Великодушные враги» П. Скаррона (1655) и «Лжец» П. Корнеля (1644). Интерпретация значимых совпадений, обнаруженных в пьесах, позволяет сделать вывод о собственно французской теме в мольеровском «Дон Жуане», которая связана с ревизией представлений о дворянской чести в духе концепции «благовоспитанного человека».

Ключевые слова: французская литература XVII в., Дон Жуан, комедия, Мольер, П. Скаррон, П. Корнель.

Для цитирования: Голубков А.В. «Дон Жуан» Мольера: к проблеме национальных источников французской комедии на испанский сюжет // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 38–44. DOI: 10.31857/S1605788024010047

“Don Juan” by Molière: on the Problem of National Sources of French Comedy with Spanish Plot

© 2024 Andrey V. Golubkov

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Professor of National Research University
“Higher School of Economics”,
11 Pokrovskiy Bld., Moscow, 109028, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>
andreygolubkov@mail.ru

Abstract. This article is devoted to analysis of French sources of the play "Don Juan" by Molière (1665) which reproduces the famous Spanish plot about Don Juan. In the process of research, we demonstrate that Molière's play dating back to the Italian reworkings of the play by Tirso de Molina, largely uses ready-made phrases and plot moves borrowed from the French comedies about Don Juan by playwrights Dorimon and Villiers, as well as the plays "The Salamanca Scholar, or Generous Enemies" by Paul Scarron (1655) and Pierre Corneille's "The Liar" (1644). Interpretation of the significant coincidences found in plays allows us to conclude about the French theme in Molière's "Don Juan" which is informed by rethinking of a nobleman's (gentleman's) honor and the popularization of the social ideal of "honnête homme".

Key words: 17th Century French Literature, Don Juan, Comedy, Molière, P. Scarron, P. Corneille.

For citation: Golubkov, A.V. "Don Zhuan" Moljera: k probleme natsionalnykh istochnikov frantsuzskoi komedii na ispanskii siuzhet ["Don Juan" by Molière: on the Problem of National Sources of French Comedy with Spanish Plot]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 38–44. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010047

Сюжет о Дон Жуане, несомненно, один из самых значительных и пластичных в сокровищнице фабул западноевропейской словесности; в его основе – традиционные, восходящие к язычеству, предания о мести оживающих статуй, а также фигура насмешника-святотатца, оскорбляющего мертвеца и память о предках (подробнее см. исследование Р. Шульца [1]). На рубеже XVI–XVII вв. фигура богоотступника стала сливаться с образом распутника: в пьесе «Севильский озорник, или Каменный гость» ("El burlador de Sevilla y convidado de Piedra", ок. 1630) испанского драматурга Тирсо де Молины (1578–1648), как замечает В.Е. Багно, «впервые оказались соединенными обе легенды: о распутном дворянине и о святотатце и богохульнике» [2, с. 7]. Пьеса «Дон Жуан, или Каменный гость» ("Don Juan, ou Le festin de pierre") Мольера (1622–1673) была создана спустя три десятилетия, она была поставлена 15 февраля 1665 г., издание появилось в 1682 г. Сопоставление сюжета, а также драматургической манеры Тирсо и Мольера оказываются одним из общих мест в литературоведческой и преподавательской традиции, однако такое совершенно легитимное соположение «Дона Жуана» с «Доном Жуаном» должно проводиться с учетом целого ряда нюансов и обстоятельств: речь идет о двух *разных* героях, относящихся к своеобразным культурным и историческим реалиям. Кроме того, отношения мольеровского текста с тирсовским не могут быть описаны в категориях прямого заимствования или подражания.

В работе 1906 г. «Легенда о Дон Жуане» французский литературовед Ж. Жандарм де Бевотт довольно радикально заметил, что пьеса Тирсо де Молина не оказала никакого влияния на текст Мольера [3], в основу которого, по его мнению, легли исключительно итальянские переделки (уже с некоторым набором нюансов и трактовок)

тирсовой комедии, а также собственно французские адаптации сюжета, появившиеся к началу 1660-х годов. Современный французский исследователь К. Бурки, автор монументального исследования «Истоки Мольера: критический репертуар литературных и драматических источников» (1999) вынес совершенно радикальное суждение: «Мы полагаем необходимым полностью исключить пьесу Тирсо из списка потенциально возможных источников Мольера» [4, р. 389]. Бурки замечает, что «для всех современников Мольера сюжет пьесы "Каменный гость" был итальянским» [4, р. 389]. Одним из свидетельств такой рецепции современниками мольеровской пьесы оказывается вышедший после ее представления анонимный французский памфлет «Замечания о "Каменном госте"» ("Observations sur le Festin de pierre"), в котором Мольер обвиняется в том, что его история предстает исключительно переводом итальянского текста.

Возможными итальянскими исходниками Мольера были сценарии бродячих трупп, а также комедия «Каменный гость» ("Il convitato di pietra", изд. в 1671; множество переизданий) Ж.А. Чиконьни (1606–1651). Невозможно исключить и влияние парижской постановки итальянской труппы (1658 г. и позднее) с участием Д. Бьянколелли – знаменитого актера, получившего прозвище Арлекин; по его запискам (он предстал в образе слуги; играл с 1662 г.) довольно трудно понять все тонкости интриги, однако ряд совпадений позволяет некоторым исследователям предположить, что мольеровская пьеса вырастает из изначального стремления пародировать эту итальянскую постановку [5].

В те же годы, что и постановка труппы Бьянколелли, появились еще два спектакля о Дон Жуане, авторами пьес выступили актеры Доримон (Dorimon или Dorimond), служивший

в театральной труппе Великой Мадмуазель («Каменный гость, или Сын-преступник», “Le Festin de pierre ou le Fils criminel” изд. в 1659) и Вильер (Villiers, «Каменный гость, или Сын-преступник», “Le Festin de pierre ou le Fils criminel”, изд. 1660). Эти собственно французские версии сюжета близки по содержанию и, очевидно, восходят к одному итальянскому источнику: Жандарм де Бевотт предполагает в качестве такового несохранившуюся пьесу “Il convitato di pietra” О.Ж. да Солофры, предположительно изданную в Неаполе в 1652 г., однако позднейшие исследователи, в частности Бурки, опровергают само существование пьесы Солофры, в качестве же источников Доримона и Вильера указывают сценарии трупп комедии дель арте.

Мольер, безусловно, выстраивал свой текст на основе пьес Арлекина, Доримона и Вильера и в полемике с ними, однако в неменьшей степени он использовал современный ему автохтонный драматургический материал, фактически создавая *французскую* комедию. Жандарм де Бевотт справедливо отмечал, что Мольер играл в своем тексте с разными жанровыми моделями, конкретными текстами и национальными ресурсами; заметим, что зрителями отсылки и реминисценции были распознаваемы, комический эффект в значительной степени был сформирован в том числе и аллюзией на самых разных уровнях повествования. Мольеровский текст — центон, собранный как из итальянского (восходящего к испанскому), так и автохтонного французского материала, последний же оказывается недооценен исследователями.

В качестве иллюстрации приведем одно из самых ярких совпадений текста Мольера и комедии «Саламанкский школяр, или Великодушные враги» (“L’écuyer de Salamanque ou les ennemis généreux”, 1655; в свою очередь переложение пьесы испанского драматурга Ф. де Рохаса) французского драматурга П. Скаррона (1610–1660). В диалоге слуги Криспена с наемным убийцей Саморином (4, 2) звучит комическая реплика Криспена, который стремится показать владение латинским языком:

Саморин.

Коль это правда всё, то честь вам и хвала!

Пусть казнь, что предстоит, не слишком вас тревожит:
Ведь эта ерунда с любым случиться может...

Криспен.

Всё то, что вам сказал, пусть будет *inter nos* [6, с. 360] (цитируется в переводе А. Эфрон).

Zamorin.

Si cette affaire est vraie, et va comme cela,
Il y pourrait entrer un tant soit peu d’échelle:

Mais à l’homme de coeur ce n’est que bagatelle.
Crispin.

L’affaire, s’il vous plaît, soit secrète inter nos.

Настоящее латинское высказывание (*inter nos*) находит свое воплощение в мольеровском тексте в самом начале пьесы (1, 1) — в ситуации, когда Сганарель разговаривает с конюшим Эльвиры Гусманом, — и ее эффект ровно тот же, что и в пьесе Скаррона, — демонстрация комического несоответствия персонажа и его языка:

Сганарель. Ты ведь знаешь, что я по его приказанию уехал раньше него, а со времени своего приезда он со мной еще не разговаривал, но на всякий случай я тебе *inter nos* скажу, что мой господин Дон Жуан — это величайший из всех злодеев, каких когда-либо носила земля, чудовище, собака, дьявол, турок, еретик, который не верит ни в небо, ни в святых, ни в бога, ни в черта, который живет как гнусный скот, как эпикурейская свинья, как настоящий Сарданапал, не желающий слушать христианские поучения и считающий вздором все то, во что верим мы. Ты говоришь, что он женился на твоей госпоже? [7, с. 102] (цитируется в переводе А.В. Федорова).

Обратим внимание на еще одно прямое заимствование Мольера из пьесы Скаррона, на этот раз на уровне не слов, но сюжетного хода. В третьем действии (явления 2–6) рассказывается история, которая в значительной мере является синонимом всей комедии Скаррона, построенной на противоречивом желании героя отблагодарить и убить своего спасителя-обидчика. В скарроновской пьесе героем, одержимым таким желанием, оказывается Граф, который так обращается к дону Педро (2, 6):

Граф.

Нет, здесь на мне лежит той самой клятвы бремя,
Которой вам сулил спасенье и приют,
И, как бы ни желал, вас не прикончу тут.
Настигнет вас мой гнев! Но не под этой кровлей
Я гостю своему кончину уготовлю...

Дон Педро.

Как вы в своей душе сумели совместить
Желание спасти с намереньем убить?

Граф.

С открытою душой я спас вам жизнь. Едва ли
Я догадаться мог, что вы ее отняли
У брата моего. За это отомщу [6, с. 338].

В мольеровском тексте Дон Жуан, напомним, спасает в лесу от шайки разбойников Дона Карлоса — брата обесчещенной им Эльвиры; в беседе с Доном Алонсо Дон Карлос предлагает отсрочить наказание даже ценой потенциального ущерба дворянской чести (3, 5):

Дон Карлос. Я знаю, брат мой, какая для дворянина существует разница между честью и жизнью; благодарность за услугу не стирает в моей душе память

об оскорблении, но позвольте вернуть ему мой долг и за жизнь, которой я ему обязан, рассчитаться тотчас же, отсрочив нашу месть и предоставив ему еще несколько дней наслаждаться плодами его благоденствия [7, с. 136].

Несмотря на то что в скарроновской пьесе речь идет об отсрочке мести за брата, а в мольеровской — сестры, реплика Дона Карлоса практически совпадает по своему пафосу с высказыванием Графа. Отдельного внимания заслуживают полемические рассуждения Дона Карлоса, обращенные к Дону Алонсо, о чести, которая не пострадает, если месть будет совершена без спонтанного неистовства, но с рациональной умеренностью и достоинством:

Дон Карлос. Брат мой, будем соблюдать умеренность в исполнении нашего долга и отомстим за нашу честь без того неистовства, какое выказываете вы. Будем великодушны и овладеем собою, сохраним достоинство, чуждое всякой свирепости, во всем послушное внушениям разума, а не порывам слепого гнева (*Mon frère, montrons de la modération dans une action légitime; et ne vengeons point notre honneur avec cet emportement que vous témoignez. Ayons du cœur dont nous soyons les maîtres, une valeur qui n'ait rien de farouche, et qui se porte aux choses par une pure délibération de notre raison, et non point par le mouvement d'une aveugle colère*). Я не хочу, брат мой, остаться в долгу у моего врага, я считаю себя обязанным прежде всего рассчитаться с ним. Наша месть грянет с не меньшей силой оттого, совершив ее сейчас, она еще более справедливой представится потом всему свету.

Дон Алонсо. О, какая непостижимая слабость и какое страшное ослепление — подвергать подобному риску интересы собственной чести ради нелепой мысли о химерических обязательствах! [7, с. 136].

Рассуждения о дворянской чести, ограниченной разумом и ему подчиненной, как представляется, в значительной степени оказываются навеяны французским социальным типом «благовоспитанного человека» — дворянина, который сдерживает свои аффекты ради гармонии социального взаимодействия. Именно с этой темой будут в значительной степени связаны реминисценции из еще одного исходника Мольера — комедии «Лжец» («*Le menteur*», поставлена и изд. в 1644 г.) П. Корнеля. Не будет лишним добавить, что пьеса стала переработкой комедии «Сомнительная правда» испанского драматурга Х.Р. де Аларкона, которая была опубликована в 1630 г. с указанием авторства Лопе де Веги. Корнель не сомневался в авторстве Лопе, свидетельством чему оказываются ремарки в его «Посвящении» и обращении «К читателю». Корнелевского «Лжеца» труппа Мольера ставила в 1659–1666 гг. (т.е. в период создания пьесы «Дон Жуан») свыше 20 раз.

Тематические и структурные сходства мольеровской и корнелевской пьесы уже становились объектами литературоведческого анализа [4]; [8], в частности, в значительной мере достигнут консенсус в отношении того, что три главных корнелевских персонажа (Дорант, его отец Жеронт и слуга Клитон) оказали прямое воздействие на мольеровских героев — Дона Жуана, его отца Дона Луиса и слугу Сганареля. В плане постановочной роли протагониста, его отца и слуги в мольеровском театре были закреплены за одними и теми же актерами, это заставляет предположить, что испанско-итальянский сюжет был Мольером прочитан через трафарет корнелевской пьесы (хотя и ставшей переделкой испанского сюжета) с присущими ей акцентами и нюансами. В сущности, главный герой «Лжеца» Дорант уже в самом начале пьесы (1, 1) представляет свои ценности, которые схожи с донжуановскими:

Дорант.

Скажи, как здесь идет любовная охота?
(*Dis-moi comme en ce lieu l'on gouverne les dames*)

Клитон.

«Возвышенной души вот высшая забота» —

Сказали б остряки... Словесная игра!

Отличный аппетит у вас уже с утра:

Вчера вы прибыли, а уж сегодня надо

Вам к делу приступать, вас не страшат преграды,

И не сидится вам, и жар у вас в крови...

Ни дня не можете прожить вы без любви! [9, с. 84–85] (цитируется в переводе М. Кудинова).

В пьесе Корнеля можно обнаружить ситуации, совпадающие с теми, что рассказаны в мольеровском «Дон Жуане»: так, в третьем действии разворачивается ситуация любовной интриги, когда Дорант, колеблясь, соблазняет двух дам одновременно — Клариссу и Лукрецию, в точности как Дон Жуан ухаживает за Шарлоттой и Матюриной. Очевидно, влиянием корнелевской комедии можно объяснить значительное развитие в мольеровской пьесе сюжетной линии, связанной с отцом главного героя, который оказывается апологетом представления о чести как раз во французском изводе «благовоспитанного человека». Дон Луис, созданный Мольером, в гораздо большей степени похож на корнелевского Жеронта, нежели на Дона Диего в испанском тексте Тирсо де Молины, который высказывает претензии Дону Хуану, упрекая, что тот порочит род; при этом грозит он преимущественно божественной карой и в значительно меньшей степени социальным позором:

Дон Диего.

Вероломный, Бог накажет

Мрак измены — и всегда,

Узел кто какой завяжет,

На того со злом — беда.

О, заметь, что лишь по виду
 Может Бог не замечать,
 Но на всякую обиду
 Он кладет свою печать.
 Все, кто манит грех, поверьте:
 Жуткий душу ждет урок.
 Бог нас в смерти судит.
 <...>
 Все сказал тебе слова я,
 Но и в каре ты упрям,
 Пусть же Бог, тебя карая,
 Наказует по делам [10, с. 97–98] (цитируется в переводе К. Бальмонта).

В комедии Корнеля тема сексуальной распущенности оказывается соотнесена с экзистенциальной проблематикой, однако уже не в русле эсхатологического пафоса: на первый план в разговоре главного героя с отцом выносятся рассуждения о социальном поведении дворянина, который может быть *лишен* своего статуса. В диалоге (5, 3), в котором участвуют три главных персонажа – герой, его отец и слуга, затронут вопрос о том, каким образом приобретает дворянство: у корнелевского Доранта (в постановочном плане, напомним, этот же актер играл роль мольеровского Дон Жуана) нет сомнений в том, что он аристократ по самому своему происхождению, Жеронт же ставит под сомнение сам *принцип* дворянства по крови, и в его реплике звучит запоминающееся описание, весьма физиологическое по своему пафосу: «Считаете ли Вы, что достаточно быть лишь порожденным мною (в оригинале – “sorti de moi”, буквально “вышедшим из меня”)?». По мысли Жеронта, корректное социальное поведение, основанное на чести, но не наследование по крови, дает дворянское звание:

Жеронт.

Вы дворянин или нет?
 (Êtes-vous gentilhomme?)

Дорант.

Ну вот! Куда деваться?
 Поскольку я ваш сын, не смею сомневаться.

Жеронт.

И только потому вы, значит, дворянин?
 (Croyez-vous qu'il suffit d'être sorti de moi?)

Дорант.

Так полагают все, не только я один.

Жеронт.

Но что известно вам о звании высококом?
 И знаете ли вы, к каким оно истокам
 Восходит? Только честь то звание дает,
 Передающееся нам из рода в род.

Дорант.

Я не оспариваю ваше утверждение:
 Приобретает честь, передает рождение.

Жеронт.

Безродным предок был, но доблестью своей
 Добился знатности. Коль у его детей
 Нет добродетели, то знатность не поможет:
 Что сделано одним, другой разрушить может,

Разрушить, не щадя родительских седин.
 Ты так и поступил, и ты не дворянин [9, с. 146].

Обращает на себя внимание мольеровское стремление продолжить заявленную Корнелем тему чести дворянина, которая приобретает или поддерживается социальной активностью, но не наследуется автоматически, без какого-либо акта личной воли. Сцена объяснения Дон Жуана с Доном Луисом (4, 4) композиционно в значительной степени сдвинута ближе к развязке; напомним, что у Тирсо она помещена во второе действие, тогда как у Корнеля – в конец пьесы, представляя нравственным уроком, в котором формулируются принципы, во многом отражающие как замыслы Ришелье, направленные на ревизию прав аристократа, так и глубинные изменения, связанные с «процессом цивилизации», который, по мнению Н. Элиаса, привел к появлению нового дворянства [10, с. 314–315]. «Благовоспитанный человек» воспитывался на галантных образцах, представители нового дворянства тщательно изучали поведенческие паттерны, явленные в том числе и в таком бестселлере первой четверти XVII в., как роман «Астрея» О. д'Юрфе (1607–1628), главный герой которого – пастух Селадон – оказывается ярким примером моделирования социально приемлемых аффектов. Пьеса Корнеля должна быть помещена в общую логику формирования совести как важнейшего атрибута аристократического этоса: не полученная в наследство кровь, но именно внутренняя способность к самопринуждению предстает новым обозначением чести. В связи с конфликтом старого и нового представления о дворянстве в корнелевской пьесе, а затем и в мольеровской обозначен парадокс: представитель старшего поколения (Жеронт, Дон Луис) соразмеряет свои поступки по лекалам благовоспитанности, в то время как молодой наследник (Дорант, Дон Жуан) уверен, что достаточно лишь родиться аристократом.

Мольеровская сцена объяснения прогрессивного отца и архаичного сына (4, 6) восходит к указанному выше корнелевскому эпизоду, подтверждением чему служат показательные совпадения:

Дон Луис. Как низко вы пали! Неужели вы не краснуете оттого, что так мало достойны своего происхождения? Вправе ли вы, скажите мне, хоть сколько-нибудь гордиться им? Что вы сделали для того, чтобы оправдать звание дворянина? Или вы думаете, что достаточно имени и герба и что благородная кровь сама по себе уже возвышает нас, хотя бы мы поступали плохо? (Et qu'avez-vous fait pour être gentilhomme? Croyez-vous qu'il suffise d'en porter le nom et les armes et que ce nous soit une gloire d'être sorti d'un sang noble lorsque nous vivons en infâmes?) [7, с. 146].

Обращает на себя внимание использование схожей лексики в схожей ситуации: зрители мольеровского «Дон Жуана», несомненно, отдавали себе отчет в том, что Дон Луис говорит словами Жеронта. Рассуждения о том, что значит быть дворянином (“Êtes-vous gentilhomme?” / “pour être gentilhomme?”) приводят к тезису о том, что недостаточно таковым родиться (“Croyez-vous qu’il suffit d’être sorti de moi?” / “Croyez-vous qu’il suffise <...> d’être sorti d’un sang noble”). Мольер далее развивает те же идеи, что и Корнель:

Дон Луис. Нет, нет, знатное происхождение без добродетели — ничто. Славе наших предков мы сопричастны лишь в той мере, в какой сами стремимся походить на них. Блеск их деяний, что озаряет и нас, налагает на нас обязанность воздавать им такую же честь, идти по их стопам и не изменять их добродетели, если мы хотим считаться их истинными потомками. То, что вы происходите от доблестных предков, ровно ничего не значит: предки отказываются признать в вас свою кровь, и все те славные деяния, что ими совершены, не дают вам никаких преимуществ; напротив, блеск их, падая на вас, выставляет вас в еще более неприглядном виде, слава их — это факел, при свете которого всем бросается в глаза ваше позорное поведение. Поймите, наконец, что дворянин, ведущий дурную жизнь, — это изверг естества, что добродетель — это первый признак благородства, что именам я придаю куда меньше значения, чем поступкам, и что сына какого-нибудь ключника, если он честный человек, я ставлю выше, чем сына короля, если он живет, как вы [7, с. 147].

Наблюдения над национальными истоками мольеровской комедии, которыми можно считать пьесы П. Скаррона и П. Корнеля, приводят к двум важным выводам. Во-первых, Мольер создает собственно французскую пьесу, в которой на первый план выходят темы, связанные не столько с проблемой эсхатологического возмездия за грехи, сколько с корпусом проблем, соотносимых с важными изменениями в самоощущении дворянина, выражающимися в концептуализации совести как главного механизма добровольного самоограничения: благовоспитанный человек — дворянин не столько по рождению, сколько по поведению. Тема эта звучит в обозначенных нами французских источниках мольеровской комедии, с таким изменением фокуса связан, вероятно, и комический эффект финальной сцены возмездия. Не менее важен и второй вывод: логика создания комедии Мольером может быть сопоставлена с практикой коллажа — соединения и монтажа готовых клише и тем, выбор которых может соответствовать не очевидному для современного читателя распределению ролей в разыгрываемых его труппой постановках чужих пьес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München: Fink, 1985. 134 с.
2. Багно В.Е. Расплата за своеволие, или воля к жизни // Миф о Дон Жуане. СПб.: Corvus, 2000. С. 5–22.
3. *Gendarme de Bévoite G.* La légende de Dom Juan. Paris: Hachette, 1906. 316 p.
4. *Bourqui Cl.* Les sources de Molière: répertoire critique des sources littéraires et dramatiques. Paris: Sedes, 1999. 479 p.
5. *Spaziani M.* Un capitolo della storia di Don Giovanni: Molière parodiato da Biancolelli? // *Mélanges à la mémoire de Franco Simone*. Т. 2. Genève: Droz, 1981. P. 279–294.
6. *Скаррон П.* Саламанский школяр, или Великодушные враги // Скаррон П. Комедии. М.: Искусство, 1964. С. 315–381.
7. *Мольер.* Дон Жуан, или Каменный гость // Мольер. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М.: Искусство, 1986. С. 99–160.
8. *Gaines J.F.* Le Menteur and Dom Juan: a case of theatrical and literary adaptation // *Kentucky Romance Quarterly*. 1985. № 32. P. 245–254.
9. *Корнель П.* Лжец // Корнель П. Театр: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1984. С. 77–161.
10. *Тирсо де Молина.* Севильский оболъститель, или Каменный гость // Миф о Дон Жуане. СПб.: Corvus, 2000. С. 27–178.
11. *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

REFERENCES

1. Shults, R. *Pushkin i Knidskii mif* [Pushkin and the Knidian Myth]. München: Fink Publ., 1985. 134 p. (In Russ.)
2. Bagno, V.E. *Rasplata za svoevolie, ili volia k zhizni* [The Payback for Self-Will, or the Will to Live]. *Mif o Don Zhuane* [The Myth of Don Juan]. St. Petersburg: Corvus Publ., 2000, pp. 5–22. (In Russ.)
3. *Gendarme de Bévoite, G.* La légende de Dom Juan. Paris: Hachette Publ., 1906. 316 p. (In French)
4. *Bourqui, Cl.* Les sources de Molière: répertoire critique des sources littéraires et dramatiques. Paris: Sedes Publ., 1999. 479 p. (In French)
5. *Spaziani, M.* Un capitolo della storia di Don Giovanni: Molière parodiato da Biancolelli? *Mélanges à la mémoire de Franco Simone*. Т. 2. Genève: Droz Publ., 1981, pp. 279–294. (In Italian)
6. *Skarron, P.* *Salamanskii shkoliar, ili Velikodushnye vragi* [The Salamanca Scholar, or Generous Enemies].

- Skarron, P. *Komedii* [Comedies]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1964, pp. 315–381. (In Russ.)
7. Molière. *Don Zhuan, ili Kamenniy gost* [Don Juan or The Feast of Stone]. Molière. *Polnoe sobranie sochinenii. V 3-kh t.* [The Complete Works in 3 Vols.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, Vol. 2, pp. 99–160. (In Russ.)
8. Gaines, J.F. Le Menteur and Dom Juan: a case of theatrical and literary adaptation. *Kentucky Romance Quarterly*. 1985, No. 32, pp. 245–254.
9. Corneille, P. *Lzhets* [The Liar]. Corneille, P. *Teatr. V 2-kh t.* [Theater in 2 Vols.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984, Vol. 2, pp. 77–161. (In Russ.)
10. Tirso de Molina. *Sevilskiy obolstitel, ili Kamenniy gost* [The Trickster of Seville and the Stone Guest]. *Mif o Don Zhuanе* [The Myth of Don Juan]. St. Petersburg: Corvus Publ., 2000, pp. 27–178. (In Russ.)
11. Elias, N. *Pridvornoe obshchestvo* [Court Society]. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2002. 368 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 сентября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 сентября 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on September 17, 2023
Revised on September 28, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010059

Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов

© 2024 г. М. Ю. Пупынина

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9,
научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
pupynina@gmail.com

© 2024 г. Ю. Б. Коряков

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1,
старший научный сотрудник Международной лаборатории
языковой конвергенции НИУ ВШЭ,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
ybkoryakov@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается ареал распространения науканского языка и языковые контакты носителей науканского языка с носителями чукотского, инупиакского и чаплинского языков. На основании литературы, дополненной данными, полученными во время экспедиций на Чукотку, ареал распространения науканского языка описывается в контексте науканско-чукотско-инупиакской многоязычной зоны, где в различной степени были распространены все три языка. Этот ареал включает помимо села Наукан острова Диомида, а также чукотские села Уэлен и Инчоун. Также дается характеристика исторического развития данной зоны за последние несколько веков, в течение которых жители нескольких отдельных науканоязычных селений селились в одно крупное село, Наукан. Чаплинский эскимосский язык, несмотря на генетическую близость к науканскому, не входил в данную контактную зону. В статье приводятся лингвистические данные по сравнению заимствований из чукотского в науканский и чаплинский языки, свидетельствующие о том, что науканский достаточно длительное время контактировал с чукотским независимо от чаплинского языка.

Благодарность. Данное исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом, «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (грант № 23-18-00204).

Ключевые слова: науканский язык, юпикские языки, эскимосские языки, языковые контакты, многоязычие, заимствования, чукотский язык, чаплинский язык.

Для цитирования: Пупынина М.Ю., Коряков Ю.Б. Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58. DOI: 10.31857/S1605788024010059

Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts

© 2024 Maria Yu. Pupynina

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher of the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld.1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
pupynina@gmail.com

© 2024 Yury B. Koryakov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld.1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
Senior Researcher of the International Laboratory for Language Convergence
at the National Research University “Higher School of Economics”,
21/4 bld. 5 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ybkoryakov@gmail.com

Abstract. The article examines the distribution area of the Naukan Yupik language and linguistic contacts of speakers of the Naukan language with speakers of the Chukchi, Inupiaq and Central Siberian Yupik languages. According to the literature sources, supplemented by data obtained during field work in Chukotka, the distribution area of the Naukan language is described in the context of the Naukan-Chukchi-Inupiaq multilingual zone, where all three languages were widespread to varying degrees. This area includes, in addition to the village of Naukan, the Diomed Islands, as well as the Chukchi villages of Uelen and Inchoun. The article also provides a description of the historical development of this zone over the past few centuries, during which residents of several separate Naukan speaking villages resettled into one large village, Naukan. The Central Siberian Yupik language, despite its genetic proximity to Naukan, was not part of this contact zone. The article provides linguistic data comparing borrowings from Chukchi into the Naukan and Central Siberian Yupik languages, indicating that Naukan had been in contact with Chukchi for quite a long time, regardless of the Central Siberian Yupik language.

Acknowledgements. This research was carried out within the framework of a project supported by the Russian Science Foundation: “Dynamics of the language situation in the communities of the Far North: diachronic documentation of the Naukan language” (grant No. 23-18-00204).

Key words: Naukan language, Yupik languages, Eskimo languages, language contacts, multilingualism, borrowings, Chukchi language, Central Siberian Yupik.

For citation: Pupynina, M.Yu., Koryakov, Yu.B. *Areal rasprostraneniya naukansкого языка: geografiya mnogoyazychiya i dinamika kontaktov* [Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 45–58. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010059

1. Введение

Науканский язык – исчезающий идиом эскимосско-алеутской семьи, относящейся к юпикской группе эскимосской ветви. До середины XX века науканский был распространен на крайнем северо-востоке России – в традиционном эскимосском селе Наукан на мысе Дежнева

(Чукотский полуостров). В настоящее время носителей науканского языка, в т.ч. пассивно владеющих языком, осталось менее 50 человек; они проживают в различных населенных пунктах Чукотского автономного округа (Лаврентия, Лорино, Уэлен, г. Анадырь), некоторые переехали в другие регионы РФ.

Интересно историческое расположение ареала науканского языка на стыке культур и континентов, в самом центре Берингии. Село Наукан, по названию которого язык получил свое имя, располагалось на мысе Дежнева в 40 км от островов Ратманова (Диомида), находящихся в самом узком месте Берингова пролива. Традиционно считается, что местом распространения науканского языка был только Наукан, а территория островов Диомида в языковом смысле обычно характеризуется как инуупиакская (т.е. населенная носителями языка другой, инуитской, группы эскимосских языков). Однако известно, что совсем недавно на островах Диомида существовало науканско-инуупиакское двуязычие [1]; [2], так что эту территорию еще в начале XX в. можно было называть периферией науканоговорящего ареала.

С другой стороны, науканцы, многие из которых, в свою очередь, владели и инуупиакским языком [1], постоянно контактировали с приморскими и кочевыми чукчами (последние, как правило, были моноязычными). Уже с конца XIX века отмечается науканско-чукотское двуязычие [3, с. 20]. Таким образом, мыс Дежнева и острова Диомида могут быть охарактеризованы как науканско-инуупиакско-чукотский многоязычный ареал.

В непосредственной близости от Наукана, менее чем в 200 км по прямой к юго-западу, распространены чаплинский язык той же юпикской группы, что и науканский; однако между ними расположены многочисленные поселки моноязычных чукчей, не владевших, как правило, ни одним из этих языков. Таким образом, дивергировавшая естественным образом юпикская цепь диалектов была разорвана неродственным чукотским языком, чему предшествовал, очевидно, период интенсивных контактов чукотского с предковой формой чаплинского и науканского языков. В результате эти варианты развивались самостоятельно.

При исследовании динамики контактов науканского языка мы принимали во внимание его связи со всеми указанными языками: инуупиакским, чукотским и чаплинским¹, учитывая в последнем случае не только возможности контактов между носителями науканского и чаплинского, но и степень их родства. Таким образом, нам пришлось включить в эту статью небольшой обзор, показывающий место науканского в юпикской группе эскимосских языков. В заключительной

части основного текста статьи мы приводим небольшое количественное исследование чукотских заимствований в науканском языке. Эти заимствования были сопоставлены со списком заимствований в чаплинский язык. Такое сравнение позволило получить количественные данные, свидетельствующие о достаточно долгом обособленном существовании науканско-чукотско-инуупиакской многоязычной зоны.

2. Методы и подходы

Данная статья — продолжение многолетнего исследования многоязычия и языковых контактов в северо-восточном ареале Сибири, результаты которого публиковались в серии статей [4]; [5]; [6]; [7]; [8].

Данные этих исследований говорят о широком распространении многоязычия, включавшего чукотский язык, на периферийных ареалах чукотской территории: на Нижней Колыме, где чукчи контактировали с эвенками и юкагирами, и на крайнем северо-востоке Евразии, в чукотско-эскимосском ареале. Многоязычные зоны располагались на периферии традиционно чукотских земель, которые были заселены моноязычным чукотско-говорящим сообществом, практиковавшим два типа традиционных экономических систем: крупнотабунное оленеводство и морзвербойный промысел. В чукотско-эскимосском смешанном ареале практиковался только морзвербойный промысел; этот ареал в широком смысле характеризовался чукотско-юпикским или, точнее, чукотско-юитским² многоязычием.

В центре настоящего исследования — науканская часть многоязычного чукотско-юитского ареала в период до расселения Наукана (1958).

При исследовании контактов науканского языка обобщение литературы по истории многоязычия и языкового сдвига дополняется собственными данными ретроспективных интервью с носителями науканского и чаплинского языков, записанных в 2021–2022 гг. во время экспедиций в г. Анадырь, п. Провидения и Чаплино. Методика ретроспективных интервью аналогична использованной в исследовании, проведенном на Нижней Колыме (см. подробнее [7]). Данные

² Вероятнее всего, дальнейшие исследования выявят также существование в прошлом чукотско-чаплинско-сиреникского ареала, однако мы осознанно сужаем задачи исследования и не включаем в анализ сиреникский эскимосский язык, распространенный ранее в непосредственной близости от ареала чаплинского языка. Положение сиреникского в эскимосской ветви эскалеутских языков весьма спорно.

¹ В данной работе мы не учитываем поздние контакты науканского языка с русским языком и гавайским английским пиджином, с которыми науканцы познакомились под влиянием контактов с американскими китобоями.

о динамике распространения юпикских языков, о переходе юпикоязычных эскимосов с Аляски в Азию и о центральной роли науканского в юпикской диалектной цепи, проходящей по незамкнутому кольцу вокруг Берингова моря, взяты из литературных источников. Эти данные дополнены оригинальными картами. Сравнительно-лингвистическая часть настоящего исследования — каталогизация и сравнение чукотских заимствований — проведена на основе языкового материала, представленного в словарях [9]; [10].

3. Науканский язык: история появления Наукана

Важно понимать, что в диахроническом аспекте науканцы (т.е. жители села Наукан) и носители науканского языка — это не одно и то же. Действительно, в середине XX века на науканском языке говорили исключительно в селе Наукан, в противоположность чаплинскому эскимосскому языку, носители которого, помимо Чаплино, проживали и далеко за его пределами. Тем не менее вплоть до начала XX века существовало местечко Нунак, откуда последние жители переселились в Наукан в 1920 году. Антропологи фиксируют шесть-восемь локаций, в которых говорили на науканском (пээском) языке до сер. XIX века, крупнейшими из которых были Мамрохпак, Наукан (Нувукак) и Нунак [11, с. 34]. Постепенно их жители стали переселяться в Наукан (санлукивцы и санлукцы переселились, видимо, сначала в Мамрохпак, более близкое крупное поселение), последними, на рубеже веков, были жители Нунака [12, с. 48–49]. Нашими информантами до сих пор отмечаются совпадения названий их родов с названиями мест, где раньше жили их далекие предки. На рис. 1 представлена карта постепенного переселения жителей других селений в Наукан.

Есть данные, свидетельствующие в пользу того, что диалекты, близкие к науканскому, вероятнее всего, были распространены на островах Диомида, о. Кинг и на полуострове Сьюард (Аляска) [13, с. vi]; [14, с. x]; [15, с. 166]; [16, с. 265]. Об этом свидетельствуют, например, науканские названия островов Диомида: *Иуналик* «более близкий, лучше видимый» для Малого Диомида и *Имакль-ик* «находящийся дальше в море» для Большого Диомида; эти названия отражают взгляд со стороны Аляски, а не со стороны Наукана [13, с. v]. О сходстве языка науканцев и некоего идиома, распространенного в XVIII в. на Большом Диомиде, свидетельствует и сотник Иван Кобелев [12, с. 44–45].

Рис. 1. Карта древних науканских поселков, откуда в XVIII — начале XX в. происходило переселение в Наукан (по [12, с. 48–49]; [11, с. 34–35]).

В 1958 году село Наукан было расселено, а его жители насильственно подверглись переселению в поселки приморских чукчей [11, с. 273–276].

4. Науканский и чукотский. Чукотско-науканское многоязычие

Науканцы, видимо, с самого начала образования науканской агломерации контактировали как с береговыми чукчами-морзверобоями, так и с чукчами-оленеводами. На рис. 2 желтыми точками обозначены поселки береговых чукчей, а штриховкой — примерная зона распространения кочевий чукчей-оленеводов (известно, что до самого мыса Дежнева чукотские стада не доходили). Контакты с оседлыми чукчами-морзверобоями были гораздо интенсивнее. В первую очередь нам известно о связях науканцев с жителями села Уэлен, расположенного в непосредственной близости от мыса Дежнева, а также с жителями села Инчоун. Известно, что как науканцы, так и уэленцы брали в жены уэленок и науканок соответственно, и женщины в таком случае переезжали к мужьям и выучивали их языки. Ошибки чукотских женщин в науканском произношении были предметом насмешек. Рассказывает Е.А. Добриева: «Одна говорит: ой, ноги болят. Она говорила “ноги” во множественном числе, а у нас двойственное число. “Ой, ноги болят”, ноги во множественном числе болят. А некоторые женщины говорят: А сколько их у тебя?». Точно так же и науканские женщины выучивали чукотский язык в случае, если приходилось выйти замуж за чукчу и уехать в чукотский поселок.

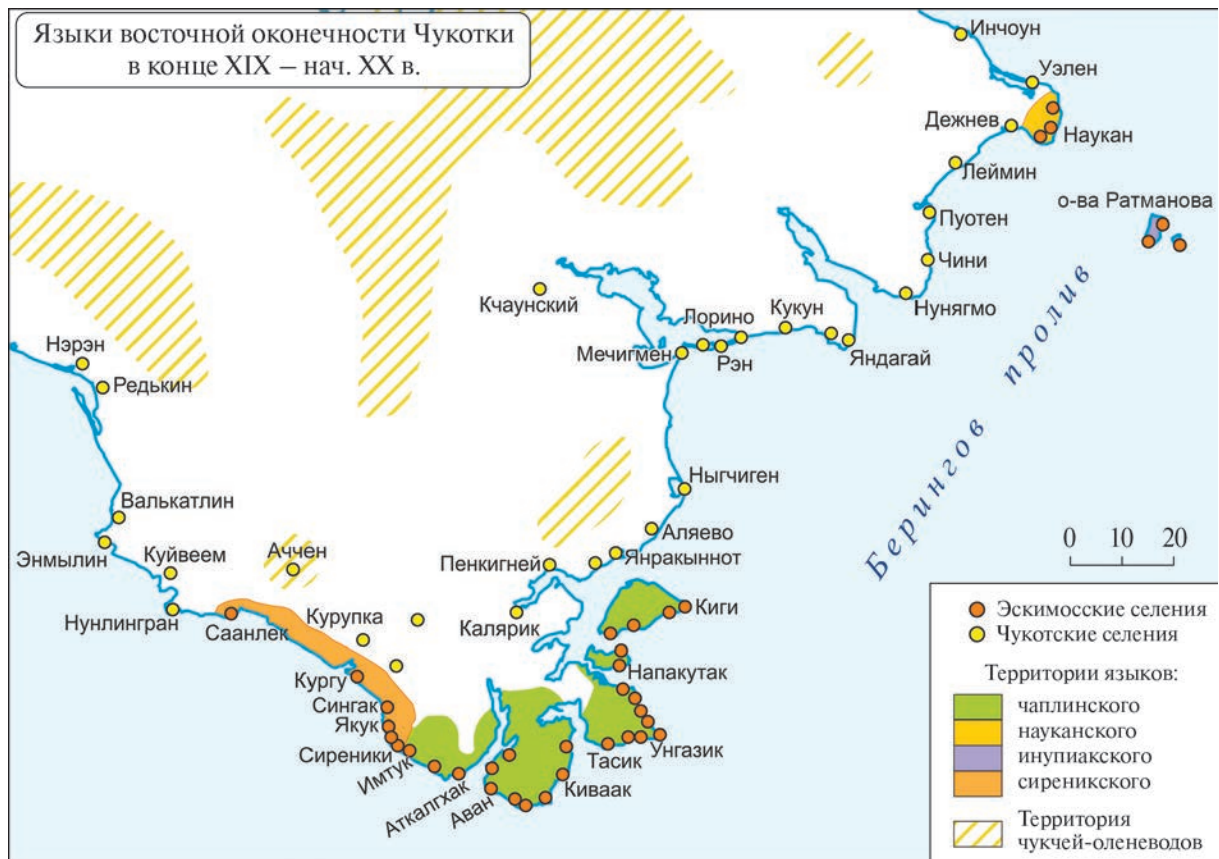

Рис. 2. Языки восточной оконечности Чукотки в конце XIX — нач. XX в. [17]; [11].

В самом Наукане чукотский язык функционировал достаточно активно. Когда в Наукан приезжали береговые чукчи, общение велось в основном на чукотском языке. Чукотский язык науканцам также важно было знать, чтобы осуществлять контакты с чукчами-оленьеводами. Несмотря на то, что между вариантами чукотского языка существовали просодические различия, явно распознаваемые самими чукчами [1], с точки зрения грамматики язык сравнительно гомогенен и знавшие язык приморских селений науканцы свободно могли общаться с чукотскими оленьеводами при обменах. Обмены происходили достаточно далеко от Наукана, вблизи от современных чукотских сел Нешкан и Лорино.

Нельзя сказать, однако, что чукотским владела все поголовно жители Наукана. Наши информанты, покинувшие Наукан в раннем детстве в связи с расселением поселка, в детстве знали только науканский, а чукотский выучили вынужденно, после переезда в чукотоязычное окружение. Эта ситуация похожа на историю возникновения многоязычных репертуаров на крайнем западе чукотского ареала. Несмотря на широкую распространенность чукотско-эвенского

и чукотско-эвенско-юкагирского многоязычия, юкагиры и эвены утверждали, что овладение чукотским языком, как правило, происходило не в раннем детстве, и даже впоследствии охватывало не всех взрослых членов сообщества. Владели языком те, кому приходилось совершать обмены, договариваться о сватовстве детей, на долгий срок уезжать к соседям на заработки, т.е. вести активную социальную жизнь. Таким образом, из многоязычной среды выпадали те, кто этого не делает, — как правило, дети и женщины, воспитывающие маленьких детей. То же самое утверждают и науканцы. И.В. Суворова вспоминает, что на чукотском хорошо говорили ее бабушка и дедушка, которые в основном занимались обменами с родственниками-чукчами, в то время как ни она, ни ее мама чукотского не знали. Ретроспективные интервью не дают оснований предполагать в Наукане в первой половине XX в. ситуацию языкового сдвига с науканского на чукотский язык.

Береговые чукчи, жители соседних с Науканом поселков, оставались монолингвами лишь до известной степени. Уроженка села Уэлен Валентина Кагъевна Вэкэт, чукотская писательница и прекрасный знаток культуры чукчей-морзвербоев,

упоминает, что в раннем детстве она сама немного владела науканским: «Я раньше знала чуть-чуть науканский язык, диалекты. Я хорошо понимала... Ага, понимать понимала, но не очень хорошо говорила, разговаривали, но я их понимала. А потом забыла».

5. Науканский и инупиакский. Науканско-инупиакское многоязычие

Наукан иногда называют третьим островом Диомиды [12]; [9]; [18], настолько внешний вид этого каменистого мыса с крутыми берегами со стороны пролива напоминает остров, а его расположение удобно для перемещений по морю в сторону островов Диомиды и аляскинского полуострова Сьюард. Отчасти из-за удобства перемещений к островам, отчасти, возможно, потому что традиция общаться с жителями островов Диомиды сохранилась с тех пор, когда эти острова были заселены родственными по языку группами, науканцы были очень сильно ориентированы на контакт с инупиакоязычными эскимосами, заселявшими острова Диомиды.

Инупиакский диалектный континуум принадлежит к инуитской группе эскимосских языков, языки которой распространены на огромной территории от западного побережья Аляски до Гренландии, и инупиакский вариант, распространенный на островах Диомиды, является самым западным идиомом этой группы.

Тесные связи науканцев и инупиаков, контактировавших чаще и активнее, чем науканцы и их родственники по языку и соседи по Чукотскому полуострову чаплинцы, отмечаются еще в первоописании науканского языка, сделанного Г.А. Меновщиковым [19, с. 10].

Воспоминания как науканцев, так и инупиакоязычных жителей о. Диомиды о контактах друг с другом и с чукчами подробно разобраны в работе [1]. По свидетельству Е.В. Головки, данные большинства интервью говорят о том, что как в Наукане, так и на островах Диомиды, по крайней мере на Малом Диомиде, было широко распространено науканско-инупиакское двуязычие: “*Our work on both sides of the strait has convinced us that the number of Inupiaq speakers in Naukan and the number of NY speakers on Little Diomed were approximately equal*”³ [1, с. 404]. Данные о наличии инупиакско-науканского двуязычия на островах

Диомиды приводятся и в работе [2]. Наши науканские информанты также отмечают постоянное общение с инупиакскими, брачные связи, наличие друзей и родственников на островах Диомиды. Ср., например, свидетельство И.В. Суворовой о том, что науканцы даже сочиняли песни на языке инупиак: «*Науканские эскимосы сочиняли для своих родственников на их диалекте, на имакликском диалекте. Был такой диалект. На Малом Диомиде, там, где наши родственники, говорили на их диалекте наши науканские и сочиняли песни, вот, на их диалекте*».

Упомянем здесь, что береговые чукчи Уэлена также контактировали и с инупиакскими жителями островов Диомиды: “*There is evidence that some of most active Diomed travelers (for example, Moses Milligrock) had connections only with Uelen, and did not visit Naukan for once. It would be natural to assume that, in this case, there would be more reason for such travelers to learn some Chukchi*”⁴ [1, с. 405]. В.К. Вэкэт, все детство прожившая в Уэлене, вспоминает, как инупиакские, состоявшие в дальнем родстве с кем-то из ее родственников, приезжали несколько раз в Уэлен, останавливались у них в яранге. Однако, на каком языке разговаривали ее родители и эскимосы с островов Диомиды, В.К. не знает. Когда они говорили между собой, она, владея науканским языком, не могла их понять, пряталась от них, как от чужих, и боялась их.

Таким образом, мыс Дежнева характеризуется активным науканско-инупиакско-чукотским многоязычием, причем «носителями» этого многоязычия были не только жители села Наукан. Соседние чукотские поселки, такие как Уэлен и Инчоун, также составляли периферию этой многоязычной зоны. То же самое можно сказать об островах Диомиды, где было распространено инупиакско-науканское двуязычие, а возможно, и инупиакско-науканско-чукотское трехязычие. Между людьми, проживавшими в этом ареале, существовали постоянные обмены, регулярно проходили встречи и визиты, подкрепляемые брачными связями. Внутри этого ареала были также широко распространены как эскимосские, так и чукотские имена [20]. Эта многоязычная и мультикультурная зона благодаря своему расположению играла большую роль и в межконтинентальных контактах, ср. [21].

⁴ «Есть сведения, что некоторые из наиболее активных путешественников с островов Диомиды (например, Мозес Миллигрок) имели связи только с Уэленом и ни разу не посетили Наукан. Было бы естественно предположить, что в этом случае у таких путешественников будет больше причин выучить немного чукотского».

³ «Наша работа по обе стороны пролива убедила нас, что количество говорящих на инупиакском языке в Наукане и количество говорящих на науканском языке на Малом Диомиде было примерно равным».

Рис. 3. «Юпикское кольцо». Гипотетическое распространение юпикских языков и пути их миграций в различные периоды их истории.

6. Науканский и чаплинский

6.1. Место чаплинского и науканского в юпикской группе. «Юпикское кольцо»

Прежде чем переходить к обсуждению степени интенсивности контактов чаплинского и науканского, попытаемся оценить степень близости этих языков в юпикском диалектном континууме.

Большинство исследователей, занимающихся юпикскими языками, признает гипотезу заселения Азии юпикоговорящими эскимосами из Северной Америки [22, с. 9–11]; [9, с. v–vi]; [14, с. xi]; [12] и др. Речь идет о так называемом юпикском кольце (термин из [12, с. 43]), см. рис. 3.

Сплошной заливкой на карте обозначены юпикские языки Берингии⁵. Рассмотрим сначала юпикские языки Аляски. Центральнюпикский распространен в основном по южному побережью залива Нортон, в то время как на северном

⁵ На этой карте не показан юпикский язык алютик как периферийный для настоящего исследования.

побережье существует лишь один его анклав среди инуупиакского языка: уналикский диалект, распространенный в поселках Элим и Головин. Однако инуупиакские диалекты, широко распространенные по полуострову Сьюарда, обнаруживают ряд контактных черт, свойственных юпикским языкам, что позволяет предположить наличие юпикского субстрата, см. [2, с. 270]. Как упоминалось выше, науканский язык или родственные ему идиомы были распространены, вероятно, не только в Азии, но и на островах Диомида и на полуострове Сьюарда. Этот гипотетический юпикский континуум показан на карте косой штриховкой.

Перейдем теперь к азиатским юпикским языкам. К югу от науканского языка, со значительным перерывом, находится ареал распространения чаплинского языка (см. на карте современные поселки Новое Чаплино и Провидения). Скорее всего, ранее по всему побережью полуострова к югу от Наукана был распространен юпикский диалектный континуум, разделенный впоследствии чукотским языком. Лаврентийский

диалект чаплинского языка⁶ распространен также на острове Св. Лаврентия в Беринговом море, который при взгляде на карту кажется потенциально возможным пунктом для коммуникации с берегами Аляски. Однако на самом деле восточный берег о. Св. Лаврентия и устье Юкона разделяют более 150 км, что гораздо больше, чем между Науканом и островами Диомида (40 км). Ни лингвистические, ни исторические данные не подтверждают таких путей миграции эскимосов, см. [16, с. 265].

Таким образом, можно предположить, что общий ареал распространения носителей юпикских языков в различные периоды его истории образует подобие незамкнутого кольца вокруг Берингова моря. Как уже говорилось в начале этого раздела, лингвистические данные говорят о распространении юпикских языков из Аляски в Азию, а не наоборот, что в свою очередь свидетельствует об обратной миграции части эскимосов, заселивших до этого Америку из Азии по Беринговому мосту. Разумеется, этот сценарий не исключает того, что юпикоязычные эскимосы могли встретить на азиатском берегу другие эскимосоязычные племена, говорящие на более архаичных эскимосских языках, и смешаться с ними, о чем косвенно говорит позиция сиреникского эскимосского языка как либо одного из фундаментальных (*fundamental* – Краусс) языков эскимосской ветви, либо как сильно дивергировавшего языка юпикской ветви: “Sireniki may well be one that never was in Alaska, or at least returned thence far earlier” [18, с. 166].

Между чаплинским и его вариантом с острова Святого Лаврентия, с одной стороны, и центральноюпикским и его уналикским диалектом, с другой стороны, науканский представляет собой *mid-way stepping stone* ‘ступеньку на полпути’ [18, с. 169] и являет собой интереснейший объект для исследования в условиях чукотско-наукано-инупиакской многоязычной зоны. Чаплинский же замыкает юпикское кольцо, находясь в другом, чукотско-чаплинском многоязычном ареале, отграниченном от чукотско-наукано-инупиакского чукотской моноязычной зоной (см. рис. 4).

6.2. Науканский и чаплинский: свидетельства контактов и взаимопонятность

До середины XX в. науканский и чаплинский языки вместе с сиреникским языком считали

⁶ Диалект острова Св. Лаврентия подробно далее в этой работе не рассматривается.

диалектами одного языка – языка азиатских эскимосов. Многие жители Чукотки, как русские, так и чукчи, и сейчас считают, что эскимосы ЧАО говорят на одном языке – эскимосском, причем прототипически под эскимосским понимают именно более широко распространенный чаплинский язык. Все основные учебные материалы для обучения «эскимосскому языку» в советских школах и в педучилище в столице региона г. Анадыре были основаны на чаплинском языке. Лишь в последнее время раздаются голоса науканского сообщества, призывающие к признанию науканского языка: так, во время окружного фестиваля языков 2023 г. в городе Анадыре приветствия участников звучали не только на чукотском и «эскимосском» языке, но на чукотском, науканском и чаплинском.

Все науканцы и чаплинцы, с которыми мы говорили, подтверждают, что интенсивные контакты между их группами начались только с развитием советской инфраструктуры, образованием Чукотского района, к которому стали относиться обе эскимосские группы Чукотского полуострова. В настоящее время, когда престиж малых языков на Чукотке несколько поднялся, некоторые науканцы сознательно предпочитают учить чаплинский язык, считая его более vitalным, «чтобы хоть было с кем разговаривать».

В.Г. Богораз, исследовавший в конце XIX – начале XX в. чукотский язык и другие идиомы северо-востока, имел опыт общения только с чаплинскими эскимосами, а в местах проживания науканцев никогда не бывал. Тем не менее, работая с чаплинской группой, он записал несколько текстов на науканском языке, представляющих собой переводы на науканский историй, записанных на чаплинском. Переводы были сделаны женой одного из его информантов, урожденной науканкой. Уверенный в том, что три эскимосских языковых варианта Азии есть диалекты одного языка, Богораз в числе прочего отмечает: “Indeed, I had occasion several times to witness the people of all three tribes conversing without difficulty, every one using his own dialect” [3, с. 20].

Н.Л. Гондatti, работавший на Чукотке в качестве государственного деятеля и собиравший также этнографический и лингвистический материал, напротив, свидетельствует о том, что взаимопонимание между эскимосами Азии было невозможно ввиду существенных различий между их языками. «Эти народности (*науканцы, чаплинцы и сиреникцы*. – Авт.) ...не понимают друг друга и объясняются между собою, большей частью, при помощи чукотского языка, весьма здесь распространенного» [23, с. 168].

Рис. 4. Зоны многоязычия на восточной оконечности Чукотки в конце XIX – нач. XX в.

Однако в работе, посвященной языковым практикам сообществ Берингова пролива [1], так же, как и в наших интервью, нет информации ни о рецептивном науканско-чаплинском билингвизме, ни об общении науканцев и чаплинцев посредством чукотского языка. Науканцы отмечали, что некоторые их предки владели чаплинским, но очень плохо. Один или два раза в год чаплинцы приезжали в Наукан. От Е.А. Добриевой мы даже записали легенду о приезде чаплинской женщины-силачки: «У чаплинцев была очень сильная такая женщина. Они ее летом на кожаных байдарках возили от поселка к поселку, в чукотские эти села заходили и устраивали соревнования, боролись с женщиной, и она всегда одерживала победу. И они приехали, прибыли в Наукан, и к ней вышла дедова бабушка... Она вышла и поборолла эту силачку из Чаплино». Однако каких-то близких или родственных отношений, а также торговых обменов между чаплинцами и науканцами не было.

Сходство чаплинского и науканского языков, разумеется, осознается как науканцами, так и чаплинцами. Вот как описывается реакция деда

Е.А. Добриевой на реплику на чаплинском языке (уже после образования Чукотского района и усиления контактных связей между чаплинцами и науканцами): «Например, уже в мое время, я уже помню, с Чаплина приезжают эти чаплинцы, все науканцы вниз спускаются мужчины, помогают вельботы вытащить, зафиксировать их веслами, чтобы эти вельботы не упали. Вот один подходит, я так хорошо помню. Вот у него это кончик носа как бы это крючком свисал, и говорит деду на чаплинском языке: “мы прибыли”, а на науканском языке это обозначает “мы стукнулись”. Дед у нас очень такой острый на язык... и говорит: “Ну, говорит, стукнулись, то-то у тебя нос так сплющился...”».

Таким образом, очевидно, чаплинско-науканский билингвизм в XIX–XX вв. вряд ли был распространенным явлением. Нельзя отрицать, что было возможно упоминаемое Богоразом частичное взаимопонимание чаплинцев и науканцев, встретившихся случайно, ввиду генетической близости их языков. Об этом говорит, в частности, моментальная реакция деда Е.А. Добриевой на реплику носителя чаплинского языка. Однако

наличие стойкого рецептивного билингвизма, при котором обе стороны хорошо понимают языки друг друга, но не говорят на них, предполагать не приходится из-за отсутствия интенсивных контактов, родственных связей и необходимости обменов между этими группами.

Как уже говорилось, на мысе Дежнева и островах Диомида четко выделяется науканско-инупиакско-чукотский многоязычный ареал. Однако повторимся, что с восточной стороны от чукотской моноязычной зоны нельзя выделить один чукотско-юпитский многоязычный ареал; скорее, там существовало два обособленных многоязычных ареала, разделенных чукотской моноязычной зоной, см. рис. 4.

Еще одним фактом, свидетельствующим в пользу разграничения этих зон, является засвидетельствованное на мысе Дежнева и островах Диомида науканско-инупиакское двуязычие, в то время как среди чаплинцев носителей инупиакского языка не отмечено. Чукотский клин разделил, таким образом, не только юпикский диалектный континуум, образовав «новые» языки, но и создал два обособленных сообщества с различными многоязычными практиками.

6.3. Заимствования из чукотского в науканский: подсчет в сравнении с чаплинским

В связи с функционированием науканского языка в обособленном от чаплинского (чаплинского-чукотского) науканско-инупиакско-чукотском многоязычном ареале можно предположить, что его контакты с чукотским языком были также в достаточной степени независимы от чаплинско-чукотских контактов. Вместе с тем перед разделением чаплинского и науканского с чукотским, несомненно, контактировал некий идиом, предшествовавший этим языкам, и чукотские заимствования, появившиеся в нем, сохранились, очевидно, в обоих языках. Чтобы оценить степень независимости чукотско-науканских контактов, было проведено количественное сравнительное исследование заимствований из чукотского языка в науканский и чаплинский языки.

Г.А. Меновщиков уже в «Грамматике языка азиатских эскимосов» посвящает чукотским заимствованиям в «азиатский эскимосский» целый раздел в конце книги. Он пишет: «Проникновение в язык азиатских эскимосов чукотских наречий, частиц, модальных слов и союзов оказало огромное влияние на образование в нем новых служебных и модальных слов как за счет соединения слов и частиц эскимосского языка, так и за счет соединения чукотских и

эскимосских лексических и морфологических элементов» [19, с. 270]. Однако в разделе книги упоминается лишь влияние чукотского на «язык азиатских эскимосов», подробности влияния отдельно на науканский «диалект» не рассматриваются. Взаимодействие чукотского и чаплинского языков подробно рассмотрено в фундаментальной работе В. Де Руза *Siberian Yupik Eskimo: The Language and Its Contacts With Chukchi*⁷. Отдельно представлены обширные списки *particle* и *non-particle loanwords*. Де Руз также пишет о том, что практически все слова из его списков имеют соответствия в науканском и сиренинском и что, в частности, науканский язык включает даже больше чукотских заимствований, чем чаплинский [24, с. 346]. Существует, однако, малоизвестная работа [25], где даются списки заимствований из чаплинского и науканского, где видно, что некоторые чукотские заимствования, имеющиеся в чаплинском, отсутствуют в науканском, и наоборот. Согласно этим спискам, в чаплинском имеется девять заимствований, отсутствующих в науканском, а в науканском — шесть заимствований, отсутствующих в чаплинском, что не подтверждает предположения Де Руза о том, что в науканском должно быть больше заимствований, чем в чаплинском.

В рамках настоящего исследования мы подошли к этой проблеме с помощью количественных методов. Мы посчитали чукотские заимствования в науканском языке по словарю [9], выписывая их постранично, а чаплинские — по наиболее полному списку чукотских заимствований в чаплинский, сопровождающему в качестве приложения словарь [10].

Из сформированной таким образом группы науканских заимствований были исключены топонимы и «возможные» заимствования, а из группы чаплинских заимствований все «предположительно чукотские» заимствования. Интересно, что количество чукотских заимствований в результате получилось почти одинаковым — 277 заимствований в науканский и 282 заимствования в чаплинский. Это число очень велико по сравнению с чукотско-юкагирско-эвенской контактной зоной: зафиксировано лишь 4 чукотских заимствования в юкагирский и 3 в нижнеколымский эвенский языки. Затем было проведено сравнение списков чукотских заимствований в науканском и чаплинском, для чего список заимствований в науканском пришлось дополнить исходными чукотского формами из словаря [26], так как

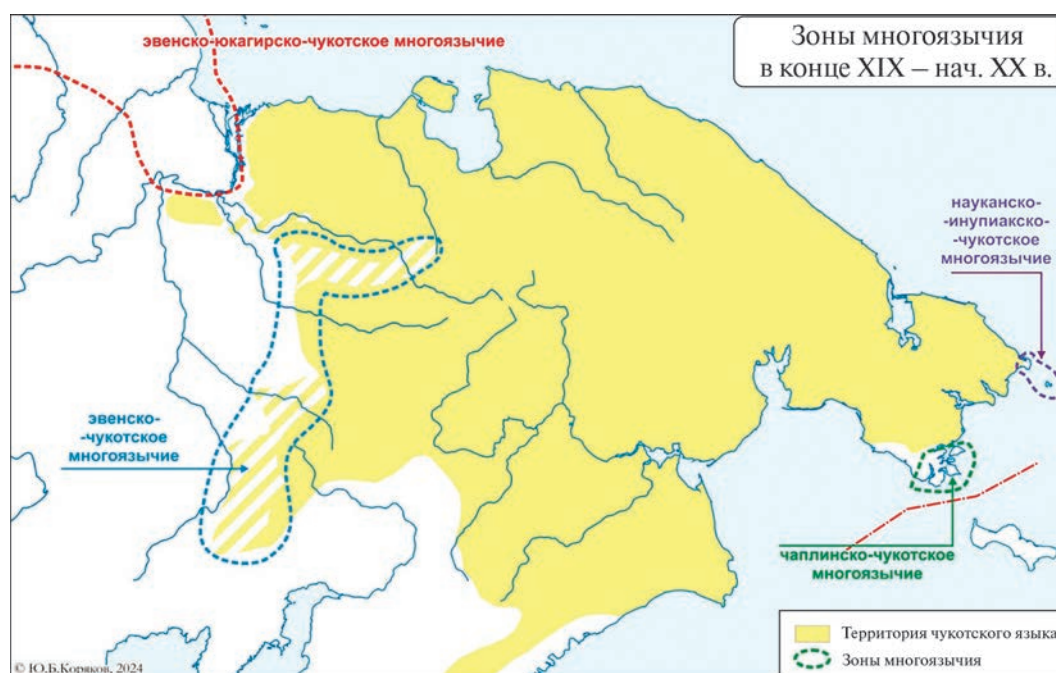
⁷ «Сибирские эскимосы-юпики: их язык и его контакты с чукотским».

Таблица 1. Заимствования из чукотского языка в науканский и чаплинский языки

Язык/диалект	Всего	Топонимы	Возможные	Без возможных и топонимов	Совпадения	Совпадения, %
Науканский	321	38	6	277	80	29
Чаплинский	367	0	85	282	80	28
Лаврентийский	295	0	65	230	65	28

Таблица 2

Язык	Частицы и наречия среди заимствований	Доля от общего числа заимствований
Науканский	62	22%
Чаплинский	97	34%
Общие заимствования между наук. и чапл.	39	49%

Рис. 5. Зоны многоязычия на крайнем северо-востоке Евразии в конце XIX в. [4]; [5]; [27].

не для всех лексем такие формы указаны в словаре. В результате такого сравнения удалось выявить лишь 80 чукотских лексем, которые были заимствованы и в науканский, и в чаплинский. Это составляет 28–29% от общего числа заимствований. Указанные числа приведены в табл. 1.

Таким образом, по данным современных словарей, всего треть чукотских заимствований фиксируется одновременно и в чаплинском, и в науканском, т.е. именно эти заимствования проникли, вероятно, в некий предковый юпикский идиом, предшествовавший разделению языков.

Как и следовало ожидать, значительную часть среди них составляют частицы и наречия (см. табл. 2), причем наиболее высока их доля в совпадающих заимствованиях.

Приведенные данные являются еще одним, лингвистическим, свидетельством в пользу достаточно длительного обособленного существования науканско-чукотско-инуиакской контактной зоны.

Выводы, результаты и перспективы исследования

В статье были рассмотрены свидетельства контактов носителей науканского языка с носителями

чукотского, инупиакского и чаплинского языков. Многоязычный науканско-чукотско-чаплинский ареал включал Наукан и в прошлом другие науканоговорящие поселки, чукотские поселки Уэлен и Инчоун и острова Диомида, и был ограничен от зоны распространения чаплинского языка, являющейся также чукотско-чаплинской многоязычной зоной, монологичным чукотским «клином». Это же монологичное сообщество, состоящее в основном из кочевых оленных чукчей и занимающее обширную территорию, отделяет небольшую науканско-инупиакско-чукотскую трехязычную зону от западной части чукотского ареала, где в конце XIX века было распространено чукотско-эвенско-юкагирское трехязычие, перетекающее в чукотско-эвенское двуязычие (рис. 5).

Данные сравнительного исследования заимствований из чукотского языка в чаплинский и науканский также свидетельствуют о том, что науканско-чукотско-инупиакский ареал функционировал независимо от чукотско-чаплинского в течение достаточно длительного времени, в течение которого контакты чаплинцев и чукчей и науканцев и чукчей происходили независимо друг от друга.

Приведенные сравнительные данные могут помочь прояснить и некоторым образом «измерить» динамику расхождения близкородственных идиомов, науканского и чаплинского языков юпикской группы. Следующим шагом исследования должно стать более подробное качественное исследование состава чукотских заимствований, а также исследование влияний чукотского на юитские языки на морфологическом / фонетическом уровне. Одновременно с этим перспективным представляется углубленное исследование науканско-инупиакских заимствований на различных языковых уровнях.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

наук. — науканский [nauk. — Naukan]
северноук. — северноюкагирский [severnoyuk. — Northern Yukaghir]
чапл. — чаплинский [chapl. — Central Siberian Yupik]
чук. — чукотский [chuk. — Chukchi]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Golovko E.V.* Languages and identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century //

Acta Linguistica Petropolitana. 2019, Vol. 15, № 3, pp. 391–424.

2. *Kaplan L.D.* Seward Peninsula Inupiaq and language contact around Bering Strait // Marc-Antoine Mahieu, and Nicole Tersis (eds.), *Variations on polysynthesis. The Eskimo-Aleut languages.* Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 261–272.
3. *Bogoras W.* *The Chukchee.* Leiden: Brill, 1904.
4. *Пупынина М.Ю., Коряков Ю.Б.* География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX — начале XX века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 1 (23). С. 69–82.
5. *Пупынина М.Ю., Аралова Н.Б., Коряков Ю.Б.* География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX — начале XX века. Часть 2. Эвены и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 1 (27). С. 44–60.
6. *Pupynina M.* Multilingualism in the Lower Kolyma Region // *International Journal of Eurasian Linguistics.* 2020, Vol. 2, No. 1, pp. 149–157.
7. *Pupynina M., Aralova N.* Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends // *International Journal of Bilingualism. Special issue 'Typology of small-scale multilingualism'.* 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 1–20.
8. *Пупынина М.Ю., Мордашова Д.Д.* Свидетельства языковых контактов в Колымско-Алазейской тундре в XIX — начале XX века. Тундренные юкагиры и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 56–77.
9. *Головко Е.В., Джейкобсон С., Добриева Е.А., Краусс М.* Словарь языка науканских эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004.
10. *Badten L.W., Kaneshiro V.O., Oovi M., Jacobson S.A.* *A Dictionary of the St. Lawrence Island / Siberian Yupik Eskimo Language.* 2 vols. 2nd edition. Fairbanks: Alaska Native Language Center, College of Liberal Arts, University of Alaska, Fairbanks, 2008.
11. *Krupnik I., Chlenov M.* *Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960.* Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
12. *Членов М.А., Крупник И.И.* Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить: Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения: материалы науч.-практ. конф. Анадырь, 12–14 апр. 2016 г. Вып. 1. М.; Анадырь, 2016. С. 38–74.
13. *Краусс М.* Введение: общие и исторические сведения // Головко Е.В., Джейкобсон С., Добриева Е.А., Краусс М. Словарь языка науканских

эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004.

14. Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. Comparative Eskimo Dictionary, with Aleut Cognates. Fairbanks: University of Alaska Press, 1994.
15. Fortescue M. How Far West into Asia Have Eskimo Languages Been Spoken, and Which Ones? // *Études/Inuit/Studies*. 2004, Vol. 28, No. 2, pp. 159–183.
16. Jacobson S.A. Comparison of Central Alaskan Yup'ik Eskimo and Central Siberian Yupik Eskimo // *International Journal of American Linguistics*. 1990, Vol. 56, No. 2, pp. 264–286.
17. Павловский В.Н. Чукотский полуостров – Аляска. Карта (4 листа). Масштаб 1:2 000 000. М.: Б. и., 1947.
18. Krauss M. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island–Point Hope Connection // *Études/Inuit/Studies*. 2005, Vol. 29, No. 1–2, pp. 163–186.
19. Меновщиков Г.А. Язык науканских эскимосов. Л.: Наука, 1975.
20. Schweitzer P.P., Golovko E.V. Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Personal Naming in the Bering Strait Area // *Arctic Anthropology*. 1997, Vol. 34, No. 1. Power, Resistance, and Security: Papers in Honor of Richard G. Condon, Steven L. McNabb, Aleksandr I. Pika, William W. Richards, Nikolai Galgauge, Nina Ankalina, Vera Rakhtikon, Boris Mummyhtikak, and Nikolai Avatum. P. 167–180.
21. Golovko E.V. The Naukan Yupik as Mediators in the Intercontinental Travel in the Bering Strait Area: a sociolinguistic perspective // К 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: Сборник статей // Ред. Е.И. Риехакайнен и Н.А. Слепокурова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 47–60.
22. Krauss M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // Alaska Native Language Center Research Paper 4. Fairbanks: University of Alaska, 1980.
23. Гондатти Н.Л. Население Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 3. Вып. 1. С. 166–178. Хабаровск: РГО, 1897.
24. de Reuse W.J. Siberian Yupik Eskimo. The Language and Its Contacts with Chukchi. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.
25. Меновщиков Г.А. Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики и эскимосский язык // П.Я. Скорик (ред.). Палеоазиатские языки: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1986.
26. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. Чукотско-русский словарь. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2005.
27. Pupynina M., Koryakov Yu. Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift // *Sibirica*. 2019, Vol. 18, No. 2, pp. 78–124.

REFERENCES

1. Golovko, E.V. Languages and identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, Vol. 15, No. 3, pp. 391–424.
2. Kaplan, L.D. Seward Peninsula Inupiaq and language contact around Bering Strait. Marc-Antoine Mahieu, and Nicole Tersis (eds.), *Variations on polysynthesis. The Eskimo-Aleut languages*. John Benjamins. Amsterdam, 2009, pp. 261–272.
3. Bogoras, W. *The Chukchee*. Leiden: Brill Publ., 1904.
4. Pupynina, M.Ju., Koryakov, Ju.B. *Geografija mnogojazyčija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – načale XX veka* [Geography of the Multilingualism of the Kolyma-Alazeya Tundra Peoples in the late 19th – early 20th Centuries]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2019, No. 1 (23), pp. 69–82. (In Russ.)
5. Pupynina, M.Ju., Aralova, N.B., Koryakov, Ju.B. *Geografija mnogojazyčija narodov kolymsko-alazejskoj tundry v konce XIX – načale XX veka. Čast 2. Èvny i ix kontakty s sosedjami* [Geography of the Multilingualism of the Kolyma-Alazeya Tundra Peoples in the late 19th – early 20th Centuries. Part 2. Evens and Their Contacts with Neighbors]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2020, No. 1 (27), pp. 44–60. (In Russ.)
6. Pupynina, M. Multilingualism in the Lower Kolyma Region. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2020, Vol. 2, No. 1, pp. 149–157.
7. Pupynina, M., Aralova, N. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. *International Journal of Bilingualism*. Special issue “Typology of small-scale multilingualism”. 2021, Vol. 25, No. 4, pp. 1–20.
8. Pupynina, M.Ju., Mordašova, D.D. *Svidetelstva jazykovyx kontaktov v Kolymsko-Alazejskoj tundre v XIX – načale XX veka. Tundrennye jukagiry i ix kontakty s sosedjami* [Evidence of Language Contacts in the Kolyma-Alazeya Tundra in the 19th – early 20th Centuries. Tundra Yukaghirs and Their Contacts with Neighbors]. *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2022, No. 1 (35), pp. 56–77. (In Russ.)
9. Golovko, E.V., Jacobson, S., Dobrieva, E.A., Krauss, M. *Slovar jazyka naukanskoj eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo Language. C. 6,000 Words, with an Index of Suffixes and a List of Place Names].

- Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Center for the Study of Native Languages Publ., 2004. (In Russ.)
10. Badten, L.W., Kaneshiro, V.O., Oovi, M., Jacobson, S.A. A Dictionary of the St. Lawrence Island – Siberian Yupik Eskimo Language. 2 vols. 2nd edition. Fairbanks: Alaska Native Language Center, College of Liberal Arts, University of Alaska, Fairbanks, 2008.
 11. Krupnik, I., Chlenov, M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
 12. Chlenov, M.A., Krupnik, I.I. *Naukan: glavy k istorii* [Naukan: chapters for history]. *Spasti i soxranit': Kulturnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy soxranenija: materialy nauch.-prakt. konf.* [Save and Preserve: Cultural Heritage of Chukotka: Problems and Prospects for Preservation: Materials of Scholar Conference]. Anadyr, April 12–14, 2016. Issue 1. Moscow, Anadyr, 2016, pp. 38–74. (In Russ.)
 13. Krauss, M. *Vvedenie: obshie i istoricheskie svedenija* [Introduction: General and Historical Information]. Golovko, E.V., Jakobson, S., Dobrieva, E.A., Krauss, M. *Slovar jazyka naukanskix eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo Language. C. 6,000 Words, with an Index of Suffixes and a List of Place Names]. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, Center for the Study of Native Languages, 2004. (In Russ.)
 14. Fortescue, M., Jacobson, S., Kaplan, L. Comparative Eskimo Dictionary, with Aleut Cognates. Fairbanks: University of Alaska Press, 1994.
 15. Fortescue, M. How Far West into Asia Have Eskimo Languages Been Spoken, and Which Ones? *Études Inuit Studies*. 2004, Vol. 28, No. 2, pp. 159–183.
 16. Jacobson, S.A. Comparison of Central Alaskan Yupik Eskimo and Central Siberian Yupik Eskimo. *International Journal of American Linguistics*. 1990, Vol. 56, No. 2, pp. 264–286.
 17. Pavlovskiy, V.N. *Chukotskij poluostrov – Aljaska. Karta (4 lista)* [Chukotka Peninsula – Alaska. Map (4 sheets)]. Scale 1:2,000,000. Moscow, 1947. (In Russ.)
 18. Krauss, M. Eskimo Languages in Asia, 1791 on, and the Wrangel Island–Point Hope Connection. *Études Inuit Studies*. 2005, Vol. 29, No. 1–2, pp. 163–186.
 19. Menovshikov, G.A. *Jazyk naukanskix eskimosov* [Language of the Naukan Eskimos]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. (In Russ.)
 20. Schweitzer, P.P., Golovko, E.V. Local Identities and Traveling Names: Interethnic Aspects of Personal Naming in the Bering Strait Area. *Arctic Anthropology*. 1997, Vol. 34, No. 1. Power, Resistance, and Security: Papers in Honor of Richard G. Condon, Steven L. McNabb, Aleksandr I. Pika, William W. Richards, Nikolai Galgauge, Nina Ankalina, Vera Rakhtikon, Boris Mymykhtikak, and Nikolai Avatum, pp. 167–180.
 21. Golovko, E.V. The Naukan Yupik as Mediators in the Intercontinental Travel in the Bering Strait Area: a sociolinguistic perspective. *K 150-letiju kafedry obšego jazykoznanija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Sbornik statej* [On the 150th Anniversary of the Department of General Linguistics of St. Petersburg State University: Collection of Articles]. E.I. Riexakajnen & N.A. Slepokurova (eds.). St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2015, pp. 47–60.
 22. Krauss, M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future. Alaska Native Language Center Research Paper 4. Fairbanks: University of Alaska Publ., 1980.
 23. Gondatti, N.L. *Naselenie Anadyrskoj okrugi* [Population of the Anadyr Region]. *Zapiski Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshestva* [Notes of the Amur Department of the Russian Geographical Society]. Vol. 3, Issue 1, pp. 166–178. Khabarovsk: RGO Publ., 1897. (In Russ.)
 24. de Reuse, W.J. Siberian Yupik Eskimo. The Language and Its Contacts with Chukchi. Salt Lake City: University of Utah Press, 1994.
 25. Menovshikov, G.A. *Eskimosko-chukotskij bilingvizm i interferencija chukotskoj periferijnoj leksiki i eskimoskij jazyk* [Eskimo–Chukchi Bilingualism and Interference of Chukchi Peripheral Vocabulary and the Eskimo Language]. Skorik P. Ja. (ed.). *Paleoaziatskie jazyki: sbornik naučnyx trudov* [Paleoasiatic Languages: Collection of Scholarly Works]. Leningrad: Nauka Publ., 1986.
 26. Moll, T.A., Inènikèj, P.I. *Chukotsko-russkij slovar* [Chukotka-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Branch of the publishing house “Prosveshenie”, 2005. (In Russ.)
 27. Pupylnina, M., Koryakov, Yu. Chukchi-Speaking Communities in Three Russian Regions: A 120-Year Story of Language Shift. *Sibirica*. 2019, Vol. 18, No. 2, pp. 78–124.

*Дата поступления материала в редакцию: 18 октября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 ноября 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.*

*Received by Editor on October 18, 2023
Revised on November 25, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010069

Репрезентация фемининности в поэтических книгах эпохи революции и Гражданской войны

© 2024 г. Е. В. Кузнецова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID:0000-0001-6045-2162
katkuz1@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются несколько поэтических сборников 1917–1922 гг., представляющих интерес с точки зрения репрезентации фемининности как в выборе заглавий, так и в мотивно-образном и тематическом наполнении. Данный период в истории России характеризуется кризисом прежних социальных и культурных норм и моделей поведения, в том числе традиционной женственности, отличается появлением новых гендерных ролей, например революционерки или женщины-воина. Однако анализ женских поэтических книг демонстрирует, что прежние архетипы фемининности или узнаваемые типы, например образ матери или богемной роковой красавицы, не только не исчезают, но и актуализируются, а женщины-поэтессы новой волны смелее выражают свою авторскую субъектность, нежели их предшественницы в первые десятилетия XX в.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100 «Конструирование фемининности в литературе и культуре русского модернизма», <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: Н. Поплавская, С. Дубнова, М. Шкапская, А. Баркова, Н. Грушко, революция 1917 г. и Гражданская война, женская лирика, фемининность, авторская субъектность.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Репрезентация фемининности в поэтических книгах эпохи революции и Гражданской войны // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 59–72. DOI: 10.31857/S1605788024010069

Representation of Femininity in the Poetry Books of the Era of Revolution and Civil War

© 2024 Ekaterina V. Kuznetsova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID:0000-0001-6045-2162
katkuz1@mail.ru

Abstract. The article examines several poetry collections of 1917–1922, which are of interest from the point of view of the representation of femininity both in the choice of titles and in the motif-figurative and thematic content. This period in the history of Russia is characterized by a crisis of previous social and cultural norms and behaviors, including traditional femininity, characterized by the emergence of new gender roles, for example, a revolutionary or a warrior woman. However, the analysis of women's poetry books demonstrates

that the former archetypes of femininity or recognizable types, for example, the image of a mother or a bohemian fatal beauty, not only do not disappear, but are also actualized, and women poets of the new wave boldly express their author's subjectivity than their predecessors in the first decades of the twentieth century.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No 19-78-100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS.

Key words: N. Poplavskaya, S. Dubnova, M. Shkapskaya, A. Barkova, N. Grushko, The Revolution of 1917 and the Civil War, female lyrics, femininity, author's subjectivity.

For citation: Kuznetsova, E.V. *Reprezentatsiya femininnosti v poeticheskikh knigakh epokhi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Representation of Femininity in the Poetry Books of the Era of Revolution and Civil War]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 59–72. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010069

Эпоха революции и Гражданской войны в России – это страшное пятилетие с 1917 по 1922 г. В это время страна оказалась охвачена военным противостоянием, разгулом преступности, ужасающим голодом, разрухой, утратой дворянской культуры. Коренной слом намечился во всех сферах социальной и политической жизни, пересмотру подверглись традиционный уклад и ценности, искусство и культура, а также отношения между полами и представления о нормативности каждого гендера: «...каждой исторической эпохе свойственны определенные представления о “мужском” и “женском”, и крушение этих социокультурных стереотипов – процесс, затрагивающий разные социальные институты и дискурсивные практики. Особой остроты и драматизма различие пол/гендер достигает в ситуациях социального динамизма, и русская революция 1917 года являет собой пример наиболее радикального пересмотра утвердившихся социальных стратификаций и ценностных ориентиров, что, при обращении к литературе послереволюционной эпохи, дает богатый материал для анализа процессов перераспределения смыслов на оси мужское/женское и форм их представлений», – пишет Н.Ю. Грякалова [1, с. 131–132].

Особенно жестоким это время было по отношению к самым беззащитным, к женщинам и детям, хотя на уровне официального дискурса утверждалось обратное – освобождение, раскрепощение женщины, обладающей отныне всеми правами: «Казалось бы, женщина, по природе своей замкнутая в узком мире душевных переживаний, лишённая масштаба осмысления происходящего (в силу меньшей включенности в политические события), должна и меньше страдать от исторических катаклизмов времени, в котором ей суждено было родиться и реализовывать свои возможности. Но если историческое колесо прокатывается по ее судьбе, женщина оказывается под двойным

ударом, проживая все испытания страны как трагедию личной жизни, осознавая себя пассивной жертвой механических, чуждых законов» [2, с. 10].

В данной статье мы бы хотели коснуться проблемы переживания этого периода свидетельницами эпохи и проследить отражение трансформации женской идентичности в доминирующих темах, мотивах и образах их поэтических сборников, а также в выборе заглавий для них. Какие изменения происходили в самосознании женщин, как это тяжелое время сказалось на восприятии ими нормативной женственности, претерпевает ли она существенную эволюцию или мы можем наблюдать инерцию прежних моделей и архетипов фемининности? Ощущают ли себя женщины «пассивными жертвами» или, наоборот, активными участницами перемен? Какие героини мировой культуры становятся для них ключевыми? В качестве материала исследования мы обратимся к поэтическим книгам и отдельным произведениям, которые выпускались поэтессами в это время и демонстрировали женскую проблематику уже в самом заглавии – квинтэссенции сути всего произведения.

Н.Ю. Веселова и Е.В. Иванова отмечают: «О смысловой наполненности заглавия, делающей его уникальной информативной частью произведения, литературоведы писали неоднократно, начиная с 30-х годов. Л.С. Выготский называл заглавие доминантой смысла, С.Д. Кржижановский – “ведущим книгу словосочетанием”, подчеркивая внутреннюю форму термина, то, что выдается автором за *главное* книги. Современный исследователь В.А. Кухаренко утверждает, что в заглавие помещается “главная, а часто единственная формулировка авторского концепта” [3, с. 205]. Таким образом, заглавие конденсирует смысл текста, и зачастую исследователи определяют его как «ключевое слово», «сильную позицию текста» и даже «однофразовый текст» [3].

Н.А. Кожина дополняет данные наблюдения, доказывая, что заглавие является «одновременно именем художественного произведения и индивидуально-авторским высказыванием о нем» [4, с. 10]. В связи с наличием *автомета-рефлексивности* анализ женских стихотворных сборников, декларирующих проблему женственности самим заглавием, представляется особенно показательным.

Начнем с небольшого экскурса в предшествующие десятилетия, чтобы нагляднее представить те особенности, которые мы можем наблюдать в названиях женских поэтических книг интересующего нас периода. На рубеже XIX–XX вв. женская лирика претерпела бурное развитие. На литературном поле появились новые яркие имена: З. Гиппиус, П. Соловьева (Allegro), М. Лохвицкая, Е. Дмитриева (Черубина де Габриак), Любовь Столица, Галина Галина, Татьяна Щепкина-Куперник, А. Герцык, Н. Львова, М. Цветаева, А. Ахматова и др. Бум женской лирики вызвал полемику в критике, об этом явлении как о примете новой литературы и социальных изменений в обществе писали Ин. Анненский, М. Волошин, В. Ходасевич, С. Городецкий, В. Шершеневич, Н. Гумилев, В. Брюсов, А. Гизетти и др. Вступали в дискуссию о женском творчестве и сами писательницы: в 1914 году, например, вышли сразу две статьи – «Женская поэзия» М. Шагинян и «Холод утра (несколько слов о женском творчестве)» Н. Львова. Однако появление в сфере поэзии большого количества авторов-женщин не значило, что женственность будет открыто манифестироваться в их текстах. Предубеждение против женских творческих способностей и отчасти собственные сомнения женщин-авторов в значимости своего поэтического высказывания, наличие в андроцентричной культуре модерна архетипа «поэта», «автора», «гения» или, иными словами, «четко выраженной маскулинности категории творческого субъекта» [5, с. 332], вынуждали писательниц искать различные способы репрезентации их лирического субъекта: «Поэтессам, входившим в литературу, приходилось преодолевать двойное сопротивление: не только недоверие к новому таланту (а оно всегда существует в критике и в читательской массе), но и недоверие к тому, что этот талант принадлежит женщине...» [2, с. 8].

Анализ женской поэзии демонстрирует в этом плане несколько писательских стратегий. Ряд авторов активно мимикрировали под мужскую ролевую авторскую модель и в собственной лирике создавали маскулинную маску: Зинаида Гиппиус, Поликсена Соловьева, Вера Гедройц

(псевдоним Сергей Гедройц), Мария Лёвберг (имя автора на книге “М. Лёвберг” за счет иностранной фамилии маскировало пол автора). Некоторые поэтессы писали от женского лица, но на своей женкости старались не акцентировать внимание, например Аделаида Герцык, Елизавета Кузьмина-Караваева. Другие, напротив, подчеркивали свою женственность, вносили в поэтические тексты указания на привлекательную внешность лирической героини, ее красоту, молодость, повышенную женскую эмоциональность, чувствительность, социальную роль (невеста, возлюбленная, мать), то есть делали акцент на традиционной женственности: Мирра Лохвицкая, ранние Марина Цветаева и Анна Ахматова, Черубина де Габриак, Мария Закревская-Рейх, Паллада Богданова-Бельская, Надежда Львова и др.¹

Но, что характерно, даже ультрафемининная позиция лирического субъекта, как правило, не отражалась в заглавиях поэтических сборников. Для названий своих книг поэтессы зачастую (и намного чаще поэтов-мужчин) выбирали традиционные безликие названия с указанием жанра: «Стихи» (Вера Гедройц «Стихи и сказки»), «Стихотворения» (так назывались дебютные сборники А. Герцык, П. Соловьевой (Allegro), С. Парнок, Г. Галиной, И. Гриневской, Н. Крандиевской-Толстой и др.; М. Лохвицкая все пять своих прижизненных сборников называла «Стихотворения»), «Собрание стихов» (так был озаглавлен дебютный сборник З. Гиппиус). Интересным образом выбирает названия для своих поэтических книг В.И. Рудич: первый сборник – «Стихотворения», затем «Новые стихотворения», а последний – «Пятый сборник стихов».

Также популярны были нейтральные условно-поэтические метафорические заглавия, никак не указывающие на женское авторство. Например, Людмила Вилькина назвала свой единственный сборник «Мой сад», Надежда Львова – «Старая сказка», А. Ахматова озаглавливает свои первые книги «Вечер» и «Четки», М. Цветаева – «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь», П. Богданова-Бельская выпускает «Амулеты», Мария Закревская-Рейх, забытая ныне, но весьма плодотворная поэтесса начала XX в., издает поэтические книги «Сон жизни», «Чары весны», М. Шагинян – «Первые встречи», “Orientalia”, Н. Тэффи – «Семь

¹ Маскулинность гендерного порядка русского Серебряного века и некоторые способы приспособления писательниц к существованию в андроцентричном литературном мире рассмотрены в монографии К. Эконен «Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме» [5].

огней», Т. Кузьмина-Караваева – «Скифские черепки», П. Соловьева – «Иней», «Плакун-трава», «Вечер», «Последние стихи». Фемининность подобных заглавий практически не ощущается.

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтессы Серебряного века самых разных направлений, создающие женственную лирическую героиню или, наоборот, скрывающиеся под мужской маской, воспевающие традиционную фемининность или подрывающие ее, чаще всего *никак не демонстрируют в самом названии своих книг гендерную принадлежность* автора и «женскость» содержания. В качестве исключения можно привести название поэтического сборника Т. Щепкиной-Куперник «Из женских писем» (1898), выдержавшего несколько переизданий и заявляющего как гендер автора, так и женскую точку зрения на мир в качестве лирической темы. Также феминизированные названия сборников выбирает Любовь Столица («Раиня» (1908), «Лада» (1912), «Русь» (1915)). Поэтесса принимала активное участие и в женском движении, печаталась в женских журналах, в частности, ее перу принадлежит статья «Новая Ева», предвещающая усиление роли и значения женщин в новую эпоху [6, с. 106]. На другом полюсе оказалась книга Марии Лёвберг «Лукавый странник» (1916), манифестирующая маскулинную авторскую позицию за счет употребления лексемы «странник» в мужском роде (практически все стихотворения сборника написаны от мужского лица, за исключением гендерно неопределенных текстов). Но в целом подобные примеры единичны и нехарактерны для женской лирики конца XIX – начала XX в., стремившейся идти в общем фарватере большой русской поэзии, задаваемом мужчинами².

В эпоху революции и Гражданской войны ситуация существенным образом меняется. Можно констатировать, что в это время традиционная женственность переживает глубокий кризис, сталкиваясь с вызовами времени. Кажется, что архетипичные женские роли жены и матери на время отходят на второй план. В прогрессивном дискурсе, прежде всего в пропагандистском (плакатном, журнальном, беллетристическом и др.), они заменяются на роли *боевой подруги, революционерки, товарища, комиссара*, которые, однако, не вполне

² Подобное стремление (писать как мужчина-поэт) далеко не всегда увенчивалось успехом, и прийти к общечеловеческому лирическому содержанию смогли только некоторые авторы Серебряного века: З. Гиппиус (путем отказа от женского лирического субъекта), А. Ахматова и М. Цветаева (за счет синтеза «женской» поэзии и поэзии в общепринятом смысле слова).

соответствовали действительности, т.е. не совпадали с реальным положением и самоощущением большей части женщин. Зачастую, оставшись совсем одни, они буквально борются за выживание, не могут себе позволить быть хрупкими, ранимыми, незащищенными, по-старомодному красивыми, но при этом не становятся и «боевыми подругами». Меняется мода, уходят в прошлое такие атрибуты женственности, как длинные волосы, юбки, кружева, зонтики и платья с корсетами. Женщина оказывается в активной позиции не столько по собственному выбору, сколько в силу обстоятельств. Но «освобожденная» женщина-труженица или аллегорическая женская фигура Свободы, ставшие плакатными «иконами» революции, не вполне адекватно отражают внутреннее самоощущение реальных свидетельниц эпохи, переживающих слом традиционной женственности и собственной идентичности.

Обозначившееся расхождение между пропагандистскими лозунгами и реальностью находит выход в малозаметной, периферийной, далекой от официоза части культуры того времени – женской поэзии. Достаточно скоро, в начале 1920-х годов, *очевидный кризис женственности проявляется в ее декларативном, подчеркнутом обозначении, постулировании в заглавии поэтических книг и в обращении к проблематике женскости*. Поэтессы начинают открыто заявлять о своем авторстве, *демонстрировать его в заглавии*, как бы привлекая внимание к себе и к своим проблемам, при этом они зачастую отвергают навязываемые им шаблоны и реставрируют старые модели фемининности.

Надо отметить, что первые революционные годы ознаменовались закономерным спадом в публикации новых поэтических книг, зато в 1920–1922 гг., когда жизнь начала немного возвращаться в мирное русло, выходит сразу несколько дебютных сборников. Но их концепция, в том числе решение вопроса о том, репрезентировать или не репрезентировать женственность и женский пол автора, осмыслялась, несомненно, в предыдущие революционные годы.

Одной из первых поэтических книг новой волны, задавшей темы трагизма женской судьбы в эпоху перемен и социальных катаклизмов, можно считать «Стихи зеленой дамы» 1917 г. Это единственный поэтический сборник рано умершей Натальи Юлиановны Поплавской – поэтессы, актрисы, старшей сестры видного поэта эмиграции Бориса Поплавского³. Заглавие книги красноречи-

³ Точные годы жизни неизвестны. Родилась, предположительно, в конце 1890-х, умерла в 1926–1927 гг. [7, с. 99–109].

во сообщает читателю, что автор не будет маскироваться под агендерного лирического субъекта и размышлять на философские или традиционно лирические темы, наоборот, он будет говорить о женском психологическом опыте, мировосприятии, положении в обществе. Этот вектор прослеживается и в выборе феминизированных названий для разделов книги: «Розы в пудре», «Пепел любовный», «Женское», «Пожелтевшие письма».

Лирическая героиня Поплавской наделена биографическими чертами и принадлежит еще прошлой, дореволюционной эпохе, хотя в ней проявляются уже и новые черты — прямота и открытость поэтического голоса, смелость говорить на запретные темы. Это близкая к миру искусства и богемной среде женщина, пробующая свои силы в литературе и театре (раздел «Отблески рампы», стихотворение «Я актриса. На лице моем...» и др.), но основным содержанием ее жизни остается все же любовь, причем проявляющаяся как мучительная, уничижительная и разрушительная страсть. Болезненность психических проявлений и надрыв как свойства «новой феминности» имплицитно проявляются в эпитете «зеленый», характеризующем феминитив «дама» и несущем коннотации «нездоровый», «болезненный», «неестественный»⁴. В лирике Поплавской переплетаются узнаваемые мотивы А. Ахматовой, И. Северянина, А. Блока, В. Брюсова, А. Вертинского, Н. Львовой и др. Одним из самых известных стихотворений поэтессы стала лирическая пьеса «На мотив Н. Львовой», посвященная памяти предшественницы, покончившей жизнь самоубийством, и заявляющая тему «тяжкого креста» женской любви и зависимости от мужского желания:

Со всех сторон нас жгут и жадное желание
И страстная мольба и нежность робких глаз,
И нам не бросить «нет» извечному страданью
И мы несем свой крест, под тяжестью склонясь. <...>

*Мы только женщины, и, корчась в страстной муке,
Пред жаждою мужской не можем устоять,*

И всем мы отдаем трепещущие руки
И губы красные, бессильные проклясть.
Нам не порвать кольца пылающих желаний,
Нам не найти пути потерянного вновь.
*И распинает нас, истерзанных страданьем,
На огненных крестах Владычица-Любовь* [9, с. 46–47]⁵.

⁴ А. Шерман в комментариях к переизданию стихотворений Н. Поплавской отмечает также возможную аллюзию в названии сборника на «зеленую даму» абсента и зеленую фею (фейри) или Green Lady из шотландского фольклора [8, с. 110].

⁵ Выделение курсивом в поэтических текстах здесь и далее мое. — Е.К.

Следует отметить переключку заглавий двух дебютных поэтических сборников: «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока и «Стихи зеленой дамы» Н. Поплавской. На наш взгляд, сознательная аллюзия Поплавской, как в самом заглавии, так и в поэтическом содержании книги, образует своеобразный антитезис к лирике раннего Блока периода «зоре». Возвышенное и романтическое переживание любви юным Блоком сменяется у Поплавской нарочито приземленным ее изображением. Лирической темой становится не описание томлений, видений, предчувствий и образов мира идеального, а фиксация предметной реальности, обыденного существования, в котором реализуется вполне земная любовь, а также чувственных (зрительных, обонятельных, осязательных, вкусовых) впечатлений героини. Если связь с ранним Блоком не столь очевидна и реконструируется скорее от обратного, то намного нагляднее проявляется в книге ее зависимость от его последующих поэтических книг. Вечная Женственность у Поплавской, ставшая актрисой и посетительницей ресторанов и кабаков, представляет собой развитие тем и мотивов зрелого Блока, вариации его «Незнакомки» (1906). В качестве примера приведем стихотворение Поплавской «Портрет»:

*Шелк скрипящий черного платья
И жестокая нежность корсета.
В сердце, может быть, стынут проклятья,
Мертвой дымкой взгляды одеты.*

*И под траурным бархатом шляпы
Слоем пудры покрыто лицо.
Тяжки ласки дьявольской лапы,
Все тесней их жадное кольцо. <...>*

*Вы с ней встретитесь всюду, где можно
Хоть минуту забвенья купить,
И от глаз ее, четко-тревожных
Заструится тоскливая нить.*

*Кто она? Эти тонкие руки
Так бессильно и странно сплелись.
А в улыбке ее столько муки
Боязливо стремящейся ввысь* [9, с. 10].

Влияние Блока выдают образы чёрного шелкового платья, «траурной» шляпы, скрывающей лицо, тонких рук и затаенного стана, загадочного взгляда и т.д. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на откровенные заимствования понравившихся поэтических находок, лирику Поплавской неправомерно считать только подражательной и вторичной, не имеющей собственного лирического голоса. Ей свойственны узнаваемая нервность стиля, проявляющаяся в сбоях ритма, проблесках разговорной интонации, глубокий пессимизм, демонстративная приземленность

любви, погруженной в бытовые обстоятельства и даже покупаемой за деньги, но при этом не становящейся грубой, а оставляющей впечатление бессмысленной, обреченной погони за счастьем. Её «Незнакомка» лишена романтического флера и хоть какой-либо связи с «сиреневыми мирами», с потусторонней реальностью Блока. Она представлена как страдающая, отверженная, одинокая, почти неживая, фарфорово-кукольная или, наоборот, уличная... Распухшие губы, запах пудры и театральных кулис, смятые кружева постели, антураж дешевых кафе и гостиничных номеров, образы проституток и дам полусвета, обманутых и покинутых возлюбленных, декласированных представительниц богемы — узнаваемые черты поэтического мира поэтессы. Процируем стихотворение, ставшее известной песней:

Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам, домой, одна.
И смутно помнишь ты ту скобку медную
И штору синюю его окна;

А на диване подушки алые,
Духи d'Orsay, коньяк Martel.
Глаза янтарные, всегда усталые,
И губ распухших, горячий хмель.

Пусть муж, обманутый и равнодушный,
Жену покорную, в столовой ждет.
Любовник знает — она послушная,
Молясь и плача, опять придет [9, с. 96].

Характерные приметы времени (марки духов, коньяка), зрительные, цветовые, тактильные, вкусовые детали, создающие картину свидания, напоминают поэтику И. Северянина, но надрывно-обреченная интонация и картины «социального дна» вызывают в памяти стихотворения Н. Некрасова.

Критики встретили сборник Поплавской неодобрительно, В. Ходасевич написал краткую уничижительную рецензию, которую мы приведем полностью:

Стихи г-жи Поплавской — очень модные: тут и самоновейшие приемы стихотворной техники, выработанные поэтами последнего десятилетия, и «утонченно-урбанистические» переживанья, и весь ассортимент изысканности, вынесенных из «фешенебельных» прогулок по Кузнецкому мосту: пудры, духи, коньяки, «прапорщики с синими глазами», разные Пьеро и Арлекины. Но модные стихи эти глубоко несовременны: как-то удивительно даже, что в наши трагические дни пишутся такие пошлости. Извиняюсь за «непоэтическое» сравнение, но когда вся страна ходит босиком по снегу, тут-то и появляются «зеленые» и других цветов дамы, до самых ушей зашнурованные в отличнейшие кожаные ботинки. И это довольно противно [10, с. 243].

Мы не можем упрекнуть критика, воспринявшего в 1918 г. стихи Поплавской как несвоевременные, как почти кощунственные вирши о пустяках и пошлости жизни, несоответствующие трагическому моменту в истории России. Но мы не можем с ним и согласиться. Трагизм эпохи революционных лет эти стихотворения по-своему отражают. Перед нами смелая попытка женщины говорить о содержании своей жизни, которое предстает театрально-вымороженным, искусственным, пышным именно при сопоставлении с реалиями голодного военного Петрограда. И одновременно это попытка удержать эту ускользающую реальность обыденной дамской жизни, состоящей не из войны и «хождения босиком по снегу», а из свиданий, театра, встреч, расставаний, обновок... Это попытка зафиксировать в слове самоощущение молодой женщины, воспринимающей исторический перелом сквозь призму своей частной жизни. И даже эскапизм Поплавской, ее стремление выстроить собственную театрализованную реальность, существующую вне исторических преобразований, весьма показателен. По этому пути шли не только женщины-поэтессы. «Стихи зеленой дамы» по образам (шута, паяца, короля, одинокого человека искусства и т.д.) и мотивам (наркотический дурман, театральность, искусственность бытия, невозможность подлинной любви и т.д.), по трагическому эмоциональному настрою и даже по свободному обращению к литературному наследию Блока, Брюсова, Северянина, Вертинского, Бодлера и др. коррелируют с юношескими стихами К. Вагинова, собранными в неопубликованный при жизни сборник «Парчовая тетрадь» и описывающими также жизнь в революционном Петрограде на сломе эпох.

В 1918 г. выходит сборник Софии Семеновны Дубновой (1885—1986) «Мать», как бы оппонирующий «Стихам зеленой дамы» Поплавской. Это совсем небольшая книжечка, по сути брошюра из пяти стихотворений. На протяжении всего своего творческого пути Дубнова пишет о женщине, но не о женском теле и омуте жестокой любви, не о театральных подмостках, а о душе и мире чувств, о семейном уюте. Она воспеваает традиционные гендерные роли — *невинная девушка, невеста, мать*. Лики возвышенной женственности находят отражение в заглавиях ее стихотворений и циклов дебютного дореволюционного сборника «Осенняя свирель» (1911): «Белые девы», «Девушки», «Девственницы», «Две сестры», «Лики женщин» и др. Но Дубнова солидарна с Поплавской в том, что женская доля печальна, жертвенна,

хотя материнская роль и женщина-мать воспеваются поэтессой:

*Кормлю ребенка на крыльце,
Когда закат румянит пашни.
День нынешний — как день вчерашний,
Все в том же ласковом кольце.*

*Грудь тяжела от молока,
Упрямый рот соски мне ранит...
Как даль, почившая в тумане,
Душа тиха и широка.*

*Душа светла. Обет свершен.
Зерно возрастало и созрело.
От боли извивалось тело,
Но светел божеский закон [11, с. 3].*

Помимо бытового реализма и автобиографизма можно увидеть в поэзии Дубновой отражение метафизики пола В. Розанова, ее стремление вслед за ним обосновать через деторождение женскую идентичность. Философ был последователен в своем сопоставлении «женственности» и «материнства»: «Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего, не будет» [12, с. 75]. Эти слова он вкладывает, что характерно, в уста Бога и иллюстрирует собственной зарисовкой кормящей сына Гора Исиды. Дубнова не проводит столь глубоких культурных аллюзий, но, безусловно, стремится найти опору в традиционных, архетипических моделях женского поведения.

Описание реалистических подробностей рождения и вскармливания ребенка роднит поэзию Дубновой с более известным сегодня творчеством Марии Михайловны Шкапской (1891–1952), которая начала публиковать отдельные стихотворения в газетах и журнале «Вестник Европы» еще в 1910-х годах, но ее первая книга вышла в 1920 г. и называлась “*Mater Dolorosa*” — «Скорбящая мать» (лат.)⁶. Название книги восходит «к одному из центральных образов христианской живописи — “Скорбящей Богородице”, стоящей у креста, на котором распят ее Божественный Сын» [14, с. 285]. Однако этот образ переосмысливается Шкапской, так как распинаемой становится сама Дева Мария, женский персонаж заменяет собой мужской. М.Л. Гаспаров пишет, что «на кресте распятая Мадонна» — это центральный символ поэзии Шкапской, в творчестве которой библейские мотивы играют ведущую роль [15, с. 664]. Этот вывод исследователя подтверждается словами самой поэтессы: «Источником же, питавшим

мое творчество в смысле устремления и содержания, считаю книгу из книг — Библию» [16, с. 169].

По словам Н.Ю. Грякаловой, в своей лирике Шкапская «последовательно разрабатывает и решает одну-единственную тему — тему “женской Голгофы”, *женского пути* — пути жены, любовницы, матери» (курсив автора. — Е.К.) [1, с. 133]. Традиционная женственность подчеркнута в заглавии через отличительно женскую материнскую функцию, но представлена в книге по-новому. Шкапская раскрывает трагичность этой роли и демонстрирует «тёмные» стороны деторождения с шокирующей для того времени откровенностью. Она пишет о боли и тяготах материнства, в том числе о психологической травме аборта и потере ребёнка. Поэтесса озвучивает специфически женский опыт беременности и воспитания детей, проговаривает то, что ранее считалось слишком интимным, слишком биологическим:

*Да, говорят, что это нужно было...
И был для хищных гарпий страшный корм,
И тело медленно теряло силы,
И укачал, смиряя, хлороформ.*

*И кровь моя текла, не усыхая —
Не радостно, не так, как в прошлый раз,
И после наш смущенный глаз
Не радовала колыбель пустая.*

*Вновь, по-язычески, за жизнь своих детей
Приносим человеческие жертвы.
А Ты, о Господи, Ты не встаешь из мертвых
На этот хруст младенческих костей! [13, с. 27]*

По мнению Н.Ю. Грякаловой, Шкапская «репрезентирует субъекта, чья идентичность (“женскость”) стремится выйти за границы, предписанные общественными и литературными дискурсами, в том числе и символистским с его апелляцией к идеальному Вечноженственному началу, через тематизацию специфического и экстремального опыта женского тела, не освоенного этими дискурсами, — опыта *coitus’a*, беременности, родов, материнства» [17, с. 42]. Иными словами, именно через подчеркнутую женскость поэтической темы Шкапская конструирует субъектность своей лирической героини и свою собственную авторскую субъектность.

С одной стороны, сборники «Мать» и “*Mater Dolorosa*” представляют собой попытки утвердить нормативную фемининность, а с другой стороны, они демонстрируют ее трансформацию под натиском сурового и беспощадного времени. Исчезает идеализация материнства (это труд, боль, страх за детей и т.д.) и самой женщины, которая предстает не как романтическая дева или мистическая Вечная Женственность, а как брэнное,

⁶ Свой дебютный сборник поэтесса посвятила сыновьям: «Тотику и Атику, моим крохотным сынишкам, посвящаю я эти стихи» [13]. Интимная ласковая посвящения сигнализирует читателю, что он будет допущен в самое святое святое внутреннее женского круга.

смертное, страдающее, рожающее и кормящее тело. В более поздних стихотворениях, написанных Шкапской после первого сборника, эта тема находит свое продолжение. Прочитируем одно произведение, написанное «мнимой прозой»:

О, эта женская *Голгофа!* – Всю силу крепкую опять в дитя отдай, носи в себе, собой его питай – ни отдыха тебе, ни *вздоха*. Пока, иссохшая, не свалишься в дорожке – хотящие прийти грызут тебя внутри. Земные правила просты и строги: *рожай, потом умри* [16, с. 83–84].

Однако, прибегая к натурализму, поэтесса не отказывается и от метафизических проекций, связанных с женским началом в культуре и выражаемых через архетипические образы и мотивы священного сосуда, пустой и полной чаши, спелых колосьев, ягод и плодов и др. Из концептуализации женского телесного опыта Шкапской выводится представление о непрерывности жизни, противостоящей смерти и смертному телу и проистекающей из репродуктивных особенностей женского организма, – продолжение себя в детях есть осуществление бессмертия.

Смелость поэтесс революционных лет говорить на сугубо женские темы проявилась не только в творчестве Шкапской. Стремление выразить конфликтность и кажущуюся неуместность традиционной женственности в эпоху исторических катастроф демонстрирует заглавие поэтического сборника Татьяны Владимировны Вечорки (1892–1965) «Беспомощная нежность», вышедшего в Тифлисе в 1918 г. В стихотворениях Вечорки заметно ахматовское влияние, явленное в мотивах хрупкой женственности. При этом «натурализм некоторых стихов на “женские темы” сближает поэтессу с М. Шкапской» [18, с. 47–48].

В 1922 г. издается интересный поэтический сборник Натальи Васильевны Грушко (1892–1974) «Ева», также сигнализирующий своим названием, что гендерная проблематика составляет его основное содержание, а автор не скрывает собственный пол. Центральный образ лирической героини – эмансипированная богемная женщина – роднит его со «Стихами зеленой дамы» Поплавской, но эмоциональный настрой книги не минорный, а мажорный. Показательно, что до революции, в начале 1910-х годов, Грушко дебютировала в литературе с поэтическим сборником, озаглавленным абсолютно хрестоматийным и проходным названием «Стихи» (1912). Однако этот первый сборник привлек внимание критики проявлениями бурной чувственности, хотя и вызвал упреки в пошлости и непристойности:

Ее стихи – не совсем грамотный набор трафаретных, давно всем опротивевших пошлостей. Правда, госпожа Грушко уверяет, что ей «бездны творчества ясны»; сказать это едва ли решился и сам Пушкин... Поэтесса любит кого-то, но не кого-нибудь, а «с вариациями» – как «если любят солнца первый луч» и даже «как любит осужденный палача, коль палач умело рубит разом голову... с плеча!». Но бесспорное достоинство книжки г-жи Грушко – превосходная бумага. К сожалению, она испорчена стихами. За восемьдесят маленьких страничек поэтесса просит рубль. Будь эти странички белые, не жалко было бы дать и полтора [19, с. 123–124].

Подобные уничижительные высказывания критиков выпали на долю не только Грушко (в пошлости, например, неоднократно упрекали Северянина) и не характеризуют ее поэзию как откровенно слабую или графоманскую. «Трафаретные темы», заезженные в мужской поэзии, в женской лирике зачастую звучали свежо именно за счет показательной «литературности». Второй сборник поэтессы «Ева» назван уже демонстративно, и, возможно, на выбор названия повлияла статья Любови Столицы «Новая Ева» (1914), о которой мы уже упоминали.

Фемининность Грушко по-своему далека и от патриархатной нормативности, и от революционных пропагандистских штампов «свободной труженицы» и «строительницы коммунизма». Ее женщина – это городская дама, утонченная, по-декадентски порочная, эгоистичная, думающая о себе, а не о преобразовании мира вокруг, но одновременно самодостаточная, гордая, лишенная характерной для Поплавской покорности, унижительной зависимости от мужского внимания. Издатели антологии «Сто одна поэтесса Серебряного века» несколько сузили тематический диапазон лирики Грушко: «Основная тема поэзии Грушко – психологические переживания эмансипированной женщины, ведущей богемный образ жизни, грешащей и кающейся в своих грехах, чтобы согрешить снова» [18, с. 76]. Мотив женской порочности действительно присутствует в ее стихотворениях, но решается достаточно революционно и по сути реабилитируется. Она постоянно апеллирует к образу прародительницы Евы, которая, по ее мнению, является единственной виновницей грехопадения, произошедшего не по наущению Сатаны, а по *собственной воле жены Адама*. Тем самым *Ева обретает субъектность*, и через нее и все женщины, ее потомки⁷.

⁷ Связь всех женщин с природой и своей праматерью Евой транслирует и Шкапская в сборнике «Кровь-руда» (1922): «Все течет – от праматери Евы к отягченным вещами дням, через каждое новое чрево, приобщаясь все к новым нам» [16, с. 80]. По мнению Я.Д. Чечнёва, «находясь на расстоянии нескольких веков от праматери, лирическая героиня Шкапской в Новое время размышляет о предназначении женщины – продолжательницы рода, тело которой – результат смешения кровей многих поколений, от древности до современности» [20, с. 148].

Но мотивами раскаяния и греха лирика Грушко не исчерпывается, тем более что «покаяние» лирической героини не вполне искреннее: свою порочность она трактует как смелость и вызов. В меньшей мере Грушко свойственно восхищение женщиной, ее красотой, грацией, хитростью, способностью покорять сердца и повелевать другими людьми, прежде всего — мужчинами. Цельность и априорная полноценность, полноправность женщины утверждаются в стихотворении, открывающем сборник «Ева» и звучащем как жизненное и творческое кредо:

*Я — Ева, Жизнь, Начало
всех Начал,
И путь мой — путь борьбы,
и лик мой — лик смиренья.
Я сеяла мятеж и мир вела
к спасенью,
Иегова меня проклятьем
увенчал...
Я — Женщина,
Начало всех Начал. <...>
Влачилась в тюрьмах я и плакала в гареме,
И мир бы потонул навек в моих слезах,
Но родила Христа я в нишем Вифлееме,
И ангелы хвалу мне пели в небесах [21, с. 7–8].*

Далее в сборнике следуют стихотворения, репрезентирующие разные облики женственности на протяжении истории: «Мессалина», «Маркиза», «Жена воеводы», «Старая дева», «Лэди», «Танцовщица», «Балерина», «Сестры», «Шахеразада», «Султанша» и др. Посвящает Грушко стихи и своим современницам, рисуя в стихотворных посланиях облик современной женщины — сложной, противоречивой, одухотворенной: «Анне Ахматовой», «Анна Радлова (портрет)», «А...ой». Сквозь годы холода и голода поэтесса проносит образ эмансипированной дамы, ведущей богемный образ жизни, стремящейся не к борьбе за социальную справедливость, а к телесным удовольствиям и наслаждениям, в том числе искусственного, наркотического происхождения. Запоздалые бодлеровско-декадентские мотивы раскрываются, например, в цикле «Гашиш» в стихотворении «1914 год»:

*Золотыми удавами блики
От курильниц скользят в сумрак ниш,
В пенно-белой, прозрачной тунике
Я курю с моим другом гашиш.*

*Там, за окнами, город взволнован,
Говорят — в целом мире война...
Бледный друг мой уже околдован,
Я — печальна и гневом пьяна. <...>*

*И, дрожа, словно стебель ириса,
И бледней, чем его лепестки,
Я ищу своего Озириса
В глубине моей вечной тоски [21, с. 36].*

Очевидно, что подобные строки звучали в советской России в 1922 г. как эхо из какого-то другого мира, но, возможно, их контраст с современностью — это тот эффект, на который и рассчитывала Грушко. Типаж ее лирической героини можно обозначить как «бывшая», «чуждая», прибегнув к терминологии Н. Плунгян [22]. Следует отметить смелость Грушко, обратившейся к подобным женским типажам в то время, когда в официальном дискурсе они уже активно высмеивались как социально чуждые «буржуазки» и «мадемуазели Зи-Зи» [22, с. 15]. В цикле «Гашиш» возникает еще один архетип феминности, дополняющий центральный образ Евы, — древнеегипетская богиня Исида, верная жена, искавшая по всему свету части тела своего умерщвленного божественного супруга Осириса, нашедшая и оживившая его. У Грушко этот миф получает толкование в духе философии Платона и означает вечный поиск идеального возлюбленного, заветной второй половины.

Поэтесса также не минует проблематики материнства и посвящает ей стихотворения «Колыбельная песня», «Крестьянка», «Мать». Можно сказать, что не строительство нового мира, а *тема рождающей и кормящей женщины* становится одной из магистральных в женской лирике эпохи революции и Гражданской войны, тогда как в первые десятилетия XX в. она практически не звучала (отдельные стихотворения своим детям посвящают, например, М. Лохвицкая и М. Цветаева, о социальной проблематике материнства в контексте нищеты и незащитности женщины пишут М. Закревская-Рейх и Т. Щепкина-Куперник, но эта тема все же не становится в их творчестве магистральной).

Обратимся теперь к одной из самых ярких женских поэтических книг данной эпохи, аккумулирующей многие из уже рассмотренных мотивов и аспектов гендерной проблематики. В 1922 г. выходит дебютный сборник Анны Александровны Барковой (1901–1976) с декларативным названием «Женщина», в котором модели нормативной феминности вступают в трагическое столкновение с новыми ролями и стереотипами поведения, диктуемыми эпохой. Например, официальный дискурс 1920-х годов репрезентировал десексуализированный и маскулинизированный женский образ: «<...> женщины с плакатов и обложек журналов статные, мускулистые, с суровыми и решительными лицами, спортивные, одетые очень просто и без каких-либо украшений, волосы — сексуально привлекательная для мужчин деталь — часто скрыты под платком или иным головным

убором» [23, с. 116–117]. Но поэзия Барковой раскрывает нам, как нелегко декларируемые властью новые гендерные нормы воспринимались и переживались самой женщиной изнутри. Поэтесса решает для себя самой быть или не быть женственной, носить или не носить длинные волосы и красивую одежду (см., например, стихотворение «Побежденная»: «Длинных волос мне так жалко, так жалко!» [24, с. 31]), выступать ли в роли возлюбленной, ожидающей своего жениха, или примерить на себя роль воина, борца за дело революции, красноармейки. Новые модели поведения осваиваются легче, нежели перемены внешнего облика. О самой нетипичной для женщины роли Баркова пишет бодрое стихотворение «Красноармейка»:

...Я играю легко винтовкой,
Накинув шинель на плечо.
В руке моей крепкой — сноровка,
А в жилах отвага течет [24, с. 10].

Образ бойца Красной армии не был биографическим, Баркова не участвовала в Гражданской войне, но она вплетает его в свой автобиографический миф как важную примету «новой женщины». Поэтесса стремится вызвать у читателя ощущение полной авторской искренности и подлинности передаваемого опыта, и для этого в сборнике «Женщина» «вымышленные» стихотворения чередуются с произведениями, отсылающими к реальным фактам биографии автора (бедное детство в провинции, переезд в Москву, круг чтения и т.д.). В контексте данных стихотворений «военные» тексты воспринимаются читателем как жизненные. Вероятно, на ролевую модель женщины-воина, смелой, сильной и дерзкой, повлияла слава легендарной «атаманши-Маруси» (Марии Григорьевны Никифоровой (1890–1919)), воевавшей на территории современной Украины⁸.

Наиболее красноречиво противоречия и амбивалентность новой феминности проговариваются в стихотворении «Амазонка». Его героиня «тоскует по традиционной феминности, по нормативному “женскому миру”, включающему в себя такие категории, как “тепло”, “мягкость”, “отдых”, “досуг”, “развлечение”, “красота”, “мечты”, безопасное, “огороженное” пространство (и в то же время подразумевающей подчиненность женщины, искусственность и ограниченность ее маленького мирка), но осознает невозможность для себя в этот мир вписаться» [26, с. 188]:

⁸ См. подробнее в статье О.А. Симоновой «Образ атаманши Маруси в литературе 1920–1930-х гг.» [25, с. 363–380].

На подушечку нежную теплого счастья
Иногда я мечтаю склониться,
И мечтаю украсть я,
Что щебечущим женщинам снится.

Но нельзя в боевой запыленной одежде
Забраться в садик наивных мечтаний...
И тоскую я: где же,
Где мои серебристые ткани!

Привлекает, манит лукаво подушечка
Амазонку с оружием грозным;
Я не буду игрушкой:
Невозможно, и скучно, и поздно! [24, с. 35]

Размышляя о гендерной специфике поэтического творчества Барковой, В.Б. Зусева-Озкан отмечает, что ключевым для нее становится мифологизированный образ *воительницы*, апроприрующий маскулинные модели поведения воина и защитника. Фемининная гендерная роль проблематизируется, отчасти ощущается как внешняя, навязываемая, не соответствующая буйной жизненной силе, смелости, удали героини, которые ей хочется проявить. По мнению В.Б. Зусевой-Озкан, поэтическая книга Барковой «строится на борьбе полюсов, борьбе противоречий в душе лирической героини: это, с одной стороны, стремление стать “новой” женщиной, отринувшей все цепи прошлого — в том числе нежность, жалость, хрупкость (а также материнство), и неспособность вполне это осуществить, с другой» [26, с. 185]. Борьба с собой дается нелегко, приносит душевные раны, одиночество (см., например, в стихотворении «Нежность»: «Над нежностью своей я молоток поднимаю», «Нежность мое сердце точит и точит» [24, с. 48]), так как роль женщины-воина столь же внешняя, как и роль хрупкой и беззащитной «романтической девушки» прошлого. Поэтому нельзя утверждать, что Баркова каким-то образом стремится изжить или редуцировать женственность, скорее речь идет о пересмотре нормативности, о расширении представлений о том, что есть современная женщина, рожденная революцией и Гражданской войной, и самое главное — в фокусе ее внимания постоянная демонстрация столкновения, конфликта «старой» и «новой» женщины, феминности и маскулинности в самоощущении лирической героини.

Двойственность декларируется практически во всех произведениях сборника, например в следующих строках стихотворения «Я холодную свободу люблю...»:

...Говорю двойными словами
Я, мятежница-амазонка,
А сердце плачет тайными слезами
Пугливой женщины-ребенка [24, с. 51].

И в другом стихотворении «Губительный цветок»:

*Я женщина – твердый воин.
А в сердце вырос цветок.
Он душист, нежен и строен,
Но, право, очень жесток [24, с. 59].*

Амбивалентность лирической героини Барковой «считывали» критики еще в 1920-х годах: «<...> какая богатая связь у этой дочери пролетариата между амазонкой в ней и скорбной возлюбленной», – писал А. Луначарский [27, с. 3–4]. Заметным мотивом ее дебютного сборника является также ощущение переходности текущего момента истории, с чем и связана психологическая раздвоенность ее героини, оказавшейся на сломе эпох. С одной стороны, она обращается к грядущей женщине и поэтессе, к тем, кто воплотится в новую эру, – «Две поэтессы», «Грядущая», «Женщина». А с другой стороны, размышляет о женщинах прошлого – «Сафо», «Две женщины». Интересно решает поэтесса тему материнства, столь ярко прозвучавшую у ее современниц. Она не ощущает себя способной к естественному деторождению, предпочитая мыслить о себе в переносном смысле как о всеобщей праматери всех новых поколений, матери духовной, а не биологической:

*Придите ко мне, страдающие;
Я – ваша ласковая мать.
Веков величавых чающие,
Вам – любви моей печать. <...>
Века мое сердце билось
В объятиях железных сетей,
А теперь оно раскрылось
Миллионами земных детей [24, с. 43].*

Итак, перечислим основные образные модели, к которым прибегает поэтесса в своей попытке определить сущность современной женщины: *поэтесса, новая амазонка, красноармейка, протечка грядущей женщины – нищенская сверхженщина, анти-Сафо (женщина с мужскими чертами), преступница (отступница от идеалов революции), женщина-ребенок, праматерь, духовная мать*. Столь противопоставленные модели феминности скрепляются единым глубинным самоощущением мятущейся, бунтующей лирической героини, проступающим практически в каждом стихотворении.

Следует упомянуть еще об одном поэтическом сборнике, чудом вышедшем в свет в 1923 г. в разгар большевистского похода на церковь. Это книга «Монастырское» В.Г. Малахеевой-Мирович (1869–1954). Название книги не заявляет о гендерной проблематике, но весь сборник посвящен описанию духовного мира православной

женщины, разным оттенкам ее религиозного чувства («от слезной молитвы до экстаза, от кроткого смирения – до страха житейских искушений») [18, с. 139], обычаям церковных праздников, заботливо поддерживаемым женским трудом, повседневному опыту переживания и воплощения веры. Лирическая героиня Малахеевой-Мирович – это послушница и прихожанка, участница религиозной жизни общины. Она также описывает стариц, черниц и монахинь православных монастырей, чей мир необратимо уходит в прошлое.

Характерно, что русские поэтессы, стартовавшие в дореволюционный период, чаще продолжают выпускать сборники с абстрактно-метафорическими названиями, например, София Парнок после 1917 г. издает книги «Розы Пиэрии», «Лоза», «Музыка», «Вполголоса» (наиболее провокативные стихотворения, посвященные подругам и возлюбленным последних лет жизни Парнок, вообще не публикуются при ее жизни). Многие авторы-женщины после революции отказываются от лирического самовыражения, уходят в беллетристику или переводы: Мариэтта Шагинян, Анна Радлова, Мария Лёвберг и др. Подчеркнутая феминизация заглавия чаще свойственна молодым писательницам, пришедшим в литературу в годы Гражданской войны (Т. Вечорка, А. Баркова, М. Шкапская).

Итак, заглавия женских поэтических сборников 1917–1922 гг. демонстрируют большую свободу и смелость в выражении женственности, нежели поэтические книги их предшественниц рубежа XIX–XX вв. Разные лики женщины выходят на первый план, стремятся привлечь внимание читателя уже на этапе знакомства с обложкой. Кризис феминности, наблюдаемый в разрушенной или быстро меняющейся повседневной жизни, проявляется в литературе в том, что в женском творчестве она подвергается более пристальной рефлексии. Поэтическое слово фиксирует для будущих поколений как уходящие типажи эпохи («эмансипе», роковая женщина или православная монахиня), так и новые социальные явления – женщина-воин, революционерка, ищущая себя и свое место в постреволюционной России.

С одной стороны, молодые авторы для осмысления собственной женской идентичности, как и их старшие современницы, обращаются к «вечным» образам *Евы, Девы Марии, Марии Магдалины, Исиды, амазонки* и др., в их стихах фиксируются такие атрибуты женственности, как длинные волосы, хрупкость, нежность, красивая одежда и др. Но, с другой стороны, появляются новые типажи (*красноармейка, революционерка*), а привычные ролевые

модели десакрализируются (несмотря на мифопоэтические метафоры и сравнения), раскрываются вне традиционного мистицизма или романтического идеализма. В женскую поэзию врывается реальность с ее бытовыми и физиологическими деталями, поэтическое творчество становится человеческим документом, отражающим исторические веяния и разные лики женственности: богемная писательница или актриса на обломках старой культуры (Н. Поплавская, Н. Грушко), новая мать, рожающая детей в чаду войны и разрушенного быта (С. Дубнова, Т. Вечорка, М. Шкапская), прихожанка и монахиня (В. Малахьева-Мирович) или «новая амазонка», борющаяся с собственной женственностью и слабостью (А. Баркова).

Однако нельзя сказать, что женщины быстро и охотно перенимают предписываемые им официальным дискурсом роли, скорее мы наблюдаем конфликт их внутреннего самоощущения и типажей, предлагаемых эпохой. Мы видим, как старое, в том числе литературная традиция, переплетается с новым, как, несмотря на активно внедряющуюся большевистской властью модель маскулинизированной женственности и образ «женщины-товарища», занятого общественной, а не личной и семейной жизнью, в поэзии сохраняются и даже усиливаются в начале 1920-х годов многие патриархатные культурные коды, социальные практики и отношения. И это происходит не только в силу культурной инерции, но и в результате стремления что-то противопоставить агрессивным образам женщины-революционерки и боевой подруги. Все авторы, о которых шла речь, используют феминитивы в заглавиях своих книг и отдельных стихотворений для конструирования и подчеркивания своей авторской субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грякалова Н.Ю.* «Mater Dolorosa»: Диалог Марии Шкапской и Бориса Пильняка 1920-х годов // Грякалова Н.Ю. Человек модерна: биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 131–149.
2. *Кушлина О.Б., Никольская Т.Л.* Предисловие // Сто одна поэтесса Серебряного века. СПб.: Деан, 2000. С. 3–10.
3. *Веселова Н.Ю., Иванова Е.В.* Заглавие // Теория литературы: В 2 т. Том 2. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 199–229.
4. *Кожина Н.А.* Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 22 с.
5. *Эконен К.* Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.
6. *Столица Л.* Новая Ева // Современная женщина. 1914. № 5 (16), 10 июня. С. 106.
7. *Шерман А.* Наталья Юлиановна Поплавская. Биографический очерк // Поплавская Н. Стихи зеленой дамы: 1914–1916 / Подгот. текста, биограф. очерк и коммент. А. Шермана. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 99–109.
8. *Шерман А.* Комментарии // Поплавская Н. Стихи зеленой дамы: 1914–1916 / Подгот. текста, биограф. очерк и коммент. А. Шермана. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 110–119.
9. *Поплавская Н.* Стихи зеленой дамы: 1914–1916. М., 1917. 118 с.
10. *Ходасевич В.Ф.* Наталия Поплавская. Стихи зеленой дамы // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Критика и публицистика (1905–1927). М.: Русский путь, 2010. 716 с.
11. *Дубнова С.* Мать. Петроград, 1918. 5 с.
12. *Розанов В.В.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 14. М.: Республика; СПб.: Росток, 2002. 526 с.
13. *Шкапская М.* Mater Dolorosa. Петербург, 1921. 33 с.
14. *Гачева А.Г.* Философ в диалоге с поэтом: письма А.К. Горского М.М. Шкапской // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 261–293.
15. *Гаспаров М.Л.* Мария Шкапская – забытая поэтесса // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 661–667.
16. *Шкапская М.* Час вечерний. Стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 192 с.
17. *Грякалова Н.Ю.* Диалог М. Шкапской и Б. Пильняка начала 1920-х годов // Русская литература. 2004. № 4. С. 40–53.
18. Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология / Составл. и биограф. статьи М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб.: Деан, 2000. 238 с.
19. *Грушко Н.* Стихи. СПб. 1912 (рец.) // Новый журнал для всех. 1912. № 4. С. 123–124.
20. *Чечнёв Я.Д.* Ампула лирической героини в поэзии М.М. Шкапской: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 140–152.
21. *Грушко Н.* Ева: стихотворения. Петербург, 1922. 94 с.
22. *Плунгян Н.* Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Музей «Гараж», 2022. 288 с.

23. Демидова О.Р., Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Алетей, 2023. 178 с.
24. Баркова А. Женщина. Петербург: Гос. издательство, 1922. 94 с.
25. Симонова О.А. Образ атаманши Маруси в литературе 1920–1930-х гг. // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 363–380.
26. Зусева-Озкан В.Б. «Я женщина – твердый воин»: образ воительницы в лирике А.А. Барковой // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 184–201.
27. Луначарский А. [Предисловие] // Баркова А. Женщина. Петербург: Петроград, 1922. С. 3–4.
8. Sherman, A. *Kommentarii* [Comments]. Poplavskaya, N. *Stikhi zelenoy damy: 1914–1916* [Poems of the Green Lady: 1914–1916]. *Podgot. teksta, biogr. ocherk i komment. A. Shermana* [Text Preparation, Biographical Sketch and Comments by A. Sherman]. B.m.: Salamandra P.V.V. Publ., 2017, pp. 110–119. (In Russ.)
9. Poplavskaya, N. *Stikhi zelenoy damy: 1914–1916* [Poems of the Green Lady: 1914–1916]. Moscow, 1917. 118 p. (In Russ.)
10. Khodasevich, V.F. *Nataliya Poplavskaya. Stikhi zelenoy damy. Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 2. Kritika i publitsistika (1905–1927)* [Nataliya Poplavskaya. Poems of the Green Lady: 1914–1916: in 8 Vols., Vol. 2. Criticism and Journalism]. Moscow: Russky put' Publ., 2010. 716 p. (In Russ.)
11. Dubnova, S. *Mat'* [Mother]. Petrograd, 1918. 5 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Gryakalova, N.Yu. “*Mater Dolorosa*”: *Dialog Marii Shkapskoy i Borisa Pil'nyaka 1920-kh godov* [The dialogue of Maria Shkapskaya and Boris Pilnyak of the 1920s]. Gryakalova, N.Yu. *Chelovek moderna: biografiya – refleksiya – pis'mo* [Man of modernity: biography – reflection – letter]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2008, pp. 131–149. (In Russ.)
2. Kushlina, O.B., Nikolskaya, T.L. *Predislovie* [Preface]. *Sto odna poetessa Serebryanogo veka. Antologiya* [One hundred and one poetesses of the Silver Age. Anthology]. St. Petersburg: Dean Publ., 2000, pp. 3–10. (In Russ.)
3. Veselova, N.Yu., Ivanova, E.V. *Zaglavie* [Title]. *Teoriya literatury. V 2 t. T. II. Proizvedenie* [Theory of literature. In 2 vols. Vol. II. Composition]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2011, pp. 199–229. (In Russ.)
4. Kozhina, N.A. *Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: Struktura, funktsii, tipologiya (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [Title of the work of art: Structure, functions, typology (based on the material of Russian prose of the XIX–XX centuries)]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1996. 22 p. (In Russ.)
5. Ekonen, K. *Tvorets, subjekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pisma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
6. Stolitsa, L. *Novaya Eva* [New Eva]. *Sovremennaya zhenshchina* [Modern Woman]. 1914, No. 5 (16), June 10, p. 106. (In Russ.)
7. Sherman, A. *Natalya Yulianovna Poplavskaya. Biograficheskiy ocherk* [Natalia Yulianovna Poplavskaya. Biographical Sketch]. Poplavskaya, N. *Stikhi zelenoy damy: 1914–1916* [Poems of the green lady: 1914–1916]. *Podgot. teksta, biogr. ocherk i komment. A. Shermana* [Text Preparation, Biographical Sketch and Comments by A. Sherman]. B.m.: Salamandra P.V.V. Publ., 2017, pp. 99–109. (In Russ.)
12. Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy: v 30 t., T. 14.* [Collected Works in 30 Volumes, Vol. 14]. Moscow, Respublika Publ.; St. Petersburg: Rostok Publ., 2002. 526 p. (In Russ.)
13. Shkapskaya, M. *Mater Dolorosa* [Mater Dolorosa]. St. Petersburg, 1921. 33 p. (In Russ.)
14. Gacheva, A.G. *Filosof v dialoge s poetom: pisma A.K. Gorskogo M.M. Shkapskoy* [The Philosopher in Dialogue with the Poet: Letters of A.K. Gorsky to M.M. Shkapskaya]. *Tekstologicheskiy vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. Kn. 3: Pisma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka* [A Textual Timeline. Russian Literature of the 20th Century: Issues of Textual and Source Studies. Book 3: Letters and Diaries in the Russian Literary Heritage of the 20th Century.]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 261–293. (In Russ.)
15. Gasparov, M.L. *Mariya Shkapskaya – zabytaya poetessa* [Maria Shkapskaya – the Forgotten Poetess]. Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy. T. 4: Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii* [Selected Works. Vol. 4: Linguistics of Verse. Analyses and Interpretations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2012, pp. 661–667. (In Russ.)
16. Shkapskaya, M. *Chas vecherniy. Stikhi* [Evening Hour. Poems]. St. Petersburg: Limbus Press Publ., 2000. 192 p. (In Russ.)
17. Gryakalova, N.Yu. *Dialog M. Shkapskoy i B. Pilnyaka nachala 1920-kh godov* [Dialogue between M. Shkapskaya and B. Pilnyak of the Early 1920s]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2004, No. 4, pp. 40–53. (In Russ.)
18. *Sto odna poetessa Serebryanogo veka. Antologiya* [One Hundred and One Poetesses of the Silver Age. Anthology]. Sostavl. i biograf. statji M.L. Gasparov, O.B. Kushlina, T.L. Nikolskaya [Compilation and Biographical Articles of M.L. Gasparov, O.B. Kushlina, T.L. Nikolskaya]. St. Petersburg: Dean Publ., 2000. 238 p. (In Russ.)

19. Grushko, N. *Stikhi. SPb. 1912 (rets.)* [Poems. St. Petersburg. 1912 (Review)]. *Novyy zhurnal dlya vsekh* [New Journal for Everybody]. 1912, No. 4, pp. 123–124. (In Russ.)
20. Chechnev, Ya.D. *Amplua liricheskoy geroini v poezii M.M. Shkapskoy: k postanovke problemy* [The Role of the Lyrical Heroine in the Poetry of M.M. Shkapskaya: Towards the Formulation of the Problem]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2022, No. 4, pp. 140–152. (In Russ.)
21. Grushko, N. *Eva: stikhotvoreniya* [Eva: poems]. St. Petersburg, 1922. 94 p. (In Russ.)
22. Plungyan, N. *Rozhdenie sovetskoy zhenshchiny. Rabotnitsa, krestyanka, letchitsa, “byvshaya” i drugie v iskusstve 1917–1939 godov* [The Birth of a Soviet Woman. Worker, Peasant, Pilot, “Former” and Others in the Art of 1917–1939]. Moscow: Muzei “Garazh” Publ., 2022. 288 p. (In Russ.)
23. Demidova, O.R., Potekhina, E.A. *Gendernye modeli v kul'ture, ili O filosofii muzhskogo i zhenskogo* [Gender Models in Culture, or About the Philosophy of Male and Female]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2023. 178 p. (In Russ.)
24. Barkova, A. *Zhenshchina* [Woman]. St. Petersburg: Gos. izdatelstvo Publ., 1922. 94 p. (In Russ.)
25. Simonova, O.A. *Obraz atamanshi Marusi v literature 1920–1930-kh gg.* [The Image of the Atamansha Marusia in the Literature of the 1920s–1930s]. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoy kulture 1890–1930-kh godov* [The Modern Woman: Gender in Russian Culture of the 1890s–1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, pp. 363–380. (In Russ.)
26. Zuseva-Ozkan, V.B. “Ya zhenshchina – tverdyy voyn”: obraz voitel'nitsy v lirike A.A. Barkovoy [“I am a woman – a solid warrior”: the image of a warrior in the lyrics of A.A. Barkova]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2021. Vol. 62. pp. 184–201. (In Russ.)
27. Lunacharskiy, A. [*Predislovie*] [Rreface]. Barkova, A. *Zhenshchina* [Woman]. St. Petersburg: Gos. izdatelstvo Publ., 1922, pp. 3–4. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 5 сентября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 ноября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on September 5, 2023

Revised on November 13, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010078

Фрагмент РНБ. Греч 87: новая находка нового тропология

© 2024 г. А. Ю. Никифорова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, Поварская ул, д. 25а,
старший научный сотрудник Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 127051, Лихов пер., д. 6, стр. 1
sashunja@yandex.ru

Резюме. В статье атрибутируется гимнографический фрагмент VIII–IX веков РНБ Греч. 87, привезенный в 1859 году с Христианского Востока Константином Тишендорфом и проданный им Императорской Публичной библиотеке как лист из нового иерусалимского тропология. Лист содержит семь гимнов на сырную неделю великого поста. На сегодня это вторая в мире после *Sin. Gr. NF MG 56+5* выявленная подобная греческая коллекция. Она впервые публикуется с переводом на русский язык и комментарием.

Ключевые слова: гимнография, тропологий, триодь, палеография, греческие рукописи РНБ, монастырь св. Екатерины на Синае, *Sin. Gr. NF MG 56+5*, РНБ Греч. 87.

Для цитирования: Никифорова А.Ю. Фрагмент РНБ. Греч. 87: новая находка нового тропология // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 73–89. DOI: 10.31857/S1605788024010078

A Fragment National Library of Russia Greek 87: A New Find of the New Tropologion

© 2024 Alexandra Ju. Nikiforova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Senior Researcher of the St. Tikhon's Orthodox
University for the Humanities,
6/1 Likhov per., Moscow, 127051, Russia
sashunja@yandex.ru

Abstract. The article identifies a hymnographic 8th–9th centuries fragment *National Library of Russia Greek 87*, brought in 1859 from the Christian Orient by Constantine Tischendorf and sold by him to the Imperial Public Library, as a witness of the new Hierosolymitan tropologion. The folio contains seven hymns for the Cheesefare Week of Great Lent. It is the second as of today, after *Sin. Gr. NF MG 56+5*, such a collection in Greek, i.e. of Quadragesima, has been identified. The texts are published for the first time with a Russian translation and accompanied by a commentary.

Key words: hymnography, tropologion, triodion, manuscript studies, Greek manuscripts in the National Library of Russia, St. Catherine's monastery on Sinai, *Sin. Gr. NF MG 56+5*, *NLR Greek 87*.

For citation: Nikiforova, A.Yu. *Fragment RNB. Gr. 87: novaya nahodka novogo tropologia* [The Fragment National Library of Russia Greek 87: A New Find of the New Tropologion]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 73–89. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010078

Необычный по составу рукописный фрагмент греко-мелькитского гимна VIII–IX веков привез в 1859 году немецкий библиист, профессор Лейпцигского университета Константин Тишендорф (1815–1874) ([1, S. 167–181]; [2, с. 213–215]) из своей экспедиции на христианский Восток. Поездка была осуществлена по поручению и при финансовой поддержке императора Александра II. Ученый старался отыскать «в древних монастырях» (*‘in vetera esse monasteria’*) кодексы, «достоинные императорских собраний» (*‘collectionibus Imperialibus digna essent’* [3, p. 47]). Рукопись в числе других была передана в собрание Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге [3, p. 47]. И долгое время ученые атрибутировали ее по-разному: Тишендорф как «патрологический кодекс» [3, p. 56], Эдуард Муральт как «фрагмент гимнографической книги» [4, p. 50]¹, Афанасий Пападопуло-Керамевс как «лист из кондакаря»² и «фрагмент кондакаря или триоди»³. Последнее определение вошло в инвентари Елены Гранстрем и Ирины Лебедевой («триодь постная?» [5, с. 240–241] и «триодь» [6, с. 86]). И только недавно итальянский филолог Франческо Д’Айуто усомнился в правомерности применения византийского термина «триодь» к атрибуции раннего гимнографического фрагмента, происходящего с Христианского Востока (ведь это мог быть и тропологий, и коллекция частного характера). Сам Д’Айуто осторожно определил сборник как «стихиры самогласны триодного цикла», отметив необходимость отождествить гимны и авторов, что помогло бы уточнить датировку письма⁴.

¹ Я благодарю сотрудников рукописного отдела РНБ и особо Жанну Леонидовну Левшину за драгоценную помощь в работе с кодексом. Муральт указал инципиты начала фрагмента (л. 1: Τῆ α' Κυριακῆ τῶν ἁγίων νηστείων, Ἐλαμψεν ἡ χάρις) и последние его слова (л. 1 об.: βασιλεία σου).

² *РНБ Греч. 897*, XIX в., «Красный инвентарь», т.е. инвентарь греческой коллекции, начатый А. Пападопуло-Керамевсом (на рус. яз.) и дополненный Х.М. Лопаревым и др., л. 6 об.

³ *РНБ. Греч. 688*, 1904–1909 гг., Материалы к каталогу греческой коллекции ИПБ на русском и греческом языках, л. 91 об. (по пагинации внизу листа). Ученый отождествил гимны № 1, 4, 6 (см. § 2. Текст).

⁴ «Возможно, только появление аналитического описания содержания древнейших гимнографических рукописей позволит в будущем более точно расположить по времени сохранившиеся кодексы, частично решить вопросы авторства и хронологии наиболее древнего гимнографического еще

Действительно, кодекс сохранил семь греческих гимнов: на «первое воскресение великого поста» и последующие за ним дни – один гимн на один день, что не соответствует насыщенной структуре триоди. Открытие в 1975 году в монастыре св. Екатерины на Синае рукописей ранней иерусалимской традиции и их изучение позволило нам, наконец, атрибутировать фрагмент *РНБ Греч. 87* и пролить свет на его типологию. В статье фрагмент публикуется с переводом на русский язык и комментарием.

1. КОДЕКС

Кодикология. Начало кодекса утрачено. Фрагмент представляет собой 1 лист пергамента. Размер листа – приблизительно 211–213 / 156–157 (из-за того, что лист обрезан, в каталогах присутствует небольшая разница в замерах [5, с. 241]; [6, с. 86]); площадь письма: 183 / 120–5. Текст размещен в одну колонку, число строк на листе 32. Лист использовался как защитный и был наклеен на переплет другой рукописи [5, с. 241], поэтому его сохранность удовлетворительная: имеется дыра, лист обрезан по краям, на лицевой стороне текст смыт и есть загрязнения, читается с трудом. Переплет выполнен в XIX веке в ИПБ [6, с. 86], на верхнюю его крышку наклеен библиотечный ярлычок с порядковым номером рукописи – «LXXXVII», проставлен инвентарный номер карандашом на л. 1 сверху «Инв. 104»; на нижней крышке переплета сделана запись: «Одинъ (1) листь. Библ. И. Бычков». На оборотной стороне листа сверху карандашом проставлен номер «12» неизвестного назначения.

Письмо и датировка. Письмо ученые определяли как «малый унциал» (*‘formis uncialibus minoribus’* [3, p. 56]), «полуминукул» [4, p. 50], «полуунциал с наклоном вправо» [5, с. 240], «александрийский унциал» [6, с. 86], *scrittura mista* сиро-палестинского происхождения, почерк «элегантный и изящный» [7, p. 149]. Чернила коричневые в основном тексте. Рубрики выполнены

очень слабо изученного репертуара и поддержать нас филологическими аргументами в попытке проследить возможные линии эволюции такого феномена письменности, как *scrittura mista*, «смешанное письмо». До тех пор наша датировка подобных рукописей вынуждена оставаться в значительной степени импрессионистической, колеблющейся между концом VIII и IX–X вв.» [7, p. 149–150].

киноварью. Заголовок обведен в декоративную рамку из красных и коричневых зигзагов. Маргиналия написана черными чернилами «ε» (л. 1). Диакритика минимальна. Колофон отсутствует, поэтому вопрос о датировке остается открытым. Датировка листа лежит в хронологическом поле VIII–XI веков: Пападопуло-Керамевс и Гранстрем датировали кодекс IX веком [5, с. 240]⁵, Лебедева – IX–X вв. [6, с. 86], Тишендорф – X в. [3, с. 56], Франческо Д’Айуто – от конца VIII до IX–X вв. [7, р. 149–150, 165], Муральт – X или XI в. [4, р. 50]. Гранстрем первая указала на отсутствие в рукописи надстрочных знаков, что позднее Фонкич использовал в своей классификации маюскула как определяющий критерий в поддержку более ранней датировки: 60–80-е годы VIII – 30–40-е годы IX века (группа № 2 [8, с. 45]).

Состав сборника. На л. 1 рубрика «В первое воскресение святого поста вечером и понедельник утром» («Τῆ α' Κυριακῆ τῶν ἀγίων νηστείων ἑσπέρας καὶ τῆ β' τὸ πρωί») вводит гимн № 1. Далее рубрика «В понедельник вечером и вторник утром» («Τῆ β' ἑσπέρας καὶ τῆ γ' τὸ πρωί») вводит гимн № 2. Рубрика «Во [вторник вечером и] среду утром» («[Τῆ γ' ἑσπέρας καὶ] τῆ δ' τὸ πρωί») вводит гимн № 3. Следующая рубрика утрачена, она должна была читаться как «В среду вечером и четверг утром» («[Τῆ δ' ἑσπέρας καὶ τῆ] <ε'> [τὸ πρωί]»), так как осталась маргиналия «ε'», обозначающая «четверг»; рубрика вводит гимн № 4. Конец гимна № 3 и начало гимна № 4 утрачены из-за того, что лист обрезан. Л. 1 об. содержит окончание гимна № 4 и гимны № 5–7, но уже без рубрик.

Лингвистические особенности. Рукопись грамотная, что отличает ее от литургической продукции своего времени. Она содержит лишь единичные примеры итацизма (μῆ κατασθίοντες вместо μῆ κατεσθίοντες, φρονιμων вместо φρονιμων, ἐδειδάχθημεν вместо ἐδιδάχθημεν).

2. ТЕКСТ

В своей публикации *РНБ Греч. 87* я следую современным стандартам публикации средневековых греческих литургических текстов. Недостающие знаки диакритики добавлены, йотацизм исправлен. Типовые для литургических книг сокращения раскрыты без оговорки: а. nomina sacra (χ(ριστ)ος → Χριστός, θ(ε)ου → Θεοῦ, κ(υρι)ω → Κυρίω, πν(ευματο)ς → Πνεύματος), б. другие общепринятые в литургических книгах сокращения (ου(ρα)νιων → οὐρανίων, σ(ωτη)ριαν → σωτηρίαν,

π(ατ)ερ → πάτερ, φιλαν(θρωπ)ος → φιλάνθρωπος), в. technical terms (ήχ(ος) → ἦχος), г. отсутствующие окончания артиклей, существительных, глаголов (ηγγηγε → ἡγγηγε, παρθενω → παρθένων, τῶ → τῶν ψυχῶν).

Правила публикации

Публикация разделена на четыре колонки: 1) номер гимна; 2) греческий текст, 3) перевод на русский язык, 4) наличие гимна в следующих источниках:

1. Иерусалимская традиция

а. *Грузинский лекционарь* (= ГЛ). Грузинский перевод иерусалимского лекционаря, представляющий литургическое развитие V–VIII веков. Содержит чтения, респонсории (псалмы и аллилуиарии), гимны на праздники подвижного и неподвижного кругов, приложение с общими последованиями, включая описание чтений и гимнов на пост и страстную неделю [10, р. 2–80, 80–116].

б. *Древний иадгари* (= ДИ). Грузинский перевод несохранившейся на греческом языке старой редакции тропология, содержавшей палестинскую гимнографию IV–VIII веков на подвижные и неподвижные праздники года, воскресные и покаянные тропари на 8 гласов [11, с. 419–424], включая постовые службы [12, с. 114–136]; [13, р. 407–510].

в. *Sin. Gr. NF MG 56+5* (= *MG 56+5*, VIII–IX вв.). 245 л. Неизданный греческий тропология новой редакции, разработанной Иоанном († ок. 745) и Космой († ок. 752/754) Иерусалимскими. Следует традиции храма Воскресения в Иерусалиме. Имеет региональную египетскую специфику и первые следы византинизации [20, с. 28–93]. Сохранились гимны вечерни, утрени и литургии апостола Иакова от кануна Рождества Христова до памяти Иосифа Аримафейского (12 июня), включая службы на великий пост и период Пятидесятницы [9].

2. Константинопольская традиция

а. *Триодь Sin. Gr. 734–735* (X в.). 114+200 л. [14]; [15, с. IV–VI, 140–144, 247–287]. Неизданная греческая пергаментная коллекция на великий пост и страстную неделю, впервые самоназванная «триодью»⁶. *Sin. Gr. 734* содержит службы с воскресения блудного сына до второго воскресения,

⁶ «Триодь, [с помощью] Божией содержащая всякое последование без упущения стихир и седальнов и канонов, начиная с [воскресения] о блудном сыне до великой субботы» («Τριώδιον σὺν Θεῷ περιέχον τὴν πάσαν ἀκολουθίαν ἀνελλιπῶς τῶν στιχηροκαθισμάτων (sic!) καὶ τῶν κανόνων, ἀρχομένον ἀπὸ τοῦ ἀσώτου μέχρι τοῦ μεγάλου Σαββάτου», *Sin. Gr. 734*, Хв., л. 3).

⁵ *Ф. 906, Греч. 897*, XIX в., л. 6 об. В *РНБ. Греч. 688* (1904–1909 гг., л. 91 об. по пагинации внизу листа) он даже указал: «IX, а не XI век».

а *Sin. Gr. 735* — от вторника третьей недели до великой субботы (служба обрывается). На л. 1–2 об. добавлены тексты на воскресение страшного суда, понедельник и вторник первой недели поста. План триоди (отсчет с воскресения блудного сына), нелитургическая компоновка текстов (седальны — стихиры — каноны), авторский состав (Андрей Критский, † 740, Феодор и Климент Студиты, † 826 и сер. IX в., Иосиф Гимнограф, † 886, Лев Мудрый, † 912, Константин Багрянородный, † 959) — константинопольские.

б. *Триодъ РНБ Греч. 712* (X в. — 212 л., IX в. — л. 20, 21, 36–39 об.). 218 л. [16, с. 269 (№ 160)]; [6, с. 220]; [38]. Неизданная греческая пергаментная триодъ, сохранившая последования от вторника сырной недели до великой субботы (начало книги утрачено). Кодекс куплен Иператорской Публичной библиотекой у греческого ученого Пападопуло-Керамевса в 1911 году. Структура служб: седален, стихиры, блаженны, каноны. Основные авторы: Иосиф Гимнограф и Феодор, каждому из них в кодексе атрибутировано по ок. 90 гимнов; также есть каноны Феофана, Космы, Андрея Критского⁷.

Отождествление гимнов в этих источниках покажет степень корреляции фрагмента *РНБ Греч. 87* с более древней иерусалимской и более поздней константинопольской традициями. Кроме того, приведены ссылки на стандартное печатное издание триоди постной [18], инципитарий изданных греческих гимнов Энрики Фоллиери [19]. Поскольку лист использовался как защитный, с одной стороны (л. 1) он сильно истерт; его реконструкция выполнена на основании *MG 56+5*.

Знаки публикации

[...] — буквы, слова, дополнительная информация, добавленные мною.

<...> — маргиналии.

Жирный — рубрики, выполненные в рукописи киноварью.

^a — библейские цитаты.

¹ — критический аппарат.

№ 1 л. 1	<p>Τῆ α' Κυριακῆ τῶν ἀγίων νηστείων ἑσπέρας καὶ τῆ β' τὸ πρωί. Ἦχ. δ'. Ἀὐθεντής. Ἐλαμψεν ἡ χάρις σου, Κύριε· ἔλαμψεν ὁ φωτισμὸς τῶν ψυχῶν ἡμῶν. ^aἸδοὺ καιρὸς εὐπρόσδεκτος· ἰδοὺ καιρὸς μετανοίας. ^{a8} Ἀποθώμεθα τὰ ἔργα τοῦ σκότους καὶ ἐνδυσώμεθα τὰ ὄπλα τοῦ φωτός, ^b ὅπως διαπλεύσαντες τὸ τῆς νηστείας μέγα πέλαγος, εἰς τὴν ¹τριήμερον¹ ἀνάστασιν καταντήσωμεν ²τοῦ σωτήρος [...]² τοῦ σώζοντος τὰς ψυχὰς ἡμῶν</p>	<p>В первое воскресение святого поста вечером и понедельник утром. Гл. 4. Автентичный⁹. Возсияла благодать Твоя, Господи! Возсияло просвещение душ наших! Се время благоприятное! Се время покаяния! Отложим дела тьмы и облечемся оружием света, да переплыв великое море поста, достигнем тридневного воскресения Христа Бога, спасающего души наши</p>	<p><i>MG 56+5</i>, л. 108–108 об. (№ 2.3, по изд. [9]); <i>РНБ Греч. 87</i>, л. 1: Вск 1 Веч, Неделя 1 Пн Утр; <i>РНБ. Греч. 712</i>, л. 16 об.: Вск 1 Веч; <i>Sin. Gr. 734</i>: л. 2 об. (полный гимн), л. 50 (инципит), Неделя 1 Пн Утр Самогл; ТрГр 183: Сырн Вск Веч Стиховны Самогл; Follieri I 415</p>
	<p>¹ триήμερον (так же <i>РНБ Греч. 712</i>, ТрГр): <i>MG 56+5</i> σωτήριον ² τοῦ σωτήρος... ἡμῶν: <i>MG 56+5</i> Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ <i>РНБ Греч. 712</i>, ТрГр τοῦ Κυρίου καὶ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ <i>Sin. Gr. 734</i> τοῦ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ</p>	<p>^a ср. 2 Кор 6.2 ^b Рим 13.12</p>	

⁷ Косма: каноны на вход в Иерусалим (л. 178 об. — 180 об.), великие понедельник и четверг (л. 187–188, 197–199). Андрей: великий канон на пятый четверг (л. 123–139 об.), Лазареву субботу (л. 170–175 об.), вход в Иерусалим (л. 180 об. — 185 об.), великие понедельник (л. 188–189 об.) и четверг (л. 199–203).

⁸ Ср.: ἰδοὺ νῦν καιρὸς εὐπρόσδεκτος, ἰδοὺ νῦν ἡμέρα σωτηρίας (2 Кор 6, 2).

⁹ Редкий музыкальный термин, также встречается в *MG 56+5* [20, с. 49, 64].

<p>№ 2 л. 1</p>	<p>Τῆ β' ἑσπέρας καὶ τῆ γ' τὸ πρωί. [ᾠχ. πλ. δ']. Νηστείαν, [οὐκ ἀποχὴν βρωμάτων μόνον τελέσωμεν, ἀλλ' ἅπαντος ὕλικου πάθους ἀλλοτριώσιν· ἵνα τὴν] καθ' ἡμῶν τυραννοῦσαν σάρκα [δουλώσαντες, ἄξιοι γενώ]μεθα τῆς τ[οῦ ἰάμν]οῦ μετ[αλήψεως], τοῦ ὑπὲρ τοῦ κόσμου σφαγέντος¹ ἐκου[σίως Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, καὶ πνευματι]κῶς [ἐορτάζοντες] τὴν ἐκ νεκρῶν τοῦ] σωτῆρος [ἀνάστασιν, εἰς] ὕψος ἀρθέντες ἀρετῶν ἐν φαιδ[ρότητι καὶ τῆ] τρ[υφῆ] τῶν ἀρίστων ἔργ[ων εὐ]φρ[αίνον]τες τὸν φιλόανθρωπον</p>	<p>В понедельник вечером и вторник утром. [Плаг. гл. 4]. Пост не только воздержанием от пищи совершим, но всякой земной страсти отчуждением. Да, плоть, восстающую на нас, поработив, достойны будем <i>Агнца</i> причастия, за мир добровольно закланного Сына Божия, и да духовно празднуем воскресение из мертвых Спасителя, вознесенные на высоту добродетелей в светлости и сладости славных дел, радующие Человеколюбца</p>	<p><i>MG 56+5</i>, л. 102 (№ 1.1, по изд. [9]); <i>РНБ Греч. 712</i>, л. 22: Неделя 1 Ср Веч; <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 53 об.: Неделя 1 Вт Утр Стихира Восточна; ТрГр 229: Нед 1 Вт Веч Стиховн; Follieri II 503</p>
	<p>¹ ἄμνοῦ μεταλήψεως, τοῦ ὑπὲρ τοῦ κόσμου σφαγέντος: <i>РНБ Греч. 712</i> σταυροῦ προσκυνήσεως ... κόσμου φέροντος ²ἐορτάζοντες (так же в <i>MG 56+5</i>): <i>РНБ Греч. 712</i>, <i>Sin. Gr. 734</i>, ТрГр ἐορτάσωμεν</p>		
<p>№ 3 л. 1</p>	<p>[Τῆ γ' ἑσπέρας καὶ] τῆ δ' τὸ πρωί. [ᾠχ. πλ. δ']. [Νη]στεια τῶν λογισμῶν τὰ [πάθη δεῦ]τε δουλώ[σω]μεν, πνευματικαῖς [ἐαυτοὺς πτέρυξιν] περιστείλαν[τες], ἵνα τὴν τοῦ ἐχθρ[οῦ] κινουμέ[ν]ην ζάλην κοῦ[φοι] περάσαντες, ἄξιοι γενώμεθα, τῆς] τοῦ σταυροῦ ¹προσορμήσεως¹ τοῦ ²ἐπὶ θυσία παγέντος² ἐκουσίως ³Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ³ καὶ] πνευματικῶς ἐορτάσωμεν ⁴τὴν ^αἐκ [νεκρῶν τοῦ] σωτῆρος [ἀνάστ[α]σιν^α· ἐπ' ὄρους [ἀρθέντες μαθηταῖς] συνδοξάσωμεν τὸν ἐξουσίαν λαβόντα πᾶσαν Υἱὸν ἐκ Πατρὸς καὶ φιλόανθρωπον⁴</p>	<p>В среду утром. [Гл. Пл. 4]. Приидите страсти помыслов постом поработим, облеченные духовными крылами бурю, воздвигаемую врагом легко преодолеем, [и] достойны будем кресту устремления¹⁰, Христа, на жертву пригвожденного добровольно Бога. Да духовно празднуем из мертвых Спасителя воскресение! Сопрославим с вознесенными на горе учениками власть от Отца воспринявшего Сына и Человеколюбца</p>	<p><i>MG 56+5</i>, л. 103 (№ 1.6, по изд. [9]); <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 57 об.: Нед 1 СрУтр Стихира Восточна; ТрГр 245–246: Нед 1 Ср Утр Самогл.</p>
	<p>¹ προσορμήσεως: <i>Sin. Gr. 734</i>, ТрГр προσκυνήσεως ²ἐπὶ θυσία παγέντος <i>Sin. Gr. 734</i> ὑπὲρ τοῦ κόσμου παγέντος ТрГр ὑπὲρ τοῦ κόσμου σφαγέντος ³Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ: <i>Sin. Gr. 734</i>, ТрГр Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ⁴ἐορτάσωμεν (также <i>Sin. Gr. 734</i>, ТрГр): <i>MG 56+5</i> ἐορτάζοντες</p>	<p>^a cf. 1 Кор 15.12</p>	

¹⁰ Преобладающее в более поздних рукописях чтение «кресту поклонения» кажется наиболее удачным.

<p>№ 4 л. 1–iv</p>	<p>[Τῆ δ' ἑσπέρας καὶ τῆ] <ε' > [τὸ πρωί. Ἦχ. πλ. δ']. [Πρὸ τοῦ σωτηρίου σταυροῦ τῆς ἀμαρτίας βασιλευούσης, τῆς ἀσεβείας ἐπικρατούσης, τῶν ἀνθρώπων ἐμακαρίζετο τρυφή σωματική, καὶ σαρκικῶν ὀρέξεων ὀλίγοι κατεφρόνουν· ἀφ' οὗ δὲ τὸ τοῦ σταυροῦ μυστήριον πέπρακται καὶ δαιμόνων ἐσβέσθη] [л. 1об] τυραννὶς τῆ θεογονσίᾳ, ἡ τῶν ἰουρανίων¹ ἐπὶ γῆς ἀρετῆ πολιτεύεται· διὸ νηστεία τιμᾶται, ἐγκρατεία λάμπει, προσευχὴ κατορθοῦται· καὶ μάρτυς καιρὸς ὁ παρών, δεδομένος ἡμῖν ὑπὸ τοῦ σταυρωθέντος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ² πρὸς² σωτηρίαν τῶν ψυχῶν ἡμῶν</p>	<p>[В среду вечером и] <четверг> [утром. Гл. пл. 4]. Прежде креста спасительного грех царствовал, нечестие господствовало, сласть телесная людей ублажалась, и аппетиты плоти немногими презирались. Когда же тайна креста совершилась, и тирания бесов познанием Бога усмирилась, добродетель небесная на земле воцарилась. Так и пост почитается, воздержание сияет, молитва исправляется; и время сие свидетель, данный нам распятым Христом Богом во спасения душ наших</p>	<p><i>MG 56+5</i>, л.109 об. —110 (№2.8, по изд. [9]); <i>РНБ Греч. 712</i>, л. 5об.—6: Сырн Пт Утр Стих Самогл; <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 37 об. —38: Сырн Пт Утр; ТрГр 139: Сырн Пт Утр Стиховн Самогл; Follieri III 370</p>
<p>№ 5 л. 1 об.</p>	<p>[Ἦχ. πλ. δ']. Λιχνευσάμενοι^a τὴν πρώτην ὑπέστημεν γύμνωσιν^a ἡττηθέντες τῆς πικρᾶς γεύσεως καὶ τοῦ Θεοῦ ἐξόριστοι γεγόναμεν· ἀλλ' ἐπανάγωμεν πρὸς [μ]ετάνοιαν καὶ τὰς αἰσθήσεις ἰκαθαρώμεν,¹ πρὸς ἃς ὁ πόλεμος, ἐπεισόδιον τὴν νηστείαν ποιούμενοι, ἐλπίδι χάριτος τὰς καρδίας² βεβαιούμ[εν]οι² [οὐ β]ρώμασιν, ἐν οἷς οὐκ ὀφελήθησαν οἱ περιπ[ατήσα]ντες· καὶ βρωθήσεται ἡμῖν^b ὁ ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ^b ἐν τῇ [ε]ρᾷ καὶ φ[ωτοφόρῳ] νυκτὶ τῆς ἐγέ[ρσεως], τὸ ὑπὲρ ἡμῶν σφάγιον, ὁ τοῖς μαθηταῖς κοινωνήσας ἐν ἑσπέρα τοῦ μυστηρίου τὸ σκότος λύων τῆς ἀμαρτίας ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ ἀναστάσεως¹¹</p>	<p>[Гл. пл. 4]. Страсти подавляе-ся, первую наготу познали, горестью вкушения побежден-ные, Божии изгнанники стали. Но возвратимся к покаянию и очистим чувства, за них брань совершим — пост временный. Утверждая надеждой на благо-дать, а не пищей сердца, в ней без пользы блуждающие. И да в жертву принесен нам будет <i>Агнец Божий</i> во святую и свето-носную ночь восстания — за нас закланый, с учениками прича-стившийся на вечере таинства и греха тьму рассеявший светом воскресения Своего</p>	<p><i>MG 56+5</i>, л. 102 (№ 0.11, по изд. [9]); <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 2 об. (доп): Мясоп Вск Веч Стихов; ТрГр 90–91: Мясоп Вск Веч.</p>
<p>¹ καθαρώμεν: <i>MG 56+5</i> καθαρώμεθα ТрГр ἐκαθαρώμεν ² βεβαιούμενοι (также в ТрГр): <i>MG 56+5</i> βεβαιούμεθα</p>	<p>^a ср. Быт 3.7 ^b Ин 1.29</p>		

¹¹ Гимн имеет иную, более краткую, редакцию.

<p>№ 6 л. 1 об.</p>	<p>[³Ηχ. γ']. Ἀρξόμεθα, [λαοί, τῆς ἀμώμου νηστείας, ἥτις ἐστὶν τῶν ψυχῶν σωτηρία,] ^aδουλεύσωμεν¹² τῷ Κυρίῳ ἐν φόβῳ, ^bἐλ[αί]ψ ¹εὐφροσύνης^{1b} ^cτὰς κεφαλὰς ἀλείψωμεν, καὶ ὕδατι ἀγνείας τὰ πρόσωπα νιψόμεθα.^c ^dμη βαττολογήσωμεν ²ἐν τῇ προσευχῇ^{2d}, ἀλλ' ὡς ἐδιδάχθημεν, οὕτως βοήσωμεν ^eπάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἄφες ἡμῖν τὰ παραπτώματα ἡμῶν^e ὡς ἄγαθος καὶ φιλόανθρωπος</p>	<p>[Гл. 3]. Начнем, люди, пост непорочный, он — душ спасение! Поработаем Господу во страхе, елеем радости главы помажем и водою чистоты лица омоем! Да не пустословим на молитве, но, как научены, так [и] воззовем: «Отче наш, сущий на небесах, прости нам согрешения наши, ибо благой и человеколюбивый»</p>	<p>ГЛ I § 327; Renoux III 409: Сырн Вск Умовения рук; ДИ 647; <i>MG 56+5</i> л. 102 об. (№ 1.2, по изд. [9]); <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 53 об.: Нед 1 Вт Утр Стих Вост; TrGr 224: Нед 1 Вт Утр Самогл; Follieri I 176</p>
	<p>¹ εὐφροσύνης (также в <i>Sin. Gr. 734</i>): TrGr: εὐποῖας ² ἐν τῇ προσευχῇ: TrGr ἐν ταῖς προσευχαῖς ³ οὕτως: TrGr οὕτω ⁴ ὡς ἄγαθος καὶ φιλόανθρωπος: <i>MG 56+5 et al.</i> ὡς φιλόανθρωπος</p>	<p>^a Пс 2.11 ^b Пс 44.8 ^c Мф 6.17 ^d Мф 6.7 ^e Мф 6.9</p>	
<p>№ 7 л. 1 об.</p>	<p>³Ηχ. β'. ^aΚαθαρίσωμεν ἑαυτοῦς, ἀδελφοί, ἀπὸ παντὸς μολυσμοῦ σαρκὸς καὶ πνεύματος,^a τὰς λαμπάδας ¹ἡμῶν φαιδρύνοντες¹ διὰ φιλοπτωχίας, ^bμη κατεσθίοντες ἀλλήλους^b τῇ συκοφαντίᾳ ²ἡγγικεν² γὰρ ὁ καιρὸς, ὅταν ^cὁ νυμφίος ἐλεύσεται^c ³ἐκάστω³ ^dἀποδοῦναι κατὰ τὰ ἔργα ⁴αὐτοῦ^d. ^eΣυνεισέλθωμεν Χριστῷ μετὰ τῶν φρονίμων παρθένων,^e τὴν φωνὴν ἐκεῖνην τοῦ ληστοῦ πρὸς αὐτὸν ⁵ἀναμέλψωμεν⁵ ^fΜνήσθητι ἡμῶν, Κύριε, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ βασιλείᾳ σου^f</p>	<p>[Гл. 2]. Очистим себя, братья, от всякой скверны плоти и духа — светильники наши нищелюбием возжигая, друг друга злословием не поедая. Ибо пришел час, и грядет Жених — воздать всякому по делам его. Да с мудрыми девами войдем ко Христу, воспевая Ему разбойника мольбу: «Помяни нас, Господи, когда придешь Ты во царствии Своем»</p>	<p>ГЛ I § 539; Renoux III 504: Нед 6 Вт Веч (гл. пл. 4); <i>MG 56+5</i>, л. 100 (№ 0.4, по изд. [9]); <i>РНБ Греч. 712</i>, л. 6: Сырн Пт Веч; <i>Sin. Gr. 734</i>, л. 37 об.–38: Сырн Пт Веч; TrGr144: Сырн Пт Веч Стихов; Follieri II 247</p>
	<p>¹ἡμῶν φαιδρύνοντες: TrGr τῶν ψυχῶν ἡμῶν φαιδρύνωμεν ² ἡγγικεν: TrGr ἔφθασε ³ ἐκάστω: TrGr πᾶσιν ⁴αὐτοῦ: TrGr αὐτῶν ⁵ἀναμέλψωμεν: <i>MG 56+5</i> ἀναμέλλοντες: TrGr ἀνακράζοντες</p>	<p>^a 2 Кор 7.1 ^b Гал 5.15 ^c Мф 25.6 ^d Пс 61.12 ^e ср. Мф 25.10 ^f Лк 23.42</p>	

3. КОММЕНТАРИЙ

Третья колонка публикации, в которой репертуар *РНБ Греч. 87* сопоставлен с репертуаром ранней иерусалимской (ГЛ, ДИ), средней иерусалимской (новый тропологий *MG 56+5*) и более поздней константинопольской традиций обнаруживает сквозное совпадение текстов. Но детальный анализ позволяет соотнести

¹² Вероятно, это иная редакция, перед δουλεύσωμεν — утрата в одно-два слова.

опубликованный фрагмент только с новым иерусалимским тропологием.

Великопостный блок нового иерусалимского тропология MG 56+5

Великопостный блок нового иерусалимского тропология был ранее известен по одной греческой рукописи — *MG 56+5* [9].

Общая характеристика

Новый тропологий — главный гимнал иерусалимской литургической традиции, использовавшийся

в Палестине, Египте и, вероятно, Антиохии. Он дошел до нас в греческих, грузинских, сирийских рукописях, преимущественно IX и X веков, и до сих пор остается не издан [21]. Он сменил старую редакцию, датируемую исследователями IV–VIII веками и включавшую простейшие гимны общего содержания и невысокого художественного достоинства. Генетически связанный с предшествующей коллекцией, он: 1) повторял ее композицию и содержал те же литургические структуры (гимны вечерни, утрени, литургии апостола Иакова (=ИАК) – основной до византинизации восточных патриархатов Иерусалима и Антиохии [22, с. 115–256]), 2) был привязан к иерусалимской системе библейских чтений. При этом он представлял следующий этап развития: с обновленным на четыре пятых репертуаром, добавленными гимнами на отпуст ИАК, особыми гимнами вечерни воскресения, крестными – вечерни среды и пятницы, а также без стихир на «Господи, воззвах», «Хвалите», прокимнов¹³.

Великопостный блок MG 56+5

Ранее великопостная коллекция нового иерусалимского греческого тропология была известна по одной рукописи – MG 56+5 [9]. Её постовой репертуар своей краткостью отличался от полноценных служб праздников и страстной недели. Это можно объяснить концепцией создания новой редакции – переходом от общих литургических формуляров к особым, когда Иоанн и Косма Иерусалимские сконцентрировались на написании ключевых служб церковного года, в том числе и великопостных (мч. Феодору Тирону, сорока мученикам севастиийским, на Благовещение, Лазареву субботу, вход в Иерусалим, страстную неделю), а будничные службы оставались неразработанными вплоть до появления в IX веке в Константинополе повседневной триоды¹⁴. Простейший материал ДИ при составлении

¹³ Прокимны (термина «прокимен» еще нет, но «псалм» и «стих») и алилуиари перенесли в лекционарь (напр., РНБ Греч. 44, РНБ Греч. 51, IX в.). Стихиры на «Господи, воззвах» и «Хвалите» могли быть восполнены «покаянными» из коллекций октоишного типа. Такие коллекции содержали гимны на восемь гласов, для воскресных (канон, стихиры на «Господи, воззвах», «Хвалите», прокимен, алилуиарий, гимны на синаксис, великий вход, отпуст, богородичны, покаяны, крестны) и общих (мученикам, апостолам, умершим, преподобным и святителям, пророкам, трем отрокам, архангелу, женам и т.д.) служб (напр., Sin. E 26, IX–IX вв., Sin Gr. NF MG 83, IX–IX вв. [23, с. 535–545]).

¹⁴ Существенный вклад в её разработку внес прп. Феодор Студит. Он составил трипесенцы с понедельника по пятницу, четверопесенцы – на субботу, полные каноны – на некоторые воскресения, ежедневные седальны и (или) стихиры. Первые дошедшие до нас триоды: БАН РАИК. 109, IX в., Sin. Gr. 734–735, X в.

новой редакции был задействован минимально – он контрастировал с литературно и богословски усовершенствованными образцами новой поэзии VIII столетия (так, в MG 56+5 из 52 великопостных гимнов 10 архаичные, из ДИ, т.е. одна пятая). «Прото-триодь» нового иерусалимского тропология с осторожностью можно датировать временем жизни ее основных гимнографов (понимая недостаточную изученность атрибуций и возможность их пересмотра в дальнейшем): Иоанна и Космы Иерусалимских, Андрея Пира (кон. VIII – нач. IX в.) и Стефана Савваита (†ок. 725–794 гг. или 807 г.), в течение VIII века¹⁵.

Композиция поста:

Иерусалим vs Константинополь

Великий пост как в ДИ, так и новом тропология начинался с сырного воскресения, после недели подготовки, и заканчивался шесть пятниц спустя, когда вечерня Лазаревой субботы знаменовала начало празднования страстной недели, т.е. «недели пасхального поста», и Пасхи [25, р. 29]. Пост состоял из семи недель¹⁶ (подготовительной и шести постных) и восьми воскресений (1-е воскресение было мясопустным, 8-е – входом в Иерусалим). Литургия ИАК служилась по субботам, на которые переносили празднования памяти святых (Феодора Тирона, сорока севастиийских мучеников и др.)¹⁷, и воскресениям (неделя начиналась с воскресения и длилась до пятницы).

План контрастирует с константинопольским планом (ср.: Sin. Gr. 734 + 735, ТрГр) в отношении подготовительного периода и подсчета недель. В Константинополе с IX–X веков документируется прибавление перед мясопустным воскресения блудного сына (= № 3 в Иерусалиме): в лекционарях РНБ Греч. 43 (IX в., л. 1), РНБ Греч. 55 (X в., л. 109), Типиконе великой церкви (X в. [28, р. 2–3]), триодях Sin.Gr.734–735 (X в., л. 3), Vat. Gr. 771 (XI в., л. 8 об.) и др. А с XI века еще одного – мытаря и фарисея (= № 4 в Иерусалиме): в Евергетидском типиконе [29, с. 499], стихираре Sin. Gr. 1214 (XI–XII вв., л. 141), триоди Sin Gr. 755 (XII в., л. 3) и др. [30, с. 168–169]; памяти же

¹⁵ Последним иерусалимским автором великопостной гимнографии был Илия II, патриарх Иерусалимский († 797), автор канонов на восемь воскресений поста [12, с. 114–117]; [24, р. 89–149]; [15, с. 84–121].

¹⁶ Параллельно 7-недельной системе исчисления поста в Иерусалиме была 8-недельная [26, с. 23–50].

¹⁷ См. каноны Лаодикийского собора (364 г.): *Quod non oportet in quadragesima panem benedictionis offeri, nisi tantum sabbato et dominico* (Канон № 49), *Quod non oportet in quadragesima martyrum natalicia celebrari; sed eorum sancta commemoratio in diebus sabbatorum et dominicum fieri conveni* (№ 51, [27, р. 150–51]).

<i>ГЛ</i> [10], VI–VIII вв.			МСП ¹⁸ Вск (§283)	СЫР Вск (§320)	Вск [2] (§357)	Вск [3. БЛ сын] (§395)	Вск [4. МЫТ & ФАР] (§431)	Вск [5. МИЛ САМ] (§470)	Вск [6. БЕДН & ЛАЗ] (§520)	[Вск 7]. ВХОД (§576)
<i>ДИ</i> , V–VIII вв.			МСП Вск [13, р. 407]	СЫР Вск [13, р. 409]	Вск 2 [13, р. 434]	Вск 3 [13, р. 447]	Вск 4 [13, р. 461]	Вск 5 [13, р. 485]	Вск 6 [13, р. 499]	[Вск 7]. ВХОД [13, р. 295]
<i>MG</i> 56+5, VIII–IX вв.			МСП Вск л. 99 об.)	Вск 1 (л. 102)	Вск 2 (л. 107 об.)	Вск 3 (л. 110)	— утрата	Вск 5 (л. 112)	Вск 6 (л. 113 об.)	— утрата
<i>Sin. Gr.</i> 734+735, X в.		БЛ сын (л. 3)	МСП Вск СТР Суд (л. 20 об.)	СЫР Вск (f. 45)	Вск 1. Моисей, Аарон, др. + [ТОРЖ]. (л. 83)	— утрата	Вск 3. КРЕСТ (л. 15)	Вск Средины Поста [МИЛ САМ] (л. 49 об.)	Вск 5. БЕДН & ЛАЗ (л. 92)	Вск 6. ВХОД (л. 131 об.)
<i>ТрГр</i>	МЫТ & ФАР	БЛ сын	МСП Вск СТР Суд	ЕДЕМ	Вск 1. ТОРЖ	Вск 2. ПАЛАМА	Вск 3. КРЕСТ	Вск 4. ЛЕСТВ	Марии Егип	[Вск 6]. ВХОД

святых с конца IX века переносят в оформившуюся в Константинополе ежедневную миною [20, с. 94–13].

Таким образом, начальная рубрика *РНБ Греч. 87* «В первое воскресение святого поста вечером и в понедельник утром» коррелируется с новым иерусалимским тропологием и должна быть понята как «В сырное воскресение», в соответствии с иерусалимской системой исчисления поста (а не как первое, то есть Торжество православия, согласно с константинопольской традицией).

РНБ Греч. 87 — фрагмент нового иерусалимского тропология

Главные аргументы в пользу атрибуции *РНБ Греч. 87* как фрагмента нового иерусалимского тропология — это литургическая структура воскресных и будних дней и гимнографический репертуар, соответствующие среднеиерусалимской традиции.

¹⁸ Сокращения воскресений великого поста: МЫТ & ФАР — мытаря и фарисея, БЛ сын — блудного сына, МСП — мясопустное, СЫР — сырное, СТР суд — страшного суда, ЕДЕМ — изгнания из Едема, ТОРЖ — торжества православия, КРЕСТ — крестопоклонное, МИЛ САМ — милосердного самарянина, ЛЕСТВ — Иоанна Лествичника, БЕДН & ЛАЗ — бедного и Лазаря, ВХОД — вход в Иерусалим.

1. Аргумент 1: Литургическая структура воскресных и будничных дней

Инновация нового тропология *MG 56+5* в сравнении с *ДИ*¹⁹ заключалась в разработке корпуса текстов: а. *на отпуст* ИАК, б. особых гимнов на вечерни воскресения, среды и пятницы [9]. Они пелись после цикла стихир на «Господи воззвах» в конце вечерни и после цикла стихир на «Хвалите» в конце утрени, тогда как в *ДИ* с сырного воскресения до входа в Иерусалим повторялся гимн «Поспешим, люди» [13, р. 411]; [10, р. 330], а в среду и пятницу начиная с первой среды — «Тебе подобает песнь» [13, р. 417].

Именно это развитие отражено в *РНБ Греч. 87*²⁰. К сожалению, начало воскресного дня с гимнами ИАК не сохранилось, однако уцелевшие рубрики «В первое воскресение святого поста вечером и в понедельник утром», «В понедельник вечером и во вторник утром», «В среду утром» фиксируют новую в сравнении с *ДИ* практику пения особых гимнов на воскресение и среду.

¹⁹ Корпус *ДИ* составляли гимны: 1) на воскресную ИАК: прокимен + гимн *на синаксис*, 2) на воскресную вечерню: стихиры на «Господи, воззвах» + прокимен, 3) на ежедневную утрени: стихиры на «Хвалите», 4) на будничную вечерню: стихиры на «Господи, воззвах» + «гимн молитвы» + прокимен.

²⁰ Хотя нужно отметить, что гимны № 1–3 имеют надписание, а гимны № 4–7 — нет.

2. Аргумент 2: Гимнографический репертуар

Все семь гимнов *РНБ Греч. 87* обнаружены в *MG 56+5* (см. Index hymnographicus), из них два относятся к слою ДИ, пять — новейших, VIII—IX веков.

Архаичные гимны

Гимны «Начнем, люди» (№ 6) и «Очистим себя, братия» (№ 7) известны уже из ДИ. Как и другие архаичные гимны, они следуют евангельскому тексту почти дословно²¹.

<i>РНБ Гр. 87, № 6 / MG 56+5, л. 102 об. [9]</i>	ГЛ I § 320
Начнем, люди, пост непорочный, он — душ спасение! Поработаем Господу во страхе (Пс 2.11), елеем радости главы помажем и водою чистоты лица омоем! Да не пустословим на молитве, но, как научены, так [и] воззовем: «Отче наш, сущий на небесах, прости нам согрешения наши, ибо благой и человеколюбивый»	Мф 6.17: ты же постясь, помажь свою главу и лицо свое омой ²¹ Мф 6.7: Молясь же, да не пустословьте... Мф 6.9: молитесь так: Отче наш, сущий на небесах... Мф 6.12: и оставь нам долги наши...

Выбор цитируемого и иллюстрируемого в гимне евангелия не случаен. Иерусалимская гимнография великого поста отображала систему иерусалимских чтений его воскресных дней [25, р. 46–47]. Третье — шестое воскресения были посвящены историям о блудном сыне, мытаре и фарисее, добром самарянине, богаче и нищем Лазаре, и гимны этих недель пересказывали соответствующие сюжеты [12, с. 116]. Чтения же мясопустного (ГЛ I § 286: Мф. 6.34–7.21), первого (=сырного, ГЛ I § 326: Мф. 6.1–33) и второго (ГЛ I § 361: Лк. 15.1–10) воскресений носили общеназидательный характер. Поэтому гимны третьей — шестой недель были строго привязаны к своим позициям, а гимны мясопустной — второй были более подвижны.

В гимне «Начнем, люди» (№ 6) цитировалось евангелие, читавшееся в Иерусалиме в первое воскресенье поста²². Именно тогда этот гимн пелся

²¹ Текст Евангелия привожу в собственном переводе.

²² Цитирование этого отрывка Василием Великим в первом слове «На пост», оказавшем сильное влияние на гимнографию триоди [31, р. 164–198]; [25, р. 127–134], подтверждает его раннюю ассоциацию с временем поста: 1. ...умой свое

на умовение рук ИАК в ДИ [13, р. 409]; в этот же день он был помещен в новый тропологий *MG 56+5* (л. 102 об., № 1.2 по изд. [9]), где исполнялся на отпуст ИАК, и *РНБ Греч. 87* — как гимн одного из дней первой недели. Второй архаичный гимн «Очистим себя, братия» (№ 7) пересказывал притчу о мудрых девах, ожидающих Жениха Христа (Мф 25. 6–10). Это редкий пример ранней перестановки гимна ДИ [13, р. 504]: с вторника недели ваий, предшествующей страстной, когда читался фрагмент о мудрых девах (Мф. 24, 3–26, 2, см. ГЛ I § 615), в начало поста в новом тропологии (*MG 56+5*, вечерня мясопустного понедельника, л. 100 об., изд. № 0.4 [9]; *РНБ Греч. 87*, первая неделя), предлагая воспринимать не только страстной вторник, но и всю четырехдесятницу как подготовку к встрече с Женихом Христом. Причиной перестановки гимна могла стать его корреляция с уже ежедневно исполнявшимся в то время на полунощнице гимном «Се Жених грядет» (напр., *Sin.Gr. 864*, IX в., л. 51 [32, р. 238]; [33]). Диассоциация гимна со страстной неделей вписывала его в более широкий литургический контекст.

Новые гимны

Остальные пять гимнов (№ 1–5) — новые, два крестные и три обычные. Гимн «Прежде креста» (№ 4) надписан в *MG 56+5* (= № 2.8 в *MG 56+5*, л. 109 об.—110) именем «Андрея». Андрей традиционно ассоциировался с талантливым поэтом, монахом великой лавры Саввы Освященного и младшим современником Иоанна и Космы Иерусалимских Андреем Пиром (конец VIII — начало IX в.)²³. Атрибуция *MG 56+5* согласуется с перечнем митрополита Софрония (Евстратиадиса), по которому Андрею принадлежат также гимны № 2, 4, 5 [34, р. 9, 10, 12].

В этих гимнах очевиден переход от евангельских цитат к развитию интерпретации. Так, появляется развернутая метафора «причащения Агнцу» (№ 2, 5). Агнец — символическое именование Иисуса Христа, принесшего Себя в жертву для спасения человека (Ин. 1, 29). Исконное литургическое место образа — страстной четверг, когда в древнеиерусалимской традиции на великий вход пели тропарь «Агнец Божий»²⁴. К нему

лицо и помажь свою главу... 2. Помажь свою главу, и умой лицо... Помазавшийся помазан (Ὁ ἀλειψάμενος ἐχρίσαστο), умывшийся омыт (ὁ νιψάμενος ἀπεπλύναστο [31, р. 164–165]).

²³ По подсчетам Евстратиадиса, Андрей написал 85 самогласных гимнов на все дни великого поста, кроме воскресений [34, р. 3–25]; [15, с. 114–117].

²⁴ Ὁ ἀμνὸς τοῦ Θεοῦ, ὁ αἴρων τὴν ἀμαρτίαν τοῦ κόσμου, πρόκειται νῦν εἰς θυσίαν τῷ Πατρὶ ὑπὲρ τῶν τοῦ λαοῦ

восходит сотериологическое значение образа. Дополнительное, эсхатологическое, значение имеет началом слова из книги Откровения о пришедших «от великой скорби», о пребывающих «пред престолом Бога» и служащих «Ему день и ночь в храме Его» (Откр. 7, 14, 15), им же уготован брак Агнца (Откр. 19, 7.9). Очевидно, что образы новых гимнов все более погружались в общее семантическое поле типологических интерпретаций византийской письменности.

Крестные, гимны, посвященные кресту (№ 3, 4), также отличались от более архаичных, из ДИ [36, р. 126, 143–144 et passim] и греко-мелькитских сборников октоишного типа²⁵. Если там они имели догматический характер и раскрывали идею грехопадения Адама, его искупления на кресте и воскресения, то в новом тропологии соединили богословие креста с темами иерусалимского лекционаря – мытаря и фарисея, блудного сына и т.д., а будучи отделены от него, теряли первоначальное значение²⁶.

Прием совмещения разных тематических пластов в гимнографии применялся уже Иоанном и Космой Иерусалимскими в ирмосах – там совмещались сюжеты библейских песен с повествованиями о праздниках: «На божественной стражи богоглаголивый Аввакум да станет с нами и покажет светносна ангела, ясно глаголюща: днесь спасение миру, яко воскресе Христос, яко всеилен» (канон Пасхи, Иоанн, ирмос 4). Далее прием разрабатывался их младшим современником Андреем Пиром в *крестных*, и постепенно он входил в ткань византийской поэзии. Например, в минее на март – апрель X в. *Sin.Gr.607* сохранилось немало подобных текстов: в богородичне канона мученикам Феодулу и Агафоподу автор совместил темы догматического учения о Богородице и жития святых: «Ты, о Дева Матерь Божия, Дева Матерь непорочная, родила во чреве Спасителя и всемогущего Господа. Его Агафопод с Феодулом преславным проповедал Бога истинного и человека» [20, с. 103, 136–137, 182].

Крестен классический	Крестен недели мытаря и фарисея, Андрей, <i>MG 56+5</i> , л. 111–111 об., изд. № 4.4 [9]	Крестен <i>РНБ Gr. 87</i> , № 3
Древом Адам рая бысть изселен, древом же крестным разбойник в рай вселися. Ов убо вкуш, заповедь отверже Сотворшаго; ов же сраспинаем, Бога исповеда Таящагося, помяни мя, вопия, во царствии Твоем	Мытаря превзойдя согрешеньми, не равняюсь с ним в покаянии. Фарисея не стяжав достижений, уподобился [его] превозношению. Но бесовское высокомерие, Христе Боже, Своим безмерным совершенством на кресте разрушив, первого лукавства изыми меня и последнего отчаяния, утверди в душе полезное расположение и спаси меня	Приидите страсти помыслов постом поработим, облеченные духовными крылами бурю, воздвигаемую врагом легко преодолеем, [и] достойны будем кресту устремления, Христа, на жертву пригвожденного добровольно Бога. Да духовно празднуем из мертвых Спасителя воскресение! Сопрославим с вознесенными на горе учениками власть от Отца воспринявшего Сына и Человеколюбца

ἀγνοημάτων, νοεροῖς ὄμμασι καὶ πιστῇ διάνοιᾳ κατανοῦντες τὸ τῆς αἰωνίου διαθήκης μυστήριον, μετὰ τῶν ἄνω δυνάμεων καθαροῖς τοῖς χεῖλεσι βοήσωμεν· ἅγιος εἶ, σωτὴρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν (*MG 56+5*, л. 130). Сохранился в ГЛ (ГЛ I, § 639b, гл. 2), был рано вытеснен другими небиблейскими рефренами [35, S. 126, 128–129].

²⁵ Репертории крестных: *E 26* (IX–X вв., 3 и 4 плаг. гл.); *MG 85a, b* (IX в., 1 гл.); *MG 83* (IX–X в., 1 плаг. гл.); *MG 29* (IX–X вв., 3 гл.) и др. Следующие древние крестны по сей день используют в богослужении: «Дал еси знамение», «Крестом Адам», «Крест Твой, Господи», 4 гл. (*MG 90*, IX в., свиток, без пагинации).

²⁶ Крестны стали первым шагом к интеграции осмогласных песнопений в великопостный цикл. Позднее византийская триодь включит в понедельник и вторник гимны о покаянии, в среду и пятницу – кресту, в четверг – апостолам,

Принципы интеграции гимнов

Итак, более архаичные гимны, из ДИ, включались в новый тропологий с учетом их позиции, чтобы не разрушать стройную структуру великого поста, привязанную к иерусалимскому лекционарю (№ 6). Нарушение этого правила в каждом отдельном случае имело свои причины и вело к развитию символических интерпретаций (№ 7).

в субботу – пророкам, мученикам, иерархам, усопшим (ср. в Октоихе: понедельник – ангелам, вторник – Иоанну Предтече, среда, пятница – кресту, четверг – апостолам, свт. Николаю, суббота – пророкам, мученикам) [11, с. 422–424]; [30, S. 18–19].

Далее гимнографический великопостный репертуар нового тропология был почти целиком введен в византийскую триодь [9]²⁷, в том числе семь гимнов из *РНБ Греч. 87*. Триодь *Sin. Gr. 734* интегрировала гимны № 1–7 под рубрикой ‘Ανατολικά’ («Восточны») ²⁸, что в константинопольских кодексах свидетельствовало о палестинском происхождении и зеркально отражало термин ‘Βυζαντιον’ (‘Византийский’), который в палестинских кодексах обозначал константинопольские тексты [20, с. 61, 92]; [37, с. 104–106]. Триодь *РНБ Греч. 712* включила гимны № 1, 2, 4, 7²⁹. Гимны № 1, 2, 3 сохранили и свое место, и день, гимны № 4, 6 удержали место в пределах недели, № 5 и 7 были переставлены на предыдущую неделю. Однако в отличие от адаптации гимнов из ДИ в новый тропологий здесь сохранение позиции вело к обратному эффекту: константинопольский лекционарь не совпадал с иерусалимским, гимны оказались полностью диассоцированными с реальными чтениями, которые иллюстрировали. Поэтому вместе с первыми сдвигами (№ 7) происходили более явный отрыв от первоначальных смыслов и развитие новых символических толкований, чему способствовало также привлечение профессиональных поэтов к созданию новых текстов, с учетом всего спектра общих типологических интерпретаций византийской литературы.

3. Пояснение атрибуции

Сделать вывод о составе книги по одному листу не представляется возможным, так как лист мог быть черновой или дополнительный и никогда не входил в полноценную книгу. Об этом косвенно свидетельствует то, что гимны на л. 1 об. не имеют рубрикации в отличие от гимнов на л. 1. Поэтому атрибуция листа *РНБ Греч. 87* как представляющего новый иерусалимский тропологий выполнена типологически, то есть

²⁷ Напр., в *MG 56+5*: 43 текста из 52, преимущественно как стиховны на вечерне или утрене [9].

²⁸ Л. 2 об. и 50, 53 об., 57 об., 37 об.–38, 2 об., 53 об., 37 об.–38.

²⁹ Л. 16 об., 22, 5 об.–6.

по типу структуры – один гимн на один день, и по репертуару.

4. ВЫВОДЫ

1. Фрагмент *РНБ Греч. 87* сохранил постовую часть нового иерусалимского тропология. Это вторая находка подобной коллекции на греческом языке после *MG 56+5*. Ее можно датировать временем жизни ее основных авторов, т.е. VIII в.

2. Главные дифференцирующие признаки *РНБ Греч. 87* – литургическая структура (распределение гимнов по одному на день под рубриками «В первое воскресение святого поста вечером и в понедельник утром» и т.д.) и репертуар.

3. Сохранились семь гимнов вечерни и утрени, из них два архаичных унаследованы из репертуара Древнего иадгари и пять новых, из них два – *крестные*.

4. *Крестные* исполнялись по средам и пятницам и соединяли богословие креста с сюжетами иерусалимских чтений воскресений великого поста.

5. Шесть из семи гимнов традиционно атрибутируют поэту Андрею, причем атрибуция гимна № 4 подтверждается атрибуцией в *MG 56+5*.

6. Великопостная гимнография нового иерусалимского тропология была основана на иерусалимской системе чтений, являясь их иллюстрацией. Интерпретация развивалась от цитирования евангелия в архаичных (№ 6, 7) к разработке символической и общетипологической в новых гимнах (№ 2, 5).

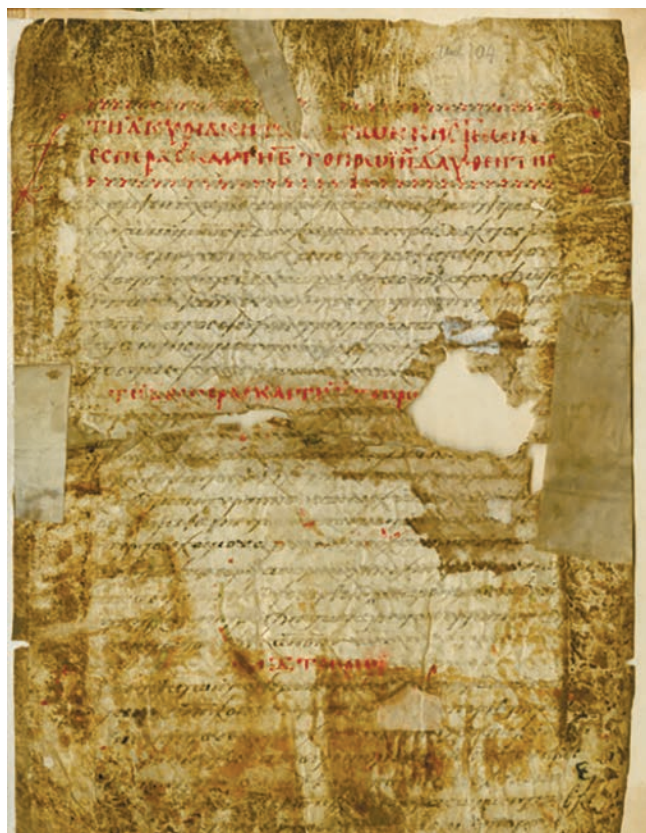
7. Все семь гимнов были включены в византийскую триодь, возникшую в IX в. в Константинополе. Их интеграция тяготела к их исходным позициям, как это было ранее с интеграцией гимнов ДИ в новый тропологий. Однако из-за отличия константинопольского лекционаря от иерусалимского вело к большей диассоциации с реальными чтениями и вместе с первыми сдвигами гимнов (№ 7) и развитием профессиональной гимнографии расширяло интерпретационные спектры.

Index hymnographicus

<i>РНБ Греч. 87</i>	<i>РНБ Греч. 87</i>	ДИ	<i>MG 56+6</i>	<i>РНБ. Греч. 712</i>	<i>Sin. Gr. 734+ 735</i>	Тр Гр	Follieri	Евстратиадис
6	Ἀρξώμεθα, λαοί	+	№ 1.2 отпуст		+в	+	+	Андрей
1	Ἐλαμψεν ἡ χάρις σου		№ 2.3	+	+в	+	+	
7	Καθαρίσωμεν ἑαυτούς	+	№ 0.4	+	+в	+	+	Андрей
5	Λιχνευσάμενοι, τὴν πρώτην		№ 0.11, на полях		+в	+	+	Андрей
2	Νηστείαν οὐκ ἀποχὴν		№ 1.1, синаксис	+	+в	+	+	Андрей
3	Νηστεία τῶν λογισμῶν		№ 1.6		+в	+	+	
4	Πρὸ τοῦ σωτηρίου σταυροῦ		№ 2.8 крестен, Андрей	+	+в	+	+	Андрей

Иллюстрации

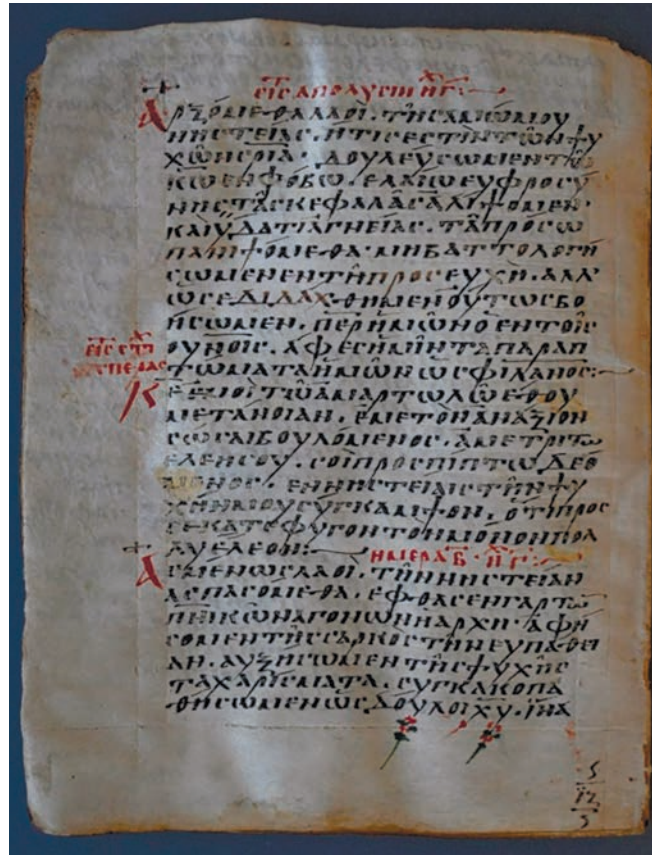
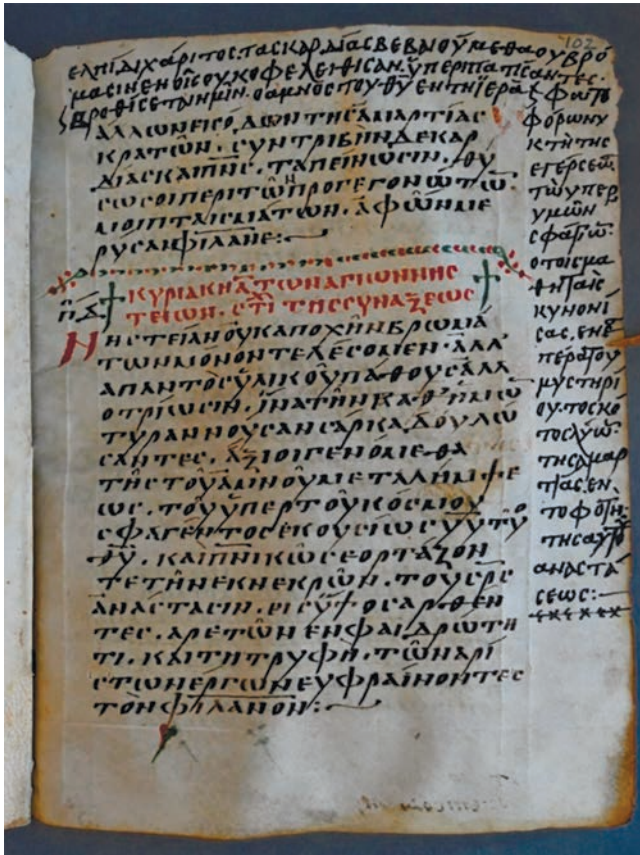
Илл. 1. Великопостная коллекция в *РНБ Греч. 87*.

©РНБ, Санкт-Петербург. *РНБ Греч. 87*, VIII–IX вв., л. 1–10б.

† Τῆ α' κυριακῆ τῶν ἁγίων νηστείων ἑσπέρας καὶ τῆ β' τὸ πρωί. ᾠχ. δ'. αὐθεντικ(ός). † «В первое вос-
кресение святого поста вечером и в понельник утром. Глас 4 автентический».

Илл. 2. Великопостная коллекция в *MG 56+5*.

©Монастырь св. Екатерины. Синай (Египет). *Sinai Gr. NF MG 56+5*, VIII–IX вв., л. 102–102 об.

† Κυριακῆ α' τῶν ἁγίων νηστείων. Στιχηρὸν τῆς συνάξεως. {{ᾠχ.} πλ. δ'.}†

† «В первое воскресение святого поста вечером». Стихира на синаксис. {{Глас] 4.}†

СОКРАЩЕНИЯ

ДИ – Древний Иадгари

ИАК – литургия апостола Иакова

ГЛ – Грузинский Лекционарь

Follieri – инципитарий Фоллиери

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wesseling K.-G. Tischendorf // Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon / Ed. F.W.Bautz. T. 12. Herzberg: Verlag Traugott Bautz, 1997. S. 167–181.*
2. *Романова Т.В. Константин Тишендорф и синайские рукописи его коллекции // Е.В. Крушельницкая, Ж.Л. Левшина (ред.). Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных исследованиях. СПб.: РНБ, 2012. С. 213–215.*
3. *Tischendorf C. Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici... Accedit catalogus codicum nuper ex Oriente Petropolim perlatorum. Lipsiae, 1860.*
4. *Muralt E., de. Catalogue de manuscrits grec de Bibliothèque Imperial publique. St. Petersburg, 1864.*
5. *Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1: Рукописи IV–IX веков // Византийский Временник. 1959. Т. 16. С. 216–243.*

6. Лебедева И.Н. Каталог греческих рукописей Российской Национальной Библиотеки. СПб., 2014.
7. D'Aiuto F. 'La 'scrittura mista' maiuscola d'area medio-orientale' // D.D.Ch. Brockmann (a cura di), Griechisch-byzantinische Handschriftenforschung: Traditionen, Entwicklungen, neue Wege. Berlin: W. de Gruyter, 2020. S. 145–169.
8. Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. М., 2020.
9. Nikiforova A., Tucker G., Bauer S. A 'Hagiopolite-protopriodion' in the new Tropologion *Sin. Gr. NE MG 56+5*: Quadragesima Hymns // *Orientalia Christiana Periodica* (в печати).
10. Tarchnischvili M. Le Grand Lectionnaire de l'Église de Jérusalem (V^e–VIIIe siècle). Louvain 1959 [=CSCO 189, *Scriptores Iberici* 10]. T. I.
11. Хевсуриани Л. Иадгари // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 419–424.
12. Хевсуриани Л. Структура древнейшего тропология. Тбилиси, 1984.
13. Renoux C. L'Hymnaire de Saint-Sabas (V–VIII siècle): Le manuscrit géorgien H 2123. III. De La Nativité de Notre Seigneur Jésus-Christ au Samedi de Lazare. Turnhout 2021 [PO 58, fasc. 2, № 254].
14. Quinlan A. *Sin. Gr. 734–735 Triodion. Excerpta ex Diss. ad Doct. PIO, Newberry Springs, 2004.*
15. Карабинов И.А. Постная триодь. Санкт-Петербург: Тип. В.Д. Смирнова, 1910.
16. Гранстрем Е. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2: Рукописи X века // Византийский Временник. 1961. № 18. С. 254–274.
18. Τριῳδιον κατανοητικόν. Ἐν Ἀθῆναις, Ἔκδ. τῆς Ἀποστολικῆς διακονίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος 2017.
19. Follieri H. *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. Vols. I–V. [Studi et Testi 211–215]. Città del Vaticano, 1961–1962.*
20. Никифорова А.Ю. Из истории Минеи в Византии. На материале гимнографических памятников VIII–XII вв. Из собрания монастыря св. Екатерины на Синае. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
21. Nikiforova A., Frøyshov S. R., Smelova N. Byzantine Influence Before Byzantinization: The Tropologion Sinai Greek NE MG 56+5 compared with the Georgian and Syriac Melkite versions // *Religions journal*. 2023. Vol 14. Issue 11. <https://www.mdpi.com/2077-1444/14/11/1363>
22. Mercier Chr. *La Liturgie de saint Jacques: édition critique du texte grec avec traduction latine [PO 26]. Paris, 1946.*
23. Булаев Е. Октоих // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 52. С. 535–545.
24. Bertonière G. Four Liturgical Canons of Elias II of Jerusalem // H-J. Feulner, E. Velkovska, R. Taft (eds.). *Crossroads of Cultures. Studies in Liturgy and Patristics in Honor of Gabriele Winkler. Rome, 2000. S. 89–149.*
25. Bertonière G. *The Sundays of Lent in the Triodion: The Sunday Without a Commemoration. Roma, 1997 [OCA 253].*
26. Verhelst S. *Histoire ancienne de la durée du carême à Jérusalem // Questions liturgiques 84. 2003. S. 23–50.*
27. Joannou P.P. *Discipline générale antique (IV–IX s.). I.2. Les canons des Synodes Particuliers [Fonti. Fasc. IX]. Grottaferrata, 1962.*
28. Mateos J. *Le Typicon de la Grande Eglise: Ms. Sainte-Croix n° 40 Xe siècle. Roma, 1963. T. II [OCA 166].*
29. Дмитривевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I. Киев, 1895.
30. *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil I: Vorfastenzeit / M.A.Momina, N.Trunte (eds.). Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004.*
31. S. Basilii Magni oratio de ieiunio 1–2 / ed. J.P. Migne // *Patrologiae Graecae cursus completus. Paris, 1837. T. 31. P. 164a–184c.*
32. Ajjoub M. (*Leila*). *Livre d'heures du Sinai (Sin.gr.864). Intr., texte critique, trad., notes et index [SC 486]. Paris: Les éditions du CERF, 2004.*
33. Glibetic N. *A New Eleventh-Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai // Archeographical Papers 37. 2015. S. 11–48.*
34. Eustratiades S. 'Ἀνδρέας ὁ Πηρὸς ἡ Τυφλός,' *EEBS 10 (1931) 3–25.*
35. Leeb H. *Die Gesänge im Gemeindegottesdienst von Jerusalem (Vom 5. bis 8. Jahrhundert). Wien, 1970. [Wiener Beiträge zur Theologie; Bd. 28].*
36. Renoux C. *Les Hymns de la Résurrection. II. Hymnographie liturgique géorgienne texte des manuscrits Sinai 40, 41 et 34. Turnhout, 2010 [PO 52, fasc. 1, № 231].*
37. Желтов М., Булаев Е. Стихиры воскресного Октоиха в Древнем Тропологии // *Христианское чтение. 2018. № 3. С. 94–111.*
38. Момина М.А., Фонкич Б.Л. Греческая Триодь X–XI вв. Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // *Мравалтави. Т. XV. Тбилиси, 1989. С. 56–110.*

REFERENCES

1. Wesseling, K.-G. Tischendorf. *Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon*. Ed. F.W. Bautz. T. 12. Herzberg: Verlag Traugott Bautz, 1997, pp. 167–181. (In German)
2. Romanova, T.V. *Konstantin Tischendorf i sinayskie rukopisi ego kollektzii* [Constantin Tischendorf and Sinaitic Manuscripts From His Collection].

- Krushelnitskaya, E.V., Levshina, Zh. L. (eds.) *Sinajskij kodeks i pamjatniki drevnej hristianskoj pismennosti: tradizii i innovazii v sovremennih issledovanijah* [Krushelnitskaya E.V., Levshina Zh. L. (eds.), Codex Sinaiticus and Old Manuscripts of Early Christian Writing: Traditions and Innovations in Modern Research]. St. Petersburg: National Library of Russia Publ., 2012, pp. 213–215. (In Russ.)
3. Tischendorf, C. Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici... Accedit catalogus codicum nuper ex Oriente Petropolim perlatrorum. Lipsiae, 1860. (In Latin)
 4. Muralt, E., de. Catalogue de manuscrits grec de Bibliothèque Imperial publique. St. Petersburg, 1864. (In French)
 5. Granstrem, E. *Katalog grecheskih rukopisej leningrad-skih hranilish. Vip. 1: Rukopisi IV–IX vekov* [A Catalogue of Greek Manuscripts in the Archives of Leningrad. No. 1: 4th–9th Centuries Codices]. *Vizantijskij Vremennik* [Byzantine Xronika]. 1959, No. 16, pp. 216–243. (In Russ.)
 6. Lebedeva, I. *Katalog grecheskih rukopisej Rossijskoj Nazionalnoj Biblioteki* [A Catalogue of Greek Manuscripts In National Library of Russia]. St. Petersburg, 2014. (In Russ.)
 7. D’Aiuto, F. ‘La ‘scrittura mista’ maiuscola d’area mediorientale’. In: D.D.Ch. Brockmann (a cura di), Griechisch-byzantinische Handschriftenforschung: Traditionen, Entwicklungen, neue Wege. Berlin: W. de Gruyter, 2020, pp. 145–169. (In German)
 8. Fonkich, B.L. *Vizantijskij majuskul VIII–IX vv.* [Byzantine 8th–9th cc. Majuskule]. Moscow, 2020. (In Russ.)
 9. Nikiforova A., Tucker G., Bauer S. A ‘Hagiopolite-prototriodion’ in the new Tropologion *Sin. Gr. NE MF 56+5*: Quadragesima Hymns. *Orientalia Christiana Periodica* (in press).
 10. Tarchnischvili, M. Le Grand Lectionnaire de l’Église de Jérusalem (V^e–VIIIe siècle). Louvain, 1959 [=CSCO 189, Scriptores Iberici 10], T. I. (In French)
 11. Khevsuriani, L. Iadgari. *Pravoslavnaja Jenciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2009, Vol. 20, pp. 419–424. (In Russ.)
 12. Khevsuriani, L. *Struktura drevnejshego tropologia* [The Structure of the Ancient Tropologion]. Tbilisi, 1984. (In Russ.)
 13. Renoux, C. L’Hymnaire de Saint-Sabas (V–VIII siècle): Le manuscrit géorgien H 2123. III. De La Nativité de Notre Seigneur Jésus-Christ au Samedi de Lazare. Turnhout, 2021 [PO 58, fasc. 2, № 254]. (In French)
 14. Quinlan, A. *Sin. Gr. 734–735 Triodion. Excerpta ex Diss. ad Doct. PIO*, Newberry Springs, 2004.
 15. Karabinov, I. *Postnaja triod’* [Lenten Triodion]. St. Petersburg, 1910. (In Russ.)
 16. Granstrem, E. *Katalog grecheskih rukopisej leningrad-skih hranilish. Vip. 2: Rukopisi X veka* [The Catalogue of Greek Manuscripts in the Archives of Leningrad. N. 2: The 10th c. Codices]. *Vizantijskij Vremennik* [The Byzantine Almanac]. 1961, No. 18, pp. 254–274. (In Russ.)
 18. Τριῳδιον κατασκευτικόν. Ἐν Ἀθήναις, Ἔκδ. τῆς Ἀποστολικῆς διακονίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος 2017. (In Greek)
 19. Follieri, H. *Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. Vols. I–V.* [Studi et Testi 211–215]. Città del Vaticano, 1961–1962. (in Latin)
 20. Nikiforova, A.Ju. *Iz istorii Minei v Vizantii. Na materiale gimnograficheskikh pamjatnikov VIII–XII vv. iz sobranija monastyrja sv. Ekateriny na Sinae* [Towards the Menaion History in Byzantium: 8th–12th Centuries Hymnographic Manuscripts From the St. Catherine’s Monastery on Sinai]. Moscow, 2013. (In Russ.)
 21. Nikiforova, A., Frøyskov, S. R., Smelova, N. Byzantine Influence Before Byzantinization: The Tropologion Sinai Greek NE MF 56+5 compared with the Georgian and Syriac Melkite versions. *Religions journal*, 2023, 14-11. <https://www.mdpi.com/2077-1444/14/11/1363>
 22. Mercier, Chr. *La Liturgie de saint Jacques: édition critique du texte grec avec traduction latine* [PO 26]. Paris, 1946. (In French)
 23. Bulaev, E. Oktoih [Oktoechos]. *Pravoslavnaja Jenciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2018. Vol. 52, pp. 535–545. (In Russ.)
 24. Bertonière, G. Four Liturgical Canons of Elias II of Jerusalem. In: Feulner, H.-J., Velkovska, E., Taft, R. (eds.). *Crossroads of Cultures. Studies in Liturgy and Patristics in Honor of Gabriele Winkler*. Rome, 2000, pp. 89–149.
 25. Bertonière, G. The Sundays of Lent in the Triodion: The Sunday Without a Commemoration. Roma, 1997 [OCA 253].
 26. Verhelst, S. Histoire ancienne de la durée du carême à Jérusalem. *Questions liturgiques 84*. 2003, pp. 23–50. (In French)
 27. Joannou, P.P. Discipline générale antique (IV–IX s.). I.2. Les canons des Synodes Particuliers [Fonti. Fasc. IX]. Grottaferrata, 1962. (In French)
 28. Mateos, J. Le Typicon de la Grande Eglise: Ms. Sainte-Croix n° 40 Xe siècle. Roma, 1963, T. II [OCA 166]. (In French)
 29. Dmitrievsky, A.A. *Opisanie liturgicheskikh rukopisej, hranjashihsja v bibliotekah provoslavnogo Vostoka* [The Description of Liturgical Manuscripts, Kept In the Libraries of Orthodox Orient]]. T. I. Kiev, 1895. (In Russ.)
 30. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil I: Vorfastenzeit. Momina, M.A., Trunte, N. (eds.). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004. (In German)

31. S. Basilii Magni oratio de ieiunio 1–2. Ed. J.P. Migne. *Patrologiae Graecae cursus completus*. Paris, 1837, T. 31, pp. 164a–184c. (In Latin)
32. Ajjoub, M. (Leila). Livre d'heures du Sinai (Sin. gr.864). Intr., texte critique, trad., notes et index [SC 486]. Paris: Les éditions du CERF, 2004. (In French)
33. Glibetic, N. A New Eleventh-Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai. *Archaeographical Papers*. 2015, No. 37, pp. 11–48.
34. Eustratiades, S. 'Ἀνδρέας ὁ Πηρὸς ἢ Τυφλός,' *ΕΕΒΣ* 10, 1931, pp. 3–25.
35. Leeb, H. Die Gesänge im Gemeindegottesdienst von Jerusalem (Vom 5. bis 8. Jahrhundert). Wien, 1970. [Wiener Beiträge zur Theologie; Bd. 28]. (In German)
36. Renoux, C. Les Hymns de la Résurrection. II. Hymnographie liturgique géorgienne texte des manuscrits Sinai 40, 41 et 34. Turnhout, 2010 [PO 52, fasc. 1, № 231]. (In French)
37. Zheltov, M., Bulaev, E. *Stihiri voskresnogo Oktoiha v Drevnem Tropologii* [Stichera of Sunday Oktoechos in the Old Tropologion]. *Hristianskoe chtenie* [Christian Reading]. St. Petersburg, 2018, No. 3, pp. 94–111. (In Russ.)
38. Momina, M.A., Fonkich, B.L. *Grecheskaya Triod' X–XI vv. Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M.E.Saltikova-Shedrina* [A Greek 10th–11th c. Triodion from the Saltikov-Shedrin' State Public Library]. *Mravaltavi*. Vol. XV. Tbilisi, 1989, pp. 56–110. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 августа 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 сентября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on August 24, 2023

Revised on September 10, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010081

Из истории «ультимативных» союзов *не то* и *а не то* (по данным Национального корпуса русского языка)

© 2024 г. А. В. Птенцова

Кандидат филологических наук,
доцент Совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, 518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1,
доцент филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, Гоголевский б-р, д. 12/18/1, стр. 1, 3,
научный сотрудник Института языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
anna.ptentsova@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается семантическая история коннекторов *не то* и *а не то*, выступающих в качестве так называемых союзов «угрозы», то есть используемых для выражения угрозы в ситуации, которую можно определить как выдвижение ультиматума (*Верните мне деньги, а не то <не то> подам в суд!*). Исследование опирается на материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Согласно данным НКРЯ вариант *а не то* является первичным по отношению к *не то*; он фиксируется с XVI в. и первоначально имеет в своем значении компоненты 'гипотетичность' и 'взаимоисключение'. Главная часть, следующая за клаузой с *а не то* и присоединяемая к ней при помощи коррелята, указывает на следствие — как негативное, так и положительное — из ситуации, описываемой клаузой с *а не то*; затем *а не то* закрепляется в контекстах, где главная часть указывает на негативное следствие, и в частности на негативную ситуацию, каузированную каким-либо субъектом (контексты угрозы). Постепенно коррелят, вводящий главную часть, становится все более факультативным, граница между клаузами стирается, и *а не то* начинает осмысляться в качестве коннектора, вводящего клаузу с указанием на негативное следствие.

Двучленный коннектор *не то* единожды фиксируется в НКРЯ в XVII в.; за единственным исключением в составе этого уникального контекста, при нем никогда не употребляется коррелят. Начиная с XIX века во всех рассмотренных случаях интересующего нас типа *не то* оказывается полностью синонимичен *а не то* и может рассматриваться в качестве его варианта.

Благодарность. Работа поддержана грантом РНФ № 22-18-00528.

Ключевые слова: история русского языка, условные союзы, союзы со значением негативного следствия, Национальный корпус русского языка.

Для цитирования: Птенцова А.В. Из истории «ультимативных» союзов *не то* и *а не то* (по данным Национального корпуса русского языка) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 90–96. DOI: 10.31857/S1605788024010081

From the History of “Ultimatum” Conjunctions *ne to* and *a ne to* ‘or else’ (According to the Russian National Corpus)

© 2024 Anna V. Ptentsova

Cand. Sci. (Philol.),
Docent of Shenzhen MSU-BIT University, No 1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC,
Docent of the Philological faculty at the M. V. Lomonosov Moscow State University,
1 bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Senior Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
12/18/1b. 1, 3, Gogolevsky Boulevard, Moscow, 119019, Russia,
Researcher of the Institute of the Linguistics of the Russian Academy of Science,
1 bld. 1 Bolshoy Kislowsky Lane, Moscow, 125009, Russia
anna.ptentsova@gmail.com

Abstract. The article examines the semantic history of the connectors *ne to* and *a ne to* ‘or else’ used as so-called “threat” conjunctions, that is, used to express a threat in a situation that can be defined as a proposal of an ultimatum (*Give me back my money, or else [“ne to” <“a ne to”>] I’ll sue!*). The study is based on materials of the Russian National Corpus (RNC). According to the RNC, *a ne to* is primary in relation to *ne to*; the first one has been recorded since the 16th century and initially has in its meaning the components ‘hypothetical’ and ‘mutual exclusion’. The main clause, following the clause with *a ne to* and attached to it by a correlate, indicates a consequence — both negative and positive — from the situation described by the clause with *a ne to*; then *a ne to* is fixed in contexts where the main clause indicates a negative consequence and, in particular, a negative situation caused by a person (threat contexts). Gradually, the correlate in the main clause becomes more and more optional, the boundary between clauses is erased, and *a ne to* begins to be conceptualized as a connector that introduces a clause indicating a negative consequence.

The binomial connector *ne to* was once recorded in the RNC in the 17th century; with one exception in this unique context, a correlate is never used. Since the 19th century, in all the considered cases, it turns out to be completely synonymous with *a ne to* and can be considered as its variant.

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00528.

Key words: the history of Russian language, conditional conjunctions, conjunctions of the negative consequence, Russian National Corpus.

For citation: Ptentsova, A.V. *Iz istorii “ultimativnyh” soyuzov ne to i a ne to (po dannym Nacionalnogo korpusa russkogo yazyka)* [From the History of “Ultimatum” Conjunctions *ne to* and *a ne to* ‘or else’ (According to the Russian National Corpus)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serîâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 90–96. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010081

Настоящая статья посвящена семантической истории коннекторов *не то* и *а не то*, охарактеризованных в [5] как составные синтаксически немотивированные союзы, выражающие альтернативно-мотивирующее значение, то есть значение, образованное в результате синтеза компонентов взаимосключения и гипотетичности [1, I, с. 717]; [1, II, с. 627].

В современном русском языке оба варианта регулярно используются для выражения угрозы в ситуации, которую условно можно назвать выдвиганием ультиматума¹; ср.: *Верните мне*

деньги, а не то <не то> подам в суд! (ср. в связи с этим: «Значение альтернативной мотивации, как правило, осложнено субъективной оценкой: предполагаемая ситуация <...> оценивается как нежелательное следствие неосуществления того, о чем говорится в первой части» [1, II, с. 627]).

Семантика и функции этих служебных единиц в современном языке неоднократно становились объектом внимания исследователей, см., в частности, [2], [3], [4]; ср. также материалы базирующегося на данных Национального корпуса русского языка ([5], далее НКРЯ²) проекта [6], где соответствующие конструкции

¹ *Не то* и *а не то* в данной функции уместно считать вариантами одного союзного средства, поскольку никаких сколь-нибудь существенных семантических и синтаксических отличий между ними не существует.

² Дата обращения: 04.12.2023.

определяются как союзы «угрозы», представляющие собою частный случай союзов следствия: «Союзы “угрозы”... условно могут быть отнесены к союзам следствия, но на самом деле их семантика сложнее. *X, а (не) то Y* предполагают, что если не будет выполнено условие *X*, то возникнет нежелательная ситуация *Y* (то есть невыполнение *X* влечет за собой нежелательные последствия *Y*)» [7].

Таким образом, коннектор (*a*) *не то* совмещает в современном языке функции союзов условия и следствия: в его семантику входят компоненты ‘гипотетичность’, ‘взаимоисключение’ и ‘нежелательное следствие’.

Данные НКРЯ позволяют дать исторический комментарий к описаниям, предложенным в [1] и в [6], — определить, когда появился данный комплекс служебных слов, как именно он выглядел первоначально; каким образом и когда у него сформировалось «ультимативное» значение, а также ответить (по крайней мере, предположительно) на вопрос, является ли двучленный вариант *не то* первичным по отношению к трехчленному варианту *a не то* или дело обстоит обратным образом.

Обращение к НКРЯ показывает, что интересующий нас коннектор появляется в русском языке относительно поздно. В древнерусский период близкое значение выражалось при помощи конструкции *паки ли* (‘если напротив’, ‘в обратном случае’), ср.: *Изяславъ же <...> почае слати въ оугры <...> и в лахы <...> и къ чешскому князю свату своему володиславъ проса оу нихъ помочи. а быша всѣли на конѣ сами полкы своими. Понти къ кыевъ паки ли самѣмъ немочьно понти бѹде(т). а полкы своя пѹстатъ* ‘Изяслав же стал слать послов к уграм <...> и к ляхам, и к чешскому князю, свату своему, Владиславу, прося у них помощи, — чтобы сели сами на коней со своими полками, чтобы пойти к Киеву; если же, напротив, им самим нельзя будет пойти, то пусть пошлют (только) свои полки’ (Киевская летопись, XII в.).

Как видно из контекста, конструкция *паки ли* содержит компоненты ‘гипотетичность’ и ‘взаимоисключение’ (поскольку вводимая при помощи *паки ли* клауза *самѣмъ немочьно понти бѹде(т)* указывает на потенциальную ситуацию, реализация которой исключает реализацию ситуации, описанной в левом контексте, — *всѣли на конѣ сами полкы своими*), но не содержит компонента ‘нежелательное следствие’. Значение следствия (однако отнюдь не являющегося здесь нежелательным, а наоборот, весьма желаемого говорящими) содержится в главной клаузе, присоединяемой при

помощи служебного слова *а*. Тем самым синтаксическая структура вида *паки ли... а* в точности соответствует современным предложениям с придаточным условия, ср.: «В условных предложениях значение обусловленности конкретизировано как взаимная связь ситуаций предопределяющей (в придаточной части) и <...> ситуации-следствия (в главной части)» [1, II, с. 562].

Конструкция *паки ли* могла вводить клаузу с эксплицитным описанием «обратной» ситуации, как в примере выше, но могла лишь подразумевать подобную ситуацию; в этом случае главная клауза, вводимая при помощи *а*, непосредственно примыкала справа к *паки ли*, ср.: *выеха на ярославъ дворъ и цѣлова ч(с)тъный кр(с)тъ <...> любо изищу моу(ж) новгородьстии и волости . паки ли а головою поваляю за новъгородъ* — ‘Мстислав Мстиславич) выехал на Ярославово дворище и целовал честной крест [со словами]: «Или я добуду мужей новгородских и волости, а если нет, то слоужу голову за Новгород»’ (Новгородская I летопись, известие за XIII в.).

Отметим, что главная клауза могла присоединяться к клаузе с *паки ли* и бессоюзно, ср.: *уже кто робу повержетъ насильемъ. а не соромить. то за швидурна. паки ли соромить. совѣ свободна* — ‘Если кто-нибудь насильно повалит рабыню, но не опозорит, то за обиду — гривна, если же, напротив, опозорит, она свободна’ (Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, 1191–1192 гг.).

Важно отметить также, что *паки ли* могло использоваться и в «ультимативных» контекстах, максимально сближаясь в этом случае с современным (*a*) *не то* в соответствующей функции (от которого, однако, отличалось упомянутой выше способностью вводить подчиненную клаузу, описывающую «обратную» ситуацию), ср.: *поѣди ис переславъ к ѿцю своему в сѹздаль а галича не ници подъ мою бра(т)нюю паки ли не поидеши добро(м) идѹ на тѣ ратью* ‘Поезжай из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галич не пытайся отвоевать у моих людей. Если же, напротив, не пойдешь добром, пойду на тебя войной’ (Лаврентьевская летопись по списку 1377 г., известие за XIII в.).

Древним аналогом (*a*) *не то* могли также выступать союзы *али*, *оли*, *или*, ср. в [8] замечание о том, что союзы на *-ли* тяготеют к выражению альтернативного условия. Ср.: *али не идете а присъте (!) ми грамотичѹ сторови ли есте* ‘Продав двор, идите в Смоленск или в Киев.) Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, все ли с вами в порядке’ (берестяная гр. № 424, 1100–1120).

Первый случай использования коннектора (*a ne to*) в интересующем нас значении фиксируется в НКРЯ в тексте XVI века с реализацией в виде трехчленного варианта. Нужно отметить, что приводимый ниже контекст — единственный в составе НКРЯ пример данного типа³, ср.: *А что есмь взял брата своего Иванову дочь Оксинью, и жене моей Марфе и детям моим держать ея у себя <...> Да и всех Ивановых детей братних детям моим не покинуть, промышлять ими, как вас Бог вразумит <...>. А не то по грехом детей моих не станет бездетных, а жена моя Марфа <...> замуж не поидет, ино брата моего Ивановым детям <...> моих земель — деревня Томахта да починок Шобунин ‘...Если же за грехи дети мои умрут бездетными, а жена моя Марфа <...> [повторно] замуж не выйдет, то детям брата моего Ивана <...> из моих земель — деревня Томахта и починок Шобунин’ (Духовная Тимофея Окулова сына Бусурменова, 1530–1560 гг.).*

По-видимому, *a ne to*, так же как *пакы ли* и *али* в примерах выше, содержит здесь не только семантический компонент ‘гипотетичность’, но и компонент ‘взаимоисключение’: вводимая при помощи этого комплекса клауза описывает не вполне нормальную ситуацию, когда у автора завещания не оказывается внуков, и мы вправе предположить, что, составляя предшествующую часть духовной грамоты, автор исходил из обратного предположения.

Отметим коррелят *ино*, вводящий здесь главную клаузу со значением следствия и аналогичный по своей функции древнерусскому *а*; наличие этой отдельной клаузы показывает, что первоначально комплекс *a ne to*, так же как *пакы ли* и *али*, самостоятельно выражать идею следствия не был способен. Отметим также, что, как и во многих случаях с *пакы ли*, *a ne to*, в противоположность своему современному аналогу, вводит здесь развернутое описание ситуации.

Все прочие случаи употребления союзного средства (*a ne to*) в текстах НКРЯ относятся к более позднему времени. В составе текстов XVII в. интересующая нас конструкция в НКРЯ не зафиксирована (весьма вероятно, что причиной

³ Поиск в старорусском подкорпусе НКРЯ по запросу *не то* дает, кроме рассматриваемого, контексты с омонимичными сочетаниями, в составе которых *то* выполняет функцию указательного местоимения, ср.: *А что писалъ естъ о двѣстве и о браку, и ты не то писалъ, в чѣмъ азъ тебе вопрошавал* (Иван Грозный, Ответ Яну Роките, 1570). Кроме того, в текстах XVII в. регулярно встречается градационная конструкция (*a ne to что*), ср.: *А на поварне, государь, мне одному варит(ь) нечим, не то што дров, и щеп нету* (Грамотка приказчика М. Антипьева в с. Спасское, 1682 г.).

этого является некоторая несбалансированность старорусского подкорпуса). Все употребления (*a ne to*), за исключением приведенного выше контекста XVI в., относятся к XVIII в. и позже⁴.

Интересно, что семантические компоненты ‘гипотетичность’ и ‘взаимоисключение’, выражавшиеся этим союзным средством, могли усиливаться контекстом, ср. союз *коли*, вставленный внутрь данной конструкции: *Нутка, Фалалешка <...> поди в отставку: полно, друг мой, вить ты уже послужил: лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай* (Н.И. Новиков. Живописец, 1775 г.); ср. также союз *либо* в составе предшествующего контекста: *Умей-ка из ничего сделать все; вот что славно! и весело! еще я ведь не отведал счастья своего, авось либо и стариков уломаю; а не то, так посмотрю, не удастся ли выдумать что?* (П.А. Плавильщиков. Бобыль, 1790). Как и в случаях выше, отметим для обоих примеров наличие коррелята, вводящего главную клаузу, — здесь в данной функции выступает служебное слово *так*.

Легко видеть, что во всех рассмотренных случаях комплекс *a ne to* еще не используется в функции союза «угрозы», а лишь вводит подчиненную условную клаузу, подразумевающую гипотетическую ситуацию, противоположную в каком-либо отношении ситуации, указанной предшествующим контекстом. Эта клауза находится в препозиции к главной части, вводимой коррелятом *ино* (XVI в.) или *так* (XVIII в.).

Однако в XVIII в. коррелят *так* в составе прилегающей справа главной клаузы становится факультативным, ср.: *Однажды она меня упрощивает, чтоб я ехал с ней: ежели устанешь, там есть места, можешь сесть, а не то [то есть ‘если не захочешь сесть’] поезжай домой* (М.П. Загряжский. Записки, 1770–1811). Ср. также сходный контекст с сохранением коррелята: *Еще у меня ничто из рук не выпало, коли земли мне не отведете, так стану пестредь ткать, а не то [то есть ‘если не стану ткать’], так в дом пойду; ведь ты знаешь, что я работник не из последних* (П.А. Плавильщиков. Бобыль, 1790).

Важный сдвиг, произошедший в контекстах данного типа, по-видимому, именно в XVIII в., состоит в том, что в главной клаузе становится вполне регулярным указание на возможное

⁴ Для XVIII века в материалах НКРЯ находится лишь 12 случаев употребления *a ne to*; в XIX в. число таких употреблений значительно возрастает (привести точную статистику для XIX века не представляется возможным из-за омонимии с сочетанием союза *a* с указательным местоимением *то*, а также с разделительным союзом *a ne то*).

негативное следствие, ср.: *Постой, сударь, будь нам отец, возврати несчастному отцу его сына, а умирающей любовнице ее любезного, а не то я умру у ног твоих* (П.Ю. Львов. Роза и Любим, 1790); *Обороняйся ты от Полкана как можно и стой против его крепко, а не то так ты и все воинство Китайское погибнет* (Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване-крестьянском сыне, 1788); *Старик ему говорил, что счастье его великое, что попался ему навстречу, а не то так попался бы в руки другим разбойникам, где бы должен был лишиться жизни* (Сказка о французском королевиче Шатере и о прекрасной королевне Лукерии Ишпанской, 1788).

Хотя в данных контекстах коннектор *а не то* все еще не является союзом «угрозы», однако очевидно, что случаи этого типа семантически весьма близки к «ультимативным»; различие состоит лишь в том, что негативное следствие мыслится здесь как происходящее в силу, так сказать, общего устройства жизни — по причине обстоятельств, не зависящих от воли конкретного человека. Подобные случаи лишь на один семантический шаг отстоят от контекстов угрозы.

Как показывает материал НКРЯ, этот семантический шаг оказывается сделанным в том же XVIII веке: по крайней мере во второй его половине уже существуют «ультимативные» употребления интересующего нас коннектора в контекстах, полностью идентичных современным (единственное отличие от которых состоит в возможности использования здесь коррелята *так*, являющегося в современном языке устаревшим или, по крайней мере, выходящим из употребления), ср.: *Сунься-ка только ко мне; отойди, я говорю, а не то зашибу больно* (П.А. Плавильщиков. Бобыль, 1790); *Офицеръ бросился къ нему и схватя за рясу закричалъ: пошолъ вонъ, а не то, я тебя дубиною отсель провожу* (Ф.А. Эмин. Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами, 1788); *Подите отсель къ чорту, а не то мы васъ отсюда проводимъ такъ, что глазами не скоро будетъ вамъ можно смотретьъ на преломленіе лучей, когда у васъ все будетъ переломано* (Ф.А. Эмин. Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами, 1788); *Поди опять к ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я тебя прибью до смерти* (Смирный мужик и драчливая жена, 1780–1790); *Читай же, а не то так худо будет* (Д.И. Фонвизин. Недоросль, 1764).

Начиная с этого времени коннектор *а не то* начинает все чаще употребляться в обоих рассмотренных случаях — для введения клаузы, указывающей на негативное следствие общего

типа, и для введения клаузы со значением угрозы, ср. в текстах XIX в.: *Отгребаешь солому, так отгребай точно так же в двадцатую четверть часа, как и в первую, а не то она тебя засыплет* (А.А. Фет. Осенние хлопоты, 1862) [негативное следствие, не зависящее от воли человека]; *Ступай от меня подбру-поздорову, а не то я сейчас доеду до княгини, а с ней в Петербург прямо к ногам матушки-царицы, и вас с барином, душегубцев, на чистую воду выведем* (Н.Э. Гейнце. Князь Тавриды, 1898) [клауза угрозы]⁵.

Что касается двучленного варианта рассматриваемого коннектора, то в НКРЯ он фиксируется с конца XVII века — но так же, как и в случае с трехчленным вариантом, самый ранний контекст употребления *не то* в хронологическом отношении значительно отстоит от основной массы зафиксированных употреблений, которые относятся, согласно НКРЯ, лишь ко времени начиная с XIX века. Ср.: *Пять чети ржи привести будът на перкинхских подводах тое ржи не то* [то есть 'если же ржи окажется мало' или, возможно, 'если же не хватит подвод'] *ино прибавит ряских подвод* (Д.В. Михалков — М. Попкову, 1685–1695). Как и в случае самой ранней фиксации трехчленного варианта *а не то*, отметим здесь наличие в главной части коррелята *ино*.

Так же, как и *а не то*, двучленный вариант в контекстах XIX века способен вводить клаузы со значением негативного следствия и угрозы, ср.: *Ну, счастье твое, барин: никак жильё недалеко, не то и кости могли бы здесь оставить* (В.А. Соллогуб. Метель, 1849); *Нужно принимать ее [природу] так, как она есть, а не так, как мы фантазируем, и если мы действительно стремимся к табличке и к календарю, ну, и... хоть бы даже и к реторте, то что же делать, надо принять и реторту! Не то она сама, без нас, примется* (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья, 1864) [негативное следствие]; *Смирись, Сеня, смирись, не то донесу, все,*

⁵ Отметим, что во входящих в состав НКРЯ текстах с XIX в. фиксируется еще один тип употреблений коннектора *а не то* — в качестве разделительного союза, вводящего клаузы, описывающие узальные действия. В этом типе употреблений *а не то* семантически близок современному союзу *или*, ср.: *Он почти постоянно, если можно так выразиться, экзаменовал Малек-Аделя; уезжал на нем куда-нибудь подальше в поле и ставил его на пробу; или уходил украдкой в конюшню, запирая за собою дверь и <...> спрашивал шепотом: "Ты ли это? Ты ли? Ты ли?" — а не то молча его рассматривал, да так пристально, по целым часам* (И.С. Тургенев. Конек Чертопханова, 1872). Подобное употребление возможно и в современном языке (однако обычно в составе коннектора *а не то и*, содержащего семантический компонент градуационности), ср.: *Голод не тетка — могут и арбуз своровать, а не то и на скотинку позарятся* (А. Варламов, 1987).

братец ты мой, расскажу, понимаешь? (Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин, 1846); *Если он вздумает явиться второй раз — не пускай, не то совсем убью* (Н.Э. Гейнце. Герой конца века, 1898) [угроза]⁶.

Таким образом, материалы НКРЯ позволяют высказать ряд предположений о семантической истории коннекторов *а не то* и *не то*.

На раннем этапе существования (XVI век) в значении коннектора *а не то* входили компоненты ‘гипотетичность’ и ‘взаимоисключение’, а главная часть, следующая за клаузой с *а не то* и присоединяемая к ней при помощи коррелята, могла указывать на следствие любого типа; затем *а не то* закрепляется в контекстах, где главная часть указывает на негативное следствие, и в частности на негативную ситуацию, каузированную каким-либо субъектом (контексты угрозы). Постепенно коррелят, вводящий главную часть, становится все более факультативным, граница между клаузами стирается, и *а не то* начинает осмысляться в качестве коннектора, вводящего клаузу с указанием на негативное следствие. В этот момент компонент ‘негативное следствие’ становится частью его значения. Параллельно у *а не то* развивается способность выражать чисто дизъюнктивное значение — он становится употребителен в качестве разделительного союза, синонимичного современному *или*.

Двучленный вариант *не то*, по-видимому, является вторичным по отношению к трехчленному: его употребление фиксируется в НКРЯ примерно на век позже; за единственным исключением в составе уникального контекста XVII века, при нем, насколько можно судить по корпусу, никогда не употреблялся коррелят. Начиная с XIX века во всех рассмотренных случаях интересующего нас типа *не то* оказывается полностью синонимичен *а не то* и может рассматриваться в качестве его варианта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская грамматика. Т. I–II / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

⁶ Как и *а не то*, коннектор *не то* может использоваться начиная с XIX в. в роли разделительного союза. Однако в отличие от *а не то*, синонимизирующегося с современным *или* (см. подстрочное примечание 4), *не то* оказывается синонимичным современному *то ли* и так же, как этот союз, требует обязательного повторения, ср.: *Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором* (И.С. Тургенев. Ася, 1858).

2. Подлеская В.И. *Иначе, а то, а не то*: резюмирующие союзы как способ выражения отрицательного условия // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. М., 2000.
3. Урысон Е.В. Союзы *а то* и *а не то*: почему в некоторых контекстах они синонимичны. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/82.htm>.
4. Урысон Е.В. Составные союзы *а то* и *а не то*: возможности семантического композиционного анализа // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 61–73.
5. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>.
6. Проект корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru>.
7. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
8. Юрьева И.С. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2 (44). С. 85–124.

REFERENCES

1. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Ed. N.Ju. Shvedova. Moscow, 1980. Vol. I, II. (In Russ.)
2. Podlesskaya, V.I. *Inache, a to, a ne to: rezumptivnyye soyuzy kak sposob vyrazheniya otritsatel'nogo usloviya* [*Inache, a to, a ne to: Resumptive Conjunctions as a Way of Expressing a Negative Condition*]. *Slozhnoye predlozhenie: traditsionnye voprosy teorii i opisaniya i novye aspekty ego izucheniya* [Complex Sentence: Traditional Issues of Theory and Description and New Aspects of its Study]. Moscow, 2000. Issue 1. (In Russ.)
3. Uryson, E.V. *Soyuzy a to i a ne to: pochemu v nekotorykh kontekstakh oni sinonimichny* [Conjunctions *a to* and *a ne to*: Why are they Synonymous in Some Contexts?]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/82.htm>. (In Russ.)
4. Uryson, E.V. *Sostavnyye soyuzy a to i a ne to: vozmozhnosti semanticheskogo kompozitsional'nogo analiza* [Compound Conjunctions *a to* and *a ne to*: Possibilities of Semantic Compositional Analysis]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2010, No. 1, pp. 61–73. (In Russ.)
5. N.K.R.Ja. *Natsionalnyj Korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru> (In Russ.)
6. *Proekt korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* [Project of a Corpus Description of Russian Grammar]. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

7. Apresyan, V.Ju., Pekelis, O.E. *Podchinitelnye soyuzu. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). *Na pravakh rukopisi* [Subordinating Conjunctions. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar. As a Manuscript]. Moscow, 2012. (In Russ.)
8. Juryeva, I.S. *Uslovnye soyuzu v originalnykh drevne-russkikh pamyatnikakh raznykh zhanrov* [Conditional Conjunctions in Original Old East Slavic Texts of Different Genres]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Coverage]. 2022, No. 2 (44), pp. 85–124. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 8 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.*

*Received by Editor on December 8, 2023
Revised on December 11, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010097

К истории неизданного справочника ВАПП «10 лет пролетарской литературы» (1927–1928)

© 2024 г. Р. Е. Клементьев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>
ruslankle@gmail.com

Резюме. Статья рассматривает историю создания неизданного справочного издания Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) «10 лет пролетарской литературы», который задумывался как отчетный труд к десятилетию революции. Работа над справочником была инициирована как издательский проект, сопутствовавший в решении приоритетных задач по укреплению позиций ВАПП, стремящегося стать управляющим центром, объединяющим вокруг себя все региональные и республиканские пролетарские литературные организации. С работой над справочником связаны также неудавшиеся попытки внедрения ВАПП в Государственную академию художественных наук (ГАХН), которой изначально была поручена большая часть работы над книгой. Одобренный Главлитом и отправленный в августе 1928 г. в набор справочник так и не вышел в свет. Причины отмены издания, очевидно, связаны с провалом национальной политики ВАПП — объединения под его руководством всех пролетарских литератур республик СССР к середине 1928 г. так и не произошло; созданному в мае 1928 г. РАПП, фактически заменившему ВАПП, справочник оказался не нужен; кроме того, несвоевременность книги и устаревший еще до печати материал сделали бы его легкой мишенью для критики, в это же время ополчившейся с подачи Горького на другое похожее издание ГАХН — словарь «Писатели современной эпохи».

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>.

Ключевые слова: ВАПП, ГАХН, ФОСП, пролетарская литература, справочник пролетарской литературы, национальные литературы.

Для цитирования: Клементьев Р.Е. К истории неизданного справочника ВАПП «10 лет пролетарской литературы» (1927–1928) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 97–106. DOI: 10.31857/S1605788024010097

On the History of the Unpublished VAPP Reference Book “10 Years of Proletarian Literature” (1927–1928)

© 2024 Ruslan E. Klementiev

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>
ruslankle@gmail.com

Abstract. The article examines the history of the creation of the unpublished reference publication of the All-Russian Association of Proletarian Writers (VAPP) “10 Years of Proletarian Literature”, which was conceived as a reporting work for the decade of the Revolution. The work on the handbook was initiated as a publishing project that accompanied the solution of priority tasks to strengthen the positions of the VAPP, which strives to become a control center that unites all regional and republican proletarian literary organizations around itself. Also related to the work on the handbook are the failed attempts to introduce the VAPP into the State Academy of Artistic Sciences (GAKhN), which was initially entrusted with most of the work on the book. Approved by Glavlit in August 1928, the reference book was never published. The reasons for the cancellation of the publication are obviously related to the failure of the national policy of the VAPP — the unification under his leadership of all the proletarian literatures of the republics of the USSR did not happen by mid-1928; creation in May 1928 the RAPP, which actually replaced the VAPP, the reference book was not needed; in addition, the untimeliness of the book and the outdated material even before publication would have made it an easy target for criticism, which at the same time took up arms, at the suggestion of Gorky, against another similar publication of the State Academic Academy of Arts — the dictionary “Writers of the Modern Era”.

Acknowledgments. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>.

Key words: VAPP, GAKhN, FOSP, proletarian literature, reference book of proletarian literature, national literatures.

For citation: Klementiev, R.E. *K istorii neizdannogo spravochnika VAPP “10 let proletarskoy literatury” (1927–1928)* [On the History of the Unpublished VAPP Reference Book “10 Years of Proletarian Literature” (1927–1928)]. *Izvestiâ Rossijskoy akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 97–106. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010097

В ноябре 1927 г. ожидался первый большой юбилей революции, к нему заранее начинают готовиться официальные организации культуры и искусства СССР.

В предшествовавшие юбилею годы было принято несколько попыток осмысления истории советской литературы в формате библиографического справочника. Вышли такие обобщающие справочные издания, как «Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий» (сост. Е.Ф. Никитина, предисловие Н.К. Пиксанова) [1]; «Рабоче-крестьянские писатели: Библиографический указатель» (сост. В.Л. Львов-Рогачевский и Р.С. Мандельштам) [2]; «Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925): Библиографический справочник» (сост. А.М. Витман, Н.Д. Покровская (Хаимович), М.Е. Эттингер, ред. М.А. Рыбникова) [3] и др.¹

Руководство ВАПП — ведущей на тот момент литературной пролетарской институции — уже в начале года ставит в планы своей работы юбилейный отчетный труд, посвященный итогам десятилетия пролетарского направления в литературе. Главные задачи по формированию

пролетарской литературы, такие как «завоевание» массового, в первую очередь рабоче-крестьянского, читателя, а также «формовка» (выражение Е. Добренко [5]) нового, советского писателя, долженствующего появиться из «массы», на тот момент только предстояло решить. Фиксация результатов десятилетних усилий по созданию пролетарской литературы в виде структурированного справочного издания, которое, как надеялись подготовители, сможет охватить все пролетарские литературные организации и группы РСФСР и национальных республик, должна была стать важным символическим актом на пути начавшегося в 1926 г. процесса «массовизации» советской литературы — литературных практик «по вовлечению в литературное творчество большого числа непрофессиональных и малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев и создание массового потребителя пролетарской литературной продукции <...>. С точки зрения социологии литературы “массовизация” была главным стратегическим маневром ВАПП, использованным в борьбе с попутчиками за свое место в строительстве культуры нового, советского общества» [6, с. 14].

Пролетарская литературная критика ВАПП и МАПП (так называемые напостовцы — основным

¹ Более полную библиографию этих лет см.: [4].

печатным органом их был журнал «На посту» / «На литературном посту») относилась к этим трудам отрицательно, лишь книга «Восемь лет русской художественной литературы» была принята относительно благосклонно, о чем писал рецензент журнала «На литературном посту»: «После чрезвычайно убогой библиографии, данной в книге Никитиной “Русская литература от символизма до наших дней”, а также после весьма неполного и плохо составленного библиографического указателя Львова-Рогачевского и Мандельштам (“Рабоче-крестьянские писатели” <...>), рецензируемый библиографический указатель производит в общем довольно благоприятное впечатление» [7]. При этом не стоит забывать, что низкие оценки изданной к тому времени справочной литературы были в первую очередь связаны не с объективными качеством и полнотой представленного в книгах материала, а с общей линией напостовства на пресечение попыток канонизировать литературные достижения писателей-попутчиков. Справочные издания, по своей сути и назначению, позволяли их составителям, стоящим на позициях научности и объективности, фиксировать позиции попутчиков в пантеоне пореволюционной русской (а по смыслу «советской») литературы, но при этом очень избирательно (за значимые результаты) включать пролетарских писателей, взращиваемых ВАППом. В руках ВАПП справочно-библиографическая литература, имевшая символическую ценность, тоже становилась инструментом борьбы на литературном поле.

В 1927 г. под эгидой ВАПП завершается создание ФОСП (Федерация объединений советских писателей). Формально ФОСП должен был стать объединением разнословных группировок, однако «ВАПП мыслил ФОСП как объединение *пролетарских сил* всех национальных республик, руководство над которым взяло бы на себя политическое ядро пролетарской ассоциации» [8]. ВАПП пытался использовать ФОСП в своих идеологических целях — для установления контроля над издательской деятельностью и финансовыми потоками. (Подробно об издательстве ФОСП и ВАПП см. статью Д.С. Московской и Е.Д. Гальцовой [9].) В специальном положении об издательском органе ФОСП, помимо книг и периодических изданий, одним из направлений работы значились библиографические указатели и справочники [10] — возможность использовать справочную литературу в качестве идеологического инструмента не вызывала сомнений.

В начале 1927 г. план работ ВАПП был направлен на «1. Углубление творческой работы, учебы и самокритики. 2. Окончательное организационное оформление ВАППа. 3. Укрепление ассоциаций в рабочих районах и центрах. 4. Объединение советских писательских сил в федерацию. 5. Помощь национальным писателям и писателям нацменьшинств — укрепление связи с ними»². «По организационной части» в февральских задачах ассоциации значилось помимо прочего: «Закончить предварительное изучение местных ассоциаций и представить к 15 февраля докладную записку в отдел печати ЦК. <...> Приступить к переучету всех членов ВАППа»³. В контексте этих процессов в самом начале 1927 г. внутри ВАПП возникает идея создания своего литературного библиографического справочника, который бы мог обобщить все достижения именно пролетарской (в отличие от других подобных изданий) литературы на десятом году революции. В то же время создание справочника не было самоцелью — сбор материалов для него становился поводом и одним из инструментов для решения более важных задач, которые стояли перед ВАПП. Дело в том, что в 1927 г. ВАПП наконец смог занять главенствующее положение на литературном фронте РСФСР, но это было лишь началом воплощения более масштабных планов, простиравшихся на все республики Советского Союза. Документальная фиксация самого факта существования единой пролетарской литературы в виде систематизированного справочника по всем республикам, очевидно, мыслилась одним из важных шагов этого процесса.

31 января 1927 г. учебно-методическая комиссия ВАПП постановила начать работы по составлению книги библиографии пролетарской литературы за десять лет к годовщине революции⁴. С февраля библиографический обзор пролетарской литературы и критики за 10 лет входит в рабочие планы ВАПП по учебно-методической работе. Срок издания — не позже 1 октября 1927 г.⁵. Наряду с этим планировалось «приступить к систематическому составлению полной картотеки всех вновь появляющихся произведений членов ассоциаций и критики о них. План этой работы сообщить секретариату. <...> Приступить к созданию центр<альной> научной библиотеки

² Бюллетень ВАПП. 1927. № 5. Февраль. С. 1 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

³ Там же.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1.

⁵ Бюллетень ВАПП. 1927. № 5. Февраль. С. 3 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

пролетарской литературы»⁶. В связи с упомянутыми планами создается Научно-исследовательская комиссия ВАПП, в задачи которой также входило в перспективе написание истории пролетарской литературы.

Таким образом, создание справочника не было сугубо прикладной библиографической задачей ВАППа, а логично согласовывалось со стратегической целью укрепления ассоциации, исследования региональных и национальных отделений (в том числе для переучета членов АППов), укрепления связей с ними и контроля.

Сбор и обработка информации по национальным пролетарским организациям, надо полагать, были одной из первостепенных задач справочника, ведь с 1924 по 1928 г. ВАПП, борясь за главенство на литературном поле, пытался объединить литературы национальных республик и присвоить себе управляющие функции. Не удалось это в 1925 г. на Всесоюзном совещании, когда украинская и белорусская литературные организации настояли на своем суверенитете (см. подробнее статью Д.С. Московской: [8]). Новая попытка объединить многонациональную пролетарскую литературу под своим началом в 1927 г. была связана с созданием ФОСП. Выход пролетарского литературного справочника, в котором ВАПП хотел собрать под одной обложкой материалы о всех республиканских пролетарских литературах к юбилейному ноябрю, на который пришлось в итоге торжественное открытие ФОСП, мог бы эффективно зафиксировать результаты борьбы за объединение всей пролетарской литературы советских республик.

Совместно с ВАПП работу над справочником вели Кабинет революционной литературы социологического отделения ГАХН (Государственная академия художественных наук), издательство «Земля и фабрика»⁷ и как отдельная организационная единица специально созданная редакция справочника, который, согласно рассылавшимся весной 1927 г. бланкам, почти сразу получил окончательное название — «10 лет пролетарской литературы»⁸. Основные обязанности возложили

на И.М. Машбиц-Верова, члена ВАПП⁹, который работал в Кабинете революционной литературы ГАХНа и еще в ноябре 1926 г. был назначен в редакционном секторе ответственным лицом по пролетарским поэтам и беллетристам¹⁰.

Привлечение ГАХН к работе над справочником было логичным. ВАПП таким образом экономил свои силы, так как поручал сбор и обработку материалов опытным специалистам ГАХНа, часть которых, в том числе Машбиц-Веров, в это время готовили многотомный биобиблиографический словарь «Писатели современной эпохи» [11]. Работа над первой частью этого словаря, согласно предисловию издания, была завершена уже к январю 1927 г., однако выпуск из печати откладывался до 1928 г. Концепция издания претендовала на объективность представляемых сведений, т.е., как пояснили составители, в отсутствии идеологического отбора, что позволило бы «охватить всех писателей, печатавших свои произведения на русском языке, независимо от того, где они проживают и печатаются: в пределах ли СССР или же за границей», дать «сведения не только о писателях-революционерах или принявших революцию, но и о тех из них, которые стояли и стоят в стороне от нее и даже относятся к ней враждебно» [11, с. 6]; «составители словаря сознательно воздерживаются от какой бы то ни было оценки литературного творчества, считая, что таковая оценка не входит в задачи биобиблиографического словаря» [11, с. 8]. Работы велись Кабинетом революционной литературы социологического отделения ГАХН. Сведения преимущественно брались из анкет и автобиографий писателей, которые к тому времени были накоплены в Кабинете, а также из других источников.

В ассоциациях пролетарских писателей, думается, были хорошо осведомлены о библиографическом проекте ГАХН и его концепции, сомнительной с позиций идеологии пролетарского искусства, поэтому издание похожего справочника, но отражающего именно пролетарское литературное направление, было логичным шагом в деятельности АППов.

Хроника работы в ВАПП и ГАХН над справочником «10 лет пролетарской литературы» восстанавливается по сохранившимся архивным

⁶ Бюллетень ВАПП. 1927. № 5. Февраль. С. 4 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

⁷ Издательство ФОСП («Федерация») начало свою деятельность позже, поэтому к работе над справочником было привлечено издательство «Земля и фабрика», в это время близко взаимодействовавшее с ВАПП (см., например, протокол от 28 февраля 1927 г. учебно-методической комиссии ВАПП: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 4 об.).

⁸ В документах и периодике между тем встречаются разные вариации и неточные версии этого названия.

⁹ Иосиф Маркович Машбиц-Веров (1900–1989) — критик, литературовед. Был членом ВАПП — числится в справочнике «10 лет пролетарской литературы» в списке «одиночек» ВАПП. В автобиобиблиографической справке, представленной в учебно-методическую комиссию ВАПП, указано его членство в МАПП (ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 247).

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. Ед. хр. 13. Л. 9.

документам лишь частично, в основном за первую половину 1927 г., и не проясняет причин отмены издания.

7 февраля на заседании учебно-методической комиссии ВАПП Машбиц-Веров представил «Программу и технику выполнения библиографии пролетарских писателей за 10 лет». При обсуждении критериев отбора литераторов постановили, что в книгу должны войти «писатели творчески выявившиеся, независимо от того, имеют ли они свои книги или не имеют». Кроме того, было одобрено включение в справочник фельетонистов и переизданных произведений «старых пролетарских писателей». На данном этапе в книге предполагались раздел резолюций Отдела печати ЦК и раздел теоретических статей, которые поручались А. Зонину («Схема пролетарской литературы»), Л. Авербаху («Споры о пролеткультуре и литературе»), Ю. Либединскому («Творческие пути пролетарской литературы»), А. Селивановскому («О национальных литературах в СССР»), М. Лузгину («О проблемах марксистской критики»). Впоследствии два раздела резолюций и теоретических статей выпали из структуры справочника, по соображениям объема или идеологическим коррективам — неизвестно. Ответственными редакторами назначались А. Зонин, И. Машбиц-Веров и Л. Авербах¹¹.

9 февраля 1927 г. Машбиц-Веров докладывал на заседании Кабинета революционной литературы ГАХНа: «ВАППом к 10-летию Октябрьской Революции предложена к изданию библиография пролетарских писателей, в которой желательное участие Кабинета Революционной Литературы». Собрание в тот момент, видимо, не до конца понимало идеологические границы, устанавливаемые ВАППом для заказанного справочника, т.к. предложило начать предварительные переговоры с Союзом крестьянских писателей и Союзом писателей (ВСП); подробное обсуждение решено было отложить до представления Машбиц-Веровым «обстоятельного сообщения по этому вопросу»¹².

14 февраля учебно-методическая комиссия ВАПП утверждает представленный Машбиц-Веровым план работ над справочником и уточняет форму анкет для сбора информации¹³.

На следующем заседании комиссии ВАПП, 28 февраля, приняли (почему-то только теперь)

постановление о целесообразности привлечения к работе над справочником Кабинета революционной литературы ГАХН и о приглашении Б.П. Козьмина¹⁴ (историк, специалист по революционно-демократической и народнической мысли в России второй половины XIX в., ведущий литературовед Кабинета, главный редактор словаря ГАХН «Писатели современной эпохи») в редколлегию¹⁵.

4 апреля комиссия ВАПП постановила заключить договор на издание справочника с издательством «Земля и фабрика»¹⁶.

13 апреля 1927 г. Машбиц-Веров доложил в ГАХНе о предварительной структуре справочника ВАПП:

Сообщение И.М. Машбиц-Верова о предполагаемом ВАППом издании книги «Пролетарские писатели», приуроченной к 10-летию Октябрьской Революции. «План книги таков: 1. Предисловие редактора.

2. Пролетарские писатели (поэты, прозаики, бытописатели, фельетонисты). Сюда входит: краткая биография писателя, его библиография и статьи о нем, как марксистских критиков, так и не марксистских. Рецензии даются лишь при отсутствии более крупных статей.

3. Критики-марксисты.

4. Словари: 1) пролет. писателей и критиков (Именной указатель). 2) Место ассоциаций ВАПП. 3) Группировок, не входящих в состав ВАППа. 4) Сведения о состоянии местной печати и литер. жизни. 5) Названия литерат. худ. журналов и статей и принятых сокращений.

5. Статьи, с одной стороны, указывающие ближайшую перспективу.<так!>

6. Материалы.

Распределение материала докладчик предлагает производить по отдельным группировкам. Каждый сотрудник может представить список проработанных им писателей, литер. групп, местных ассоциаций».

Постановили: «Приступить к работе над составлением книги»¹⁷.

Таким образом, научно-методическая работа и экспертиза доверялась ГАХН, который уже отработал научные принципы сбора и обработки материалов на своем словаре «Писатели современной эпохи». ВАПП брал на себя контролирующие и

¹⁴ На одном из заседаний (дата неизвестна, сохранился только фрагмент протокола) учебно-методической комиссии ВАПП постановили также пригласить Б. Козьмина в ВАПП сделать доклад о работе Кабинета революционной литературы (ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 11). Состоялся ли доклад, неизвестно.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 4.

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 7.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. Ед. хр. 13. Л. 56–56 об.

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 2–2 об.

¹² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. Ед. хр. 13. Л. 38

¹³ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 3 об.

редакторские функции, а также рассылку директив для сбора материалов в областные и национальные пролетарские организации. По ассоциациям рассылали письма следующего содержания:

**ВСЕМ ЧЛЕНАМ АССОЦИАЦИЙ
ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.**

Дорогие товарищи!

Научно-исследовательская Комиссия ВАПП приступила к работе по учету литературно-художественной продукции, печатаемой членами ВАПП.

В библиографический сборник «10 лет пролетарской литературы», который предполагается выпустить к десятилетию Октября, сведения о т.т. членах ВАПП, печатавших свои литературно-художественные произведения будут включены <так!>

Помимо этого учет творческой работы необходим для нас и по ряду других причин, связанных с задачами руководства Ассоциаций.

Просим поэтому присылать нам регулярно сведения о выходе в свет своих произведений по следующей форме: <приложена форма>

Желательна присылка и самих вещей.

Материал, который должен охватить все до сих пор напечатанное, необходим к 1-му мая с.г. Впредь присылайте новые сведения каждые три месяца.

Научно-исследовательская комиссия ВАПП¹⁸.

Как уже отмечалось, особое внимание было уделено региональным ассоциациям. Для каждого АППа назначались кураторы. Например, за работу с Рязанской АПП отвечал критик из рядов ВАПП Б.Я. Гроссман. Письмо, присланное им в апреле 1927 г. в редакцию рязанской газеты «Рабочий клич», иллюстрирует методы сбора материалов для книги:

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ редактор!

<...> я уполномочен ВАППом и ГАХНом собрать сведения о литературной жизни и пролетарских писателях г. Рязани и губернии.

Так как материал для сборника, в котором будет также помещена биография и библиография пролетарских писателей и характеристика лит. жизни каждой губернии, должен быть срочно сдан в набор и, следовательно, проработан как можно скорее, прошу вас принять все меры к безотлагательному заполнению анкет и их отправке в Москву. В ответах необходима точность (напр., подробное перечисление книг данного автора, литературы о нем, перечисление лит. организаций и краткая история их и т.д.). В ваши сообщения надо включить и умерших уже пролетарских писателей (разумеется, если они проявили себя после революции). Каждый пролетарский писатель заинтересован в том, чтобы книга давала полное представление как о лит. жизни, так и об отдельных пролетарских писателях СССР.

¹⁸ Бюллетень ВАПП. № 6. Апрель 1927 г. С. 12–13 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

Полнота освещения лит. жизни вашей губернии зависит от того, насколько энергично мы с вами выполним это дело.

Очень желательна присылка авторами своих книг (чтобы можно было более подробно ознакомиться с авторами), отдельных сборников, а также местной газеты (несколько предыдущих номеров и текущие №№)¹⁹.

Подобные запросы вместе с анкетами также отправлялись московским писателям (см., например, анкету и письмо от Я. Фрида писателю В.Г. Вешневу²⁰).

Изучая документы Кабинета революционной литературы ГАХН, нетрудно заметить, что работа над пролетарским литературным справочником ВАПП воспринималась основным составом сотрудников как навязанная дополнительная нагрузка, от которой нельзя было отказаться. Работы для ВАПП велись по остаточному принципу, все основные силы были направлены на словарь «Писатели современной эпохи», и даже материалы о пролетарских писателях, готовившиеся для ВАПП, обсуждались на заседаниях, только если было целесообразно включить их в тома гаховского проекта. Эта ситуация не осталась незамеченной вапповцами, которые попытались усилить свое влияние в этой академической институции, чья самостоятельность и стремление к «объективизму» давно не нравились деятелям идеологического фронта литературы и искусств. Машбиц-Веров отвечал в словаре ГАХН за пролетарских писателей еще до появления проекта вапповского справочника и сам был членом ВАПП, однако его личных усилий было явно недостаточно, чтобы сделать пролетарское направление литературной работы ГАХН хоть сколь-нибудь заметным и значимым.

Через несколько месяцев работы над справочником «10 лет пролетарской литературы» руководство ВАПП пытается создать в ГАХН свое структурное подразделение: сентябрьский бюллетень ВАПП объявляет о создании в ГАХН Кабинета истории пролетарской литературы (и библиотеки пролетарской литературы при нем), в который планировалось передать материалы из Кабинета революционной литературы. Руководство Кабинетом возлагалось на научно-методическую комиссию из вапповцев: А. Зонина, В. Полянского, И. Гросмана-Рощина, М. Лузгина, В. Ермилова, А. Бека, С. Малахова, М. Беккера, И. Машбиц-Верова, Г. Лелевича и Г. Корабельникова. «По линии библиографической работы»

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 422 (В.Д. Ряховский). Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 1–1 об.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 1–2

предполагалось «максимально использовать Машбиц-Верова»²¹. «По линии работы Кабинета в течение периода» планировалось подготовить первые монографии и сборники; составить «синхронологическую таблицу истории пролетарской литературы» и историю группы «Октябрь»; издать первый выпуск систематического указателя пролетлитературы за 1927 г.; «проверить и дополнить сборник “Пролетарская литература за 10 лет”»²². Деятельность Кабинета истории пролетарской литературы в ГАХН остается в настоящий момент непроясненной, в фонде ГАХН не удалось обнаружить сведений о нем, вероятно, попытка ВАПП внедриться в академию по каким-то причинам провалилась на ранней стадии – в предисловии к справочнику и его тексте, актуальном на середину 1928 г., упоминаний о Кабинете нет.

Между тем работа над справочником предсказуемо задерживалась. Многие региональные и национальные ассоциации пролетписателей проигнорировали призывы к сбору материалов. Речь о выпуске к десятилетию революции уже не шла, однако журнал «На литературном посту» бодро отчитывался: «Большим вкладом в октябрьскую литературу явится выпускаемый “Землей и Фабрикой” труд – “10 лет пролетарской литературы”, в 60 печатных листов. Сюда войдут: характеристики пролетарских писателей, их портреты, критические оценки и образцы произведений. Эта книга выйдет под редакцией Л. Авербаха, Валерьяна Полянского и А. Селивановского и под наблюдением Государственной Академии Художественных Наук и литературной секции при Комакадемии. Книга будет представлять собою одновременно и справочник и энциклопедию пролетарской литературы. В виду большой сложности работы, издание выйдет не к Октябрьской годовщине, а, примерно, в январе будущего года» [12]. К 20 ноября 1927 г. в ВАПП предполагалось заслушать доклад-отчет Машбиц-Верова о работе над сборником²³.

В начале 1928 г. ВАПП предпринимает еще одну попытку внедрения в ГАХН, на этот раз путем поглощения Научно-исследовательской комиссией ВАПП Кабинета революционной литературы и присвоения руководящих функций: в одном из информационно-инструктивных писем местным АППам сообщалось о том, что «ведется

подготовка по слиянию нашей комиссии с кабинетом революционной литературы ГАХНа, где под нашим руководством, но на территории академии велась бы вся работа кабинета»²⁴. В доказательство своей научной состоятельности и подтверждение права руководить пролетарским направлением литературоведения в академии комиссия, вероятно, хотела представить результаты деятельности за 1927 г.: «Было выпущено 9 сводок “Наша художественная литература и критика”, освещавших злободневные моменты по этим вопросам. К выпуску сводок были привлечены лучшие ВАППовские силы. Начиная с 11-го бюллетеня, сводки помещаются в бюллетене. В 11-м бюллетене дана статья “Обзоры 10-тия советской художественной литературы в юбилейных номерах газет”. Под руководством НИКа было приступлено к созданию био-библиографического сборника “Пролетлитература за 10 лет”, который в начале этого года выйдет в свет. Сборник составляется т. Машбиц-Веровым. <...> Составлена история группы “Октябрь” и ведется работа по составлению <...> истории ВАППа. Ко Всесоюзному съезду пролетписателей ведется предварительная подготовка по выявлению творческого лица ВАППа»²⁵. Эта попытка также провалилась, ГАХН каким-то образом смог противостоять очередному натиску ВАПП – в итоговом тексте справочника Комиссия и Кабинет упоминаются как отдельные «учреждения».

В феврале 1928 г. началась предпечатная подготовка справочника «10 лет пролетарской литературы». Предисловие от редакции И. Машбиц-Веров пишет 17 февраля, в нем он объяснил структуру книги и ее неполноту – собрать исчерпывающие сведения по пролетарским ассоциациям СССР и республик так и не удалось, на местах откликнулись далеко не все.

Получившаяся книга состояла из разделов, посвященных пролетарской литературе РСФСР, а также советских республик: Азербайджана, Грузии, Белоруссии, Татарии, Украины, Чувашии – и крымско-татарской пролетарской литературе. Каждый национальный раздел в свою очередь делится на «литературный справочник» и биобиблиографический словарь. В справочных разделах собраны списки на 1927–1928 гг. о контролируемых печатных органах, выпускающихся периодических изданиях литературной направленности или имеющих литературные разделы (с указанием ответственных лиц), литературных музеев и

²¹ Бюллетень ВАПП. 1927. № 9. Сентябрь. С. 12 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

²² Бюллетень ВАПП. 1927. № 9. Сентябрь. С. 10–12 // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 254.

²³ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 3.

²⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 383. Л. 16.

²⁵ Там же. Л. 15.

т.д. и, что самое важное, достаточно подробные данные о пролетарских литературных организациях с указанием их состава и во многих случаях краткой историей ассоциаций, их подразделений и иных пролетарских литературных объединений. Биобиблиографический раздел состоит из кратких биографий и библиографий писателей, в основном членов официальных пролетарских организаций, написанных преимущественно на основе их автобиографий, присланных в редакцию справочника.

В августе 1928 г. печать книги разрешил Главлит, беловая машинопись была отправлена в набор, но издание так и не появилось. Главными причинами остановки издания следует, вероятно, считать провал национальной политики ВАПП (настоящего объединения республиканских ассоциаций вокруг руководящего центра к этому моменту так и не произошло) и, как следствие этого, реструктуризацию пролетарских ассоциаций за счет образования новой руководящей литературной институции — РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей). В этой ситуации констатировавший единство пролетарской литературы справочник, работа над которым продолжалась по инерции до конца лета 1928 г., оказался и несвоевременным, и устаревшим по материалу.

Дополнительной, хотя наверняка наименее значимой, причиной отмены печати вапповского справочника могла послужить критика вышедшего первого тома словаря ГАХН «Писатели современной эпохи». «Проработка» словаря и его составителей началась с подачи А.М. Горького, опубликовавшего 11 сентября 1928 г. в «Известиях» критический отзыв. Претензии Горького к «Писателям современной эпохи» сводились к тому, что книга не соответствует обязательному требованию науки — точности; многих значимых имен в книге нет (хотя в словаре оговорено, что это продолжающееся издание, из статьи кажется, что Горький не принял во внимание все положения предисловия редакции), но есть писатели, не издавшие ни одной книги; биографии писателей не имеют единого плана; есть ошибки в биографии самого Горького, печатавшейся «назойливо часто» и т.п. «Странная книга», — заключает Горький [13].

Необходимо отметить, что в 1927–1928 гг. влияние Горького и буквально любого его слова возрастает — приехавший в СССР в мае 1928 г. живой классик советской литературы, которого в это время власть активно пытается навсегда вернуть на родину, становится непререкаемым

авторитетом: он один был способен объединить вокруг себя все писательские силы, и в этом качестве представлял реальную альтернативу ВАПП, а затем РАПП. Ассоциации упорно делали ставку на объединение только пролетарских писателей и литературных организаций, причем действовали директивно, в приказном порядке, в то время как к Горькому сами искренне тянулись все литературные силы страны.

В этом контексте понятно, что отзыв Горького не мог остаться незамеченным. Чуть позже, в декабре 1928 г., «Писателей современной эпохи» рецензирует рапповский журнал «На литературном посту», прямо говоря, что резкая статья Горького, «обрушившегося в “Известиях ЦИК” на книгу всей тяжестью своего авторитета», стала причиной широкой известности словаря. Были перечислены значительные пропуски в библиографиях, различные ошибки, непоследовательность и нарушения хронологического порядка и т.п.; включение в словарь «безвестных» начинающих писателей, недостаточно зарекомендовавших себя в литературе; обилие в биографических заметках маловажных сведений; «в большинстве заметок словарь не определяет литературной позиции данного писателя, не вскрывает отличительных особенностей его творчества»; вопреки обещаниям в предисловии, составители не указывают на принадлежность авторов к литературным направлениям. «Все эти упущения и промахи, — заключал рецензент, — не позволяют признать рассмотренную книгу сколько-нибудь удовлетворительной» [14].

Казалось бы, «10 лет пролетарской литературы» можно было противопоставить идеологически спорному словарю «Писатели современной эпохи», однако почти все недостатки, отмечавшиеся критиками «Писателей...», присутствовали и в вапповском справочнике, который стал бы слишком легкой мишенью для критики — неполнота сведений по регионам и республикам отмечалась самими составителями, а процент «безвестных» начинающих пролетарских писателей был гораздо выше, чем в гахновском словаре.

Справочник «10 лет пролетарской литературы» так и не вышел из печати. Материалы книги сохранились в РГАЛИ в виде беловой наборной машинописи и отдельных черновых машинописей по пролетарским литературам республик. В рамках работы по гранту РФФ «“Стенограмма”»: Политика и литература» часть справочника, посвященная пролетарской литературе РСФСР, подготовлена к изданию в составе коллективного труда «Эстетика коммунизма» в одном из ближайших

выпусков научной серии Codex Manuscriptus. Остальные материалы справочника с некоторыми сокращениями планируются к онлайн-публикации на сайте проекта «Стенограмма». Таким образом, в широкий научный оборот вводится важный документ эпохи, в котором, с одной стороны, представлен взгляд пролетарских литературных институций на собственное развитие к концу 1927 г. — путь, пройденный за пореволюционное десятилетие, — с другой стороны, современным исследователям становится доступным внушительный, хотя и неполный, массив систематизированных данных о пролетарских литературных организациях и об отдельных, большей частью забытых, пролетарских поэтах и писателях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий. М.: Никитинские субботники, 1926. 544 с.
2. Рабоче-крестьянские писатели: Библиогр. указатель. М.; Л.: Моск. акц. изд. о-во, 1926. 161 с.
3. Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925): Библиографический справочник. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 379 с.
4. Советское литературоведение и критика. Библиографический указатель. М., 1966. 586 с.
5. Добренко Е.А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 558 с.
6. Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю., Романова О.В. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 10–33.
7. Глаголев Арк. [Рецензия на справочник «Восемь лет русской художественной литературы» (1917–1925)] // На литературном посту. 1927. № 3 (февраль). С. 66.
8. Московская Д.С. От Союза советских республик к Союзу советских писателей. В печати.
9. Московская Д.С., Гальцова Е.Д. «Издательские страсти» ФОСП (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 394–419.
10. На литературном посту. 1927. № 4 (февраль). С. 70.
11. Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина; Ред. Б.П. Козьмин. М.: ГАХН, 1928. 287 с.
12. Хроника литературы и искусства // На литературном посту. 1927. № 19 (октябрь). С. 88.
13. Горький М. О двух книгах // Известия. 1928. 11 сентября. С. 2.
14. Трифионов Н. [Писатели современной эпохи. Рецензия] // На литературном посту. 1928. № 24 (декабрь). С. 68–69.

REFERENCES

1. *Russkaya literatura ot simbolizma do nashikh dnei: Literaturno-sotsiologicheskii seminarii* [Russian Literature from Symbolism to the Present Day: Literary and Sociological Seminary]. Moscow: Nikitinskie subbotniki Publ., 1926. 544 p. (In Russ.)
2. *Raboche-krestyanskiye pisateli: Bibliogr. ukazatel* [Worker-Peasant Writers: Bibliogr. Index]. Moscow, Leningrad, 1926. 161 p. (In Russ.)
3. *Vosem let russkoy khudozhestvennoy literatury (1917–1925): Bibliograficheskii spravochnik* [Eight Years of Russian Fiction (1917–1925): Bibliographic Reference Book]. Moscow, Leningrad, 1926. 379 p. (In Russ.)
4. *Sovetskoye literaturovedeniye i kritika. Bibliograficheskii ukazatel* [Soviet Literary Criticism and Criticism. Bibliographic Index]. Moscow, 1966. 586 p. (In Russ.)
5. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsialnyye i esteticheskiye istoki sovetskoy literaturnoy kultury* [Molding of the Soviet Writer. Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. St. Petersburg: Academic project Publ., 1999. 558 p. (In Russ.)
6. Moskovskaya, D.S., Bakshaeva, N.Y., Romanova, O.V. *Massovost i "massovizatsiya" v rannesovetskom literaturnom protsesse* [Mass Character and 'Massovization' in the Early Soviet Literary Process]. *Studia Litterarum*. Vol. 7, No. 4, 2022, pp. 10–33. (In Russ.)
7. Glagolev Ark. [Retsenziya na spravochnik "Vosem let russkoy khudozhestvennoy literatury" (1917–1925)] [Review of the reference book "Eight Years of Russian Fiction" (1917–1925)]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 3 (February), p. 66. (In Russ.)
8. Moskovskaya, D.S. *Ot Soyuza sovetskikh respublik k Soyuzu sovetskikh pisateley* [From the Union of Soviet Republics to the Union of Soviet Writers]. In press. (In Russ.)
9. Moskovskaya, D.S., Galtsova, E.D. "Izdatelskiye strasti" FOSP (po materialam Otdela rukopisey IMLI RAN) [FOSP'S "Publishing Passion": on the Materials Held in the Department of Manuscripts of IWL RAS]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 4, pp. 394–419. (In Russ.)
10. *Na literaturnom postu* [At a Literary Post]. 1927, No. 4 (February), p. 70. (In Russ.)
11. *Pisateli sovremennoy epokhi: Biobibliograficheskii slovar russkikh pisateley XX veka* [Writers of the Modern Era: Biobibliographic Dictionary of Russian Writers of the 20th Century]. Ed. B.P. Kozmin. Moscow: GAKhN Publ., 1928. (In Russ.)

12. *Khronika literatury i iskusstva* [Chronicle of Literature and Art]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 19 (October), p. 88. (In Russ.)
13. Gorky, M. *O dvukh knigakh* [About Two Books]. *Izvestiya* [News]. 1928, September 11, p. 2. (In Russ.)
14. Trifonov, N. [*Pisateli sovremennoy epokhi. Retseziya*] [Writers of the Modern Era. Review]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1928, No. 24 (December), pp. 68–69. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 6 сентября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 ноября 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.*

*Received by Editor on September 6, 2023
Revised on November 28, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010107

Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»)

© 2024 г. Б. В. Меняев

Специалист Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
bmeyaev@mail.ru

Резюме. Настоящая работа продолжает исследование и введение в научный оборот ойратского памятника Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»). В статье впервые рассматривается сюжет «Волшебник и его конь» на материале неопубликованного списка памятника, хранящегося в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. Автор исследует происхождение сюжета, приводит его варианты из древнеиндийских, тибетских и монгольских литератур. Исследование данного сюжета продиктовано необходимостью дальнейшего осмысления содержания настоящего письменного памятника. В статье были использованы описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и локальные особенности сюжета в рассматриваемых произведениях. Автор пришел к выводу, что сюжет «Волшебник и его конь» в «Сказании Нектарного Учения» создан на основе древнеиндийского и тибетского материала, в основе которого лежат концепция иллюзорности и теория мгновенности, занимающие важное место и в буддизме, и в древнеиндийской философии. Полученные результаты настоящей статьи будут использованы автором при подготовке типологического указателя сюжетов ойратского памятника Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»).

Ключевые слова: ойратский письменный памятник Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения»), сюжет «Волшебник и его конь», рукописный отдел Института восточных рукописей Российской академии наук, буддизм, дидактическая литература, фольклор, указатель, древнеиндийские, тибетские и монгольские тексты.

Для цитирования: Меняев Б.В. Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике Aršāni nomiḡin tuuḡi («Сказание Нектарного Учения») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 107–118. DOI: 10.31857/S1605788024010107

The Plot of “The Wizard and His Horse” in the Oirat Monument “Aršāni Nomiḡin Tuuḡi” (“The Tale of the Nectar Teaching”)

© 2024 Badma V. Menyaev

Specialist of the Kalmuck B.B. Gorodovikov State University,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
bmeyaev@mail.ru

Abstract. This work continues the study and introduction into scientific circulation of the Oirat monument “Aršāni nomiḡin tuuḡi” (“The Legend of the Nectar Teaching”). The article is the first to examine the plot of “The Wizard and His Horse” using the material from one of the unpublished lists of the monument, stored in the manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The author explores the origin of the plot, citing its variants from ancient Indian, Tibetan and Mongolian literatures. The study of this plot is dictated by the need to further understand the content of this

written monument. The article used descriptive, comparative-typological and comparative-contrast methods to identify general and local features of the plot in the works under consideration. The author came to the conclusion that the plot “The Wizard and His Horse” in “The Tale of the Nectar Teaching” was created on the basis of ancient Indian and Tibetan material, which is based on the “concept of illusoryness” and the “theory of instantaneity”, which occupy an important place in both Buddhism and ancient Indian philosophy. The results obtained in this article will be used by the author in preparing a typological index of the plots of the Oirat monument “Aršāni nomiḡin tuuḡi” (“The Legend of the Nectar Teaching”).

Key words: Oirat written monument “Aršāni nomiḡin tuuḡi” (“The Tale of the Nectar Teaching”), the plot “The Wizard and His Horse”, manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Buddhism, didactic literature, folklore, index, ancient Indian, Tibetan and Mongolian texts.

For citation: Menyaev, B.V. *Syuzhet “Volshebnyk i ego kon” v ojratskom pamyatnike Aršāni nomiḡin tuuḡi (“Skazanie Nektarnogo Ucheniya”)* [The Plot of “The Wizard and His Horse” in the Oirat Monument “Aršāni Nomiḡin Tuuḡi” (“The Tale of the Nectar Teaching”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 107–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010107

Введение

В рукописном фонде Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) хранится значительное количество письменных памятников на ойратском «ясном письме»¹ (рукописи, ксилографы, литографии, матрицы). Практически все они описаны монголоведом А.Г. Сазыкиным в трехтомном «Каталоге монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН» (далее *Каталог*) [1]. Последние обнаруженные в тибетском фонде ойратские рукописи и ксилограф *Соḡtu zandan* (букв. ‘Сияющий сандал’) были описаны исследователем Н.С. Яхонтовой в статье «Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН» [2, с. 6–7].

В первом томе Каталога (1988) представлено описание свыше двухсот пятидесяти ойратских письменных памятников, относящихся к светской и буддийской неканонической литературе. Составитель их разделил на разделы: I. Народная словесность; II. Художественная литература; III. История; IV. Право. Официальные и административно-хозяйственные документы; V. Личные документы и письма; VI. Конфессиональная (небуддийская) литература; VII. Филология; VIII. Медицина; IX. География; X. Астрономия. Календари; XI. Астрология. Гадания. Приметы; XII. Каталоги; XIII. Сборники смешанного содержания; XIV. Разное; XV. Дополнения [1].

В подразделе «Индо-тибетская литература в монгольском переводе» (раздел «Художественная литература») под шифром С 197 (Позднеев,

247), инвентарным номером 622 значится рукописный сборник *Aršāni nomiḡin tuuḡi* («Сказание Нектарного Учения») (далее *Список 1*) [3, с. 622]. Сборник имеет форму потхи (книга, состоящая из отдельных прямоугольных листов). Титульный лист из плотной желтоватой бумаги. В верхнем левом углу титула имеется печать Дальневосточного фонда Азиатского музея Российской академии наук, чернила синего цвета. Под печатью приведены: сокращенное название коллекции (*Ойрам*), размеры (36 × 10), дата инвентаризации (1925) и инвентарный номер (*№ 535*). В нижнем левом углу титульного листа дан шифр: *Позднеев 247*. Название сборника написано на ойратском языке в двойной рамке фиолетового цвета: *Aršāni nomiḡin tuuḡi* («Сказание Нектарного Учения»). Весь текст написан одним размашистым почерком, за исключением первого листа (1а). Текст взят в двойную рамку. Пагинация ойратская на листах *recto* украшена цветным растительным орнаментом, начало каждой повествовательной единицы также отмечено арабской цифрой (1–63) и цветным растительным орнаментом. Текст переписан чернилами черного цвета на русской бумаге с филигранью (водяным знаком): рельефным штемпелем писчебумажной фабрики Петра Васильевича Сергеева (1799–1874): «Фабрика Сергеева № 5» (л. 7а; л. 14а). Внутри текста рукописи имеются исследовательские пометы цветными чернилами: пропущенные слова (л. 3а – *öḡligüyin (ezen)* ‘милостынедатель, донатор’; л. 3б – *zula* ‘свеча, светильник’; л. 23б – *nöül* ‘грех, омрачение’ и др.), падежные окончания (суфф. дат-местн. падежа *-du* и др.), частица отрицания *-ügei* ‘нет’ и др. Всего в рукописи пронумеровано 64 листа (запись сделана с обеих сторон страницы), включающих разное количество строк на странице:

¹ Ясное письмо («тодо бичик») – ойратское вертикальное письмо, созданное в 1648 г. ойратским просветителем Заяпандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольской графики.

25–29. Порядок листов в рукописи не нарушен. Размер страниц: 36 × 10,5 см (34 × 8,5 см). В конце рукописи указаны сведения о переписчике – собирателе калмыцкого фольклора И.И. Попове (1859–1925): *Ene tuujiḡi bi Ivan Ivanoviči Popov saḡajı bičibeı:* (Это сказание переписал я, Иван Иванович Попов). Источник и дата поступления рукописи неизвестны.

Сборник *Aršāni nomiḡin tuuji* («Сказание Нектарного Учения») еще в прошлые века был популярен среди ойратов Китая и калмыков России. Об этом свидетельствуют записи калмыцкого просветителя Номто Очирова, описывающие содержание всей библиотеки князя Тюменя (см. сборник-молитвенник княгини Эльзаты Тюмень под номером 3 «Аршана номин тууж») [4, с. 88] и список собрания рукописей синьцзянского исследователя из уезда Монгол-Кюря Нимян Басанга: *Aršān nom-in tuuji* [5, с. 1]. Вышеназванные тексты, к сожалению, еще не обнаружены, но поиски их продолжаются.

В монголоведении отсутствуют специальные монографические исследования по изучению памятника «Сказание Нектарного Учения». Один из трех списков памятника, хранящийся (далее *Список 2*) в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета [6, с. 332] под названием *Aršān nomiḡin tuuji oršoboı:* («Сказание Нектарного Учения»), упоминается в исследованиях Б.Я. Владимирцова «Монгольский сборник рассказов из “Pancatantra”» [7] и Д. Ёндона «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур» [8]. Список 1, хранящийся в Рукописном фонде ИВР РАН, ранее был исследован автором настоящей статьи в ряде публикаций: «Джатаки из ойратского сборника “Сказание Нектарного Учения”» (2007), «Притчи из “Сказания Нектарного Учения”» (2008), «О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике “Сказание Нектарного Учения”» (2008), «Ойратский сборник “Сказание Нектарного Учения”: мотив посещения ада» (2008), «О двух списках рукописи “Аршани номийн тууджи” (“Сказание Нектарного Учения”)» (2010), «Жанровые особенности ойратского литературного памятника “Сказание Нектарного Учения”» (2011), «История изучения ойратского литературного памятника “Сказание Нектарного Учения”» (2012). Следует отметить, что науке известен еще один неполный список «Сказания Нектарного Учения» (*Aršān nomiḡin tuuji oršoboı:* – далее *Список 3*), хранящийся в Государственном архиве Республики Татарстан. При сличении всех трех списков памятника выяснилось, что тексты

Списков 1 и 2 идентичны друг другу, за исключением некоторых окончаний слов, пропусков, сокращений, различных написаний и др., в неполном Списке 3 отсутствуют многие сюжеты.

Памятник *Aršāni nomiḡin tuuji* («Сказание Нектарного Учения») представляет собой сборник буддийских легенд, рассказов и джатак². Внутри сборника отсутствует какая-либо тематическая классификация. Каждая сюжетная единица сборника содержит определенное количество примеров, «вставных эпизодов», жанровый состав которых разнообразен. Все это позволяет рассматривать сочинение как пример особой жанровой разновидности ойратской литературы «народного буддизма». Какие именно источники послужили основой для составления этого сборника, нам неизвестно, но многие сюжеты рассказов встречаются в различных сочинениях древнеиндийской и тибето-монгольской литератур: палийские «Джатаки», «Джатакамала» («Гирлянда джатак»), «Панчатантра», «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо»), «Комментарии к “Субхашите”», «Комментарии к “Капле, питающей людей”» и др.

В настоящей статье впервые исследуется сюжет «Волшебник и его конь» на материале Списка 1. Монгольский исследователь Д. Ёндон, выявив данный сюжет на материале тибетских и монгольских источников, находит аналогичные ему сюжеты в Указателе Аарне – Томпсона – Утера: 1531 «Жизнь есть сон (Калиф на час); пьяницу переносят в барский дом (дворец), одевают в хорошее платье, хорошо кормят, он думает, что был на небе» и 905A*=AA *901 I=K 757A «Королева (царица) и жена сапожника: бессердечная, капризная королева перенесена во сне (ангелом, чародем, обыкновенным человеком) на место кроткой, постоянно избиваемой мужем сапожницы, а сапожница – на ее место; сапожник укрощает королеву» [11] (СУС 1531 (раздел 1525–1639 «О хитрых и ловких людях») и 905A*=AA *901 I=K 757A [12, с. 312; с. 227]). В сюжете Д. Ёндона волшебник, утверждая, что вещи и явления не иллюзорны, а реальны, предлагает на рынке одному человеку своего скакуна. Конь уносит человека в безлюдное место и бросает его на берегу. Там человек знакомится с красивой девушкой, они живут вместе и в течение четырех лет у них рождаются два сына и две дочери. Однажды

² Джатаки (монг. *čadiḡ* < уйг. *čadik* < санскр. *jātaka*) – этапы перерождений [9, с. 117], рассказы о перерождениях, главным героем которых является Будда Шакьямуни. Главная идея этих рассказов заключается в объяснении людям взаимосвязи деяний, совершенных при жизни, и последующих перерождений [10, с. 76].

их трехлетний мальчик и две дочери, упав в воду, утонули. Вслед за ними мать бросилась в воду и тоже погибла. Отец, оставшись с малолетним ребенком, горько заплакал. В это самое время один из толпящихся на рынке людей будит его [8, с. 66]. Все повествовательные единицы с данным сюжетом объединяются концепцией иллюзорности (< лат. *illusio* ‘обман’, ‘заблуждение’) и идеей мгновенности. Известно, что концепция иллюзорности и идея мгновенности занимают важное место в буддийской философии и особенно в Мадхьямаке³. С ней знаком каждый буддист, поскольку она присутствует во многих текстах, имеющих широчайшее распространение, например в известной всем «Алмазной сутре» («Ваджраччедике»), находившейся в каждой семье верующих буддистов в Тибете, Монголии, России, Корею, Китае, Японии [13, с. 5]. Аналогичные сюжеты также встречаются в тибетских (Atischa. Phachos; «Книга отца»; Балдан-Еши «Драгоценные прекрасные чётки») и монгольских («Канджур»: раздел «Куча драгоценностей») письменных памятниках, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН и Государственной публичной библиотеке Монголии. Сюжет «Волшебник и его конь» был настолько широко распространен в Средние века в Азии, что даже появились его литературные обработки в Европе (см. испанская новелла XIV века о маге Доне Ильяне из Толедо [14, с. 33–37]; новелла «Лавана» в итальянском сборнике «Новеллино» [15, с. 33–34]).

В Списке 1 «Сказания Нектарного Учения» нами обнаружен ряд рассказов, которые мы можем отнести к сюжетному типу «Волшебник и его конь». В первом рассказе (л. 17а–18б) ханский сын Цзе Бидо влюбляется в дочь брахмана⁴ по имени Маш Сайн Чимег (букв. ‘Самое лучшее украшение’). Хан хочет женить сына на ней и передать ему трон. Но мать желает, чтобы сын посвятил себя Учению Будды, и уговаривает одного волшебника (ойр. *ilbeči*), пообещав ему награду, помочь ей, чтобы сын отказался от женитьбы на дочери брахмана. Волшебник показывает ханскому сыну прекрасного коня, выставленного на продажу. Далее происходит примерно то же самое, что в сюжете Д. Ёндона: конь уносит ханского

сына в незнакомое место, а именно на остров Цаган Усун (букв. ‘Светлая вода’), где в прекрасном дворце, украшенном яшмой и колоннами из белой раковины, живет красивая небесная дева Мани Асарахой. Ханский сын живет с ней, у них рождаются две дочери. Когда старшей дочери исполнилось пятнадцать лет, случилась беда: дети и жена тонут в море. Ханский сын, перед тем как броситься в море, говорит: *ene nasun inu möngkü busu oqtor=yuyin cakilyān-luyā adlai: ende suuxui araya ügei: usuni urusxal-luyā adali xuran öödүqsen möngkü busu böjigiyin yayixal-luyā adali ende alini üzebecü üre ügei xösun bui:* (л. 38а–38б) (Эта жизнь не вечна, [она] подобна небесной молнии. Нет смысла пребывать здесь. [Эта жизнь] не вечна, [она] подобна скопившемуся потоку воды, подобна движениям танца. С какой стороны не посмотри, [жизнь] бесплодна). Тут наваждение завершается, он пробуждается, за одно мгновение юноша увидел все мучения и радости человеческой жизни, он отрекается от земных благ и посвящает себя Учению Будды. Рассказ завершается краткой сентенцией: *teyimiyin tula nom üyiledүqči бүкүн yertүncүyin xamuq nom öünü möngkü busu yelbiyin öböreçilүн-dү meden üyiled::* (л. 38б) (Таким образом, все практикующие Учение Будды должны понимать, что все материальные предметы не вечны, а иллюзорны).

Обращение матери к волшебнику соотносится с сюжетом ATU 325 The Magician and His Pupil («Волшебник и его ученик»), а именно с решением родителей отдать сына волшебнику в ученики. Международный сюжет ATU 325 [11, с. 208] встречается в различных версиях сборника «Волшебный мертвец» (монг. Sidditu kegür, ойр. Sidditü küür) [17, с. 248–351]; [18, с. 1–48]; [19]; [20, с. 30–32]; [21, с. 7–10]; [22]; [23, с. 21–39] и др., который в свою очередь берет начало с тибетского сборника «Игра Веталы с человеком» [24] и древнеиндийского литературного памятника «Двадцать пять рассказов Веталы» [25]. Необходимо отметить, что в некоторых тибетских и монгольских сюжетах предполагаемые «ученики» отказываются учиться у волшебника и подвергаются наваждению.

При сличении настоящих двух текстов было выявлено, что все позиции совпадают текстуально и варьируются лишь в незначительной степени. Выявленные текстуальные совпадения дают основания предполагать, что монгольский текст был заимствован из апокрифического тибетского сборника «Книга секты Кадам-па». Наше предположение подтверждает и предисловие Б.Я. Владимирцова к монгольскому «Рассказу о волшебстве»: «Настоящая сказка была широко распространена

³ Мадхьямака (санскр. *Madhyamaka* ‘срединность’) – одно из двух основных философских направлений буддизма махаяны.

⁴ Брахман – представитель высшего жреческого сословия в древней Индии. Прямым их занятием было изучение древнеиндийских священных текстов – вед и отправление обрядов. Среди брахманов встречались и торговцы, и земледельцы, и даже разбойники. Буддийская традиция не признавала брахманских претензий на исключительность [16, с. 402].

Рассказ из тибетского апокрифического сборника «Книга секты Кадам-па»	«Рассказ о волшебстве». Перевод Б.Я. Владимирцова с монгольского языка на русский язык
Волшебник Ла Занг предлагает своему другу, домо- хозяину Палу, обучиться волшебству.	Волшебник Сайн Саран (букв. ‘Прекрасный Месяц’) предлагает своему другу, домохозяину Цогту (букв. ‘Блистательный’), обучиться волшебству.
Пал отказался учиться волшебству, сказав, что вот коня бы он принял.	Цогту отказался учиться волшебству, сказав: «На что оно нужно? Вот лошадь была бы мне нужна».
Волшебник привел коня и предлагает обменять его на нитки, которые Пал сучил у дверей своего дома.	Волшебник прискакал на коне и предлагает обменять его на нитки, которые Цогту сучил у дверей своего жилища.
Пал садится на волшебного коня, и конь мчится с невероятной скоростью.	Цокту садится на волшебного коня, и конь мчится с невероятной скоростью.
Вечером Пал, оказавшись в одном пустынном месте, видит дом, в котором жила старуха с единственной дочерью.	На заходе солнца Цогту, оказавшись в пустынной и безлюдной лощине, видит человеческое жилье, в ко- тором жили старуха и ее три дочери.
Пал женится на дочери старухи.	Старуха предлагает взять в жены одну из ее дочерей. Цокту, не зная, что ему делать дальше, остался там и взял себе в жены одну из дочерей старухи.
Прошло много лет, у них родились два сына и одна дочь.	Прошло много лет, у них родились два сына и одна дочь.
Однажды случилась беда, сыновья, купаясь в реке, утонули, а дочку уносит тигр. Жена с горя утопилась.	Однажды случилась беда, сыновья, гоняясь за лучами месяца на поверхности воды, утонули в реке, а дочку уносит тигр. Жена с горя утопилась.
Пал бежит от горя, не зная куда и зачем... И вдруг он очутился вновь у своего дома. По совету жены он осматривается и видит нитки, которые он когда-то обменял на волшебного коня.	Цокту рвет на себе побелевшие волосы и бежит, не зная куда и зачем... И тут он пробуждается и оказывается у своего дома. По совету жены он осматривается и видит нитки, которые он только что сучил.
Сомнения Пала рассеял волшебник Ла Занг, ко- торый объяснил, что на самом деле никакого волшебного коня не было, а все явления мира ложны и подобны миражу. <i>Нет ничего истинного, а страдания человеческие подобны этому приключению, которого не было</i> [26, с. 232].	Сомнения Цокту рассеял волшебник Сайн Саран, который ему говорит: « <i>Увы! все явления мира ложны, подобны волшебному миражу! И нет ничего истинного! Какие бы мучения мы ни испытывали в этом мире, как бы они ни казались настоящими, все они подобны твоему приключению</i> » [27, с. 57].

среди народов Средней Азии (тибетцев, монголов, бурят) и была заимствована из сочинения знаменитого буддийского «святителя» Джово Атиши⁵ [27, с. 55]. Джово Атиша (982–1054) был великим индийским ученым, монахом, проповедником, основателем тибетской школы Кадам-па (тиб. *bka' gdams pa*). Из его биографии известно, что он, посетив тибетскую библиотеку в Самье, был восхищен ее собранием и в соавторстве с известными тибетскими переводчиками Ринчен Зангпо (958–1055) и Нагцо Цултрим Гьялва перевел множество

индийских рукописей⁶. «Книга секты Кадам-па», приписываемая Атише, многократно издавалась в Тибете и Монголии отдельной книжкой, «один из переводов книги на монгольский язык, был осуществлен в 1867 году бурятским переводчиком Агван Лобсан Галсан Джинбой и напечатан ксилографическим способом в Цугольском дацане под названием “Сказка о магии, рассказанная святым Джоу Атишей”» [8, с. 66]. Ксилограф ныне хранится в монгольском фонде Государственной публичной библиотеки Монголии [8, с. 172]. Исследователь тибетских письменных памятников

⁵ Джово Атиша – индийский ученый, буддийский монах, проповедник, основатель, настоятель.

⁶ URL: <http://dharmawiki.ru/index.php> (дата обращения: 15.07.2023).

Л.С. Савицкий предполагает, что сказочные истории, входящие в состав сборника «Книга секты Кадам-па», являются одной из версий «Волшебного мертвеца» [28, с. 11].

В «Сказании Нектарного Учения» имеются еще две редакции с сюжетом «Волшебник и его конь», которые несколько отличаются от истории первого рассказа. В одной из них хан и ханша устраивают веселый пир. На пиру присутствует один искусный волшебник с красивой лошадей. Хан просит волшебника показать им волшебство. Волшебник соглашается и уходит за необходимыми ему предметами. В отсутствие волшебника хан садится на его лошадь, и лошадь уносит его в чуждедальную страну. В пустынном месте у скалы хан видит красавицу, влюбляется и женится на ней. У девушки было много скота. Со временем у них рождаются трое сыновей, которые пасут их скот. Однажды, когда старшему сыну исполнилось 13 лет, в их местности случился большой снегопад, дети, гоняясь за своим скотом, тонут в море. Жена от горя вслед за сыновьями также тонет в море, и хан, бросившись вслед за ними, просыпается в своей постели. *Teged xān tere-inu ene metü xamuq üzeqdeliyin nom yelbiyin öbörçilön-dü meded yertünčiyin xamuq üyile-ēse oyuu urban angxarun abuqsan-yer yelbi metü diyān ündüsündü töröqsен bui : : : (л. 586)* (Проснувшись, хан понял, что все видения были проявлением волшебства. Он, отвратив свой ум от всех мирских дел, возродился в дияне⁷). Другой рассказ из «Сказания Нектарного Учения» по содержанию очень схож с рассказом из тибетской рукописи «Голубые книги Потобы» («Бебум-нгонпо»), хранящейся в коллекции Б.Б. Барадийна в тибетском фонде Института восточных рукописей РАН [26, с. 231]. Мораль этих рассказов заключается в том, что все практикующие Учение Будды не должны питать страстных стремлений к видимому и признавать его за призрачную самобытность.

Сравнение рассказа из «Сказания Нектарного Учения» с тибетским текстом из рукописи «Голубые книги Потобы» показывает их текстуальную близость (совпадают даже имена героев ойр. *Дед-пон Бзиппо* и тиб. *Занг-по*), что вполне объяснимо, так как монголы и ойраты с принятием тибетского буддизма стали переводить письменные памятники на свой родной язык и заимствовать тем самым сюжеты из тибетской и индийской литератур.

⁷ Дияан (< уйг. *dyan* < санскр. *dhyāna*) – *рел.* обитель, отшельнический скит [9, с. 46].

В «Сказании Нектарного Учения» волшебник помогает родителям вновь обрести временно отсутствующих или умерших детей. Так, в одном из рассказов говорится, что у хана Ра-Ма-На был пяти-шестилетний сын, писавший сутры золотом. «Согласно буддийской традиции переписывание сутр золотыми чернилами считается высшей духовной заслугой, добродетелью (ойр. *dēdū buyan*), способствующей очищению от грехов и благому перерождению» [29, с. 40]. Однажды мальчику, совершавшему добродетель, для жертвования не хватило чего-то, и хан отправил слуг собрать дань у подданных иноземных государств. В это время ханша Сесили, поручив сына монаху-отшельнику, решила навестить своих родителей, но не заметила, как ребенок увязался за ней. Никто не заметил, что мальчик ушел с матерью. Не найдя сына, хан очень тоскует по нему и, дав плату волшебнику, обращается к нему: *yilbi-bēr uridaki kübüün metü nige sayixan kübüü üyiled kemēqsен-dü (48a)* (С помощью волшебства сотвори [мне] красивого мальчика, подобного [моему] прежнему сыну). Волшебник сотворил ему сына. Через некоторое время ханша, оставив сына у своих родителей, возвращается и рассказывает, что все это время сын был с ней. «Волшебный мальчик» исчезает. Хан и раньше понимал, что это чары, но он постоянно питал страстную привязанность к обманчивому призраку. Рассказ завершается поучением: *teyimiyin tula nom üyiledüqçi бүкүн туса үгеі зоболонггйин седкил бү өүске кемән үйiledүqsен bui : : (48б)* (Таким образом, все, практикующие Учение Будды, не взращивайте ненужные и бесполезные страдания). Герой рассказа носит имя главного персонажа древнеиндийского эпоса «Рамаяны»⁸, старшего сына царя страны Кошалы Дашаратхи⁹. Это свидетельствует о том, что ойратский текст восходит к «Рамаяне», в основе которой лежат фантастические сказания об исторических событиях, происходивших четыре тысячи лет назад в Индии. О присутствии в ойратской и монгольской литературе сюжетов из «Рамаяны» академик Ц. Дамдинсурэн пишет, что «*рассказы о Рамане попали в Тибет двумя путями: через переводы буддийской литературы и как устные предания; из Тибета в более поздний период они проникли в Монголию*» [30, с. 19]. Устные и письменные версии «Сказания о Раме», зародившись в Древней Индии, распространились по многим странам Азии, плодотворно влияя на развитие их

⁸ Буддийский пересказ сюжета «Рамаяны» называется «Дашаратха-джатака» [30, с. 7].

⁹ Кошала – древнеиндийское государство, находившееся между Гангом и его притоком Гагрой. В «Рамаяне» Кошала представлена как богатая и счастливая страна.

Рассказ из ойратского письменного памятника «Сказание Нектарного Учения»	Рассказ из тибетской рукописи «Голубые книги Потобы»
В старину жил один хан по имени Дедпон Бзанпо, жил он в богатстве и довольстве.	Когда-то жил некий царь по имени Де Чод, жил он в богатстве, но плохо следовал Учению Будды.
Однажды, когда хан сел на свой большой драгоценный трон, хотел испить рисовую водку из серебряного ковша, к нему прибыл один искусный волшебник. Он пришел, чтобы поучаствовать в состязаниях волшебников.	Однажды, когда царь, сидя на троне, держал серебряные чаши с рисом и вином, к нему пришел волшебник Занг-по.
Хан повелел волшебнику показать ему волшебство.	Царь повелел волшебнику Занг-по развлечь его волшебством.
Волшебник показывает хану дивного коня, хан захотелось сесть на коня. Конь срывается и несет его по горам, рекам и доставляет в пустынное место. Там жили старик со старухой, у них была единственная дочь-красавица.	Волшебник сделал волшебство с помощью волшебного коня, который уносит царя на пустынный остров, где жили старик со старухой и хорошенькой дочерью.
Хан женится на их дочери, и у них рождаются три дочери.	Царь, не зная как выбраться с острова, женится на их дочери, и у них рождаются два сына и одна дочь.
Однажды случилось несчастье: девочки, собирая овощи на берегу моря, утонули в море. Спасая их, утонули старик со старухой. А их дочь, жена хана, не выдержав такого горя, тоже тонет в море.	Однажды старуха (теща царя), купаясь в море, утонула. Старик вонзил в себя стрелу. Жена, узнав о смерти своих родителей, бросается в море, и дети тоже погибают.
Хан, не видя смысла жизни, вслед за семьей бросается в море: <i>teged xān sedkil ʧasalang bolji ede noyuud ügei boluqsan-du bi ende yuu üyiledkü ügümüi kemēn sedkīd dalai-du unaqsan-du tende yelbi ebderen xān öböriyin šire-dü mönggön šinaʧadu arki barin suuqsan-du xān ene orčilang-du yeke ʧangsaral törön</i> (56a) (Оставшись без семьи и имущества, хан, печалась, подумал: «Что же мне делать?» — и прыгнул в море). В это время волшебное наваждение разрушилось, и хан оказался сидящим на своем троне, держа в руке серебряный ковш с водкой.	Царь, потеряв рассудок, бежит дальше от моря... и вдруг оказывается на своем троне. В руках у него серебряные чаши с рисом и вином.
Хан понимает, что все видимое есть призрачная самобытность и имеет свойства невечности и пристрастия к предметам материального мира.	Царь понимает, что вся случившаяся с ним история — это результат волшебства, окружающий мир — это иллюзия, и становится он праведником.

национальной литературы. В индийской прозе известен рассказ Р.Н. Нарайана под названием «Лавана» [31], основой которого также послужил сюжет из «Рамаяны» и санскритского религиозно-философского сочинения «Йога-Васиштха». Царь Лавана, находясь под чарами волшебника, бросается в огонь, чтобы своим телом накормить свою семью, погибающую от голода. Очнувшись, царь видит себя сидящим на своем троне в зале собраний, понимает, что это был сон. Так за две минуты перед царем прошла целая жизнь — семьдесят лет [31, с. 22–31]. Сюжет из «Лаваны» очень схож с монгольской сказкой [см. 32, с. 5–6]. Об этом свидетельствуют и упоминания о вороном коне, уносящем правителя в дикие, глухие места, и встреча с женщиной, и

жалость к мальчику, умершему (или умирающему) от голода. В индийской версии сюжета, в отличие от тибетских, монгольских и ойратских версий, присутствует весьма долгий диалог царя с волшебником о возможности его чар, а также имеются более полные описания волшебника и его коня.

В монгольских и тибетских текстах волшебник представлен старым [32, с. 5–6]; известным [33, с. 408], хорошо знающим чары [27, с. 55]; другом домохозяина по имени Ла Занг [26, с. 231–232] либо Сайн Сара [27, с. 55]. В индийском тексте волшебник представлен с изможденным лицом, длинными седыми волосами, босыми ногами, со страшным взглядом, на лбу у него священные

знаки и редкостный кашмирский платок, на запястье золотой браслет с камнями, на шее на золотой цепочке висели массивные четки [31, с. 22]. В ойратском памятнике «Сказание Нектарного Учения» волшебник известен как *nige ilbeči kümün* ‘один волшебник’ (34а), *nige sayin ilbeči* ‘один лучший волшебник’ (37б–38а; 39а); *mergen nige ilbeči* ‘один ловкий волшебник’ (62а). В одном из рассказов памятника волшебник настолько хитер, что обманывает алчного монаха, за бирюзовые четки (на самом деле они были из шерсти и грязи) ему удается заполучить полтушки баранины, хорошего скакуна и одежду. Монах, опомнившись, пытается вернуть то, что отдал волшебнику. Однако волшебник ему отвечает: *batu oron dgeslong ta namai gerte yabu kemēn ese üyiledülüü bi-inu üzeqdel ene ünēn busu yelbi mön ontuyatu müni tula yu öüni batu oron-du örgön üyiledemüi kemeqsen bui: Batuu oroni zarliq-ēce tere mön eyimü ögüülkü ayan yeke yayixamšiq kemēn ögüüled mörin kigēd xubcasun terigüüteni ögön üyiledüqsen bui. Nigente ögöd xārin bulāxu yosun bui buyu kemēqsen-dü batu oron dgeslong tere zaryu aldaǰi mörin xubcasun terigüüteni cu aldaqsan bui* (л. 7а–7б) («Уважаемый гелюнг¹⁰, вы [получив крупные бирюзовые четки], сказали мне “идти домой”, а я вас предупреждал, что “кажущиеся предметы неистинны”, и преподнес вам бирюзовые четки. Вы согласились со мной, [но, увидев четки], восхитились: “О, как красиво!”. И отдали [мне свою] лошадь, одежду и прочее. Отдав, разве можно отбирать?». Так алчный гелюнг проиграл спор, лишившись лошади, одежды и прочего). В другом рассказе волшебнику удается посредством волшебства создать прекрасный богатый дворец, сотворить божеств на небе (Хурмуста тенгрия, Амитабху, Маудгальяяну, Гонши Гуудану), пригласить Будду со свитой и провести им «праздник Учения» (ойр. *nomiyin xurim*). За эти заслуги волшебник после смерти перерождается в Кюнде Орчилугчи хана, то есть в Чакравартин¹¹ (62а–63а). В рассказах «Сказания Нектарного Учения» функции волшебника может выполнять и верховное небесное божество Хормуста тенгрий (ойр. *Xurmusta tenggeri*, монг. *Хурмаста, Хормуста-тэнгри* < от согдийского *Хурмазта*), который воссоздает принца из пучка травы и тем самым успокаивает на время осиротевших родителей. Однажды ненастоящий принц признается: *Xatuiq not ünēn busu xōson xudal moni tula ödö=gē mini beye ene metu bui kemēn ögüülēd xōson öbösüni coqco bolun*

¹⁰ Гелюнг – рел. буддийский монах, держащий 253 обета.

¹¹ Чакравартин (< уйг. *Čakiravrt* < санскр. *Cakravartin*; монг. *Хүрдэн эргүүлэгч*; ойр. *Kürde orčiuluqči xān*) – вселенский правитель, его правление устраняет хаос и устанавливает порядок [9, с. 120].

odboi: (л. 51б) (Все дхармы не истинны, пусты и ложны, подобно моему нынешнему телу, сказав так, превратился в пучок травы). Родители признали, что принц ненастоящий, и их страдания успокоились.

Функции чудесного помощника волшебника в сюжете «Волшебник и его конь» выполняет неподатливый мифический конь, который, преодолев длинный путь, перемещает героя в иллюзорное пространство. В рассматриваемых нами рассказах прослеживается связь коня с водой, конь сбрасывает героя на берегу, а сам бросается в воду и тонет. Согласно индийской мифологической традиции «вода – первооснова и источник всего сущего. В ней зарождается все живое, поэтому воду часто сравнивают с женским началом, говоря о ней как о материнском лоне, дарующем жизнь» [34, с. 143]. В тибетских, монгольских и ойратских письменных текстах конь волшебника представлен как *goē сайхан хилэн хар морь* ‘прекрасный изяшно-чёрный конь’ [33, с. 408]; прекрасный вороной конь [32, с. 5–6]; *sayin morin* ‘лучший конь’ (26б–27б; 39а); *nige sayixan morin* ‘красивый конь’ (37б–38а); прекрасный конь [26, с. 231–232]; волшебный конь [26, с. 231]; [27, с. 55]. В «Лаване» конь волшебника представлен иссиня-черной мастью, «с развевающейся гривой, длинным волочившимся хвостом, сверкающими глазами и мордой, покрытой пеной» [31, с. 24].

История о «Волшебнике и его коне» получила также широкое распространение в устном бытовании. Характерно, что ее содержание в монгольской сказочной традиции постоянно подвергалось изменениям. В результате в некоторых случаях первоначальная идея истории – «идея мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия» [35, с. 89] была отодвинута на задний план. К примеру, в монгольской сказке, зафиксированной в начале XX века, согласно индийской, тибетской, ойратской письменной традиции, герой, оказавшись в реальной жизни, глубоко задумывается: «Сколько лет он отсутствовал?». Он считает свое время по лунному календарю: *в году двенадцать месяцев и в нем триста шестьдесят суток* [27, с. 57]. За это время герой успевает жениться и родить троих (четырех) детей. В изданиях же второй половины XX века мораль монгольских сказок изменяется, она несет социальный смысл: «*За хаантан минь! Энэ хорвоод таны гомдоосон хумуус мөн ч олон даа*» гэж хэлжээ («Видишь, хан, как много на земле людей, тобою обиженных», – говорит на прощание волшебник) [32, с. 5–6], – отражает, по всей вероятности,

народное мировоззрение весьма поздней эпохи. Изучая содержание двух монгольских фольклорных версий сказки в сопоставлении с прочими письменными параллелями, Ц. Дамдинсурэн приходит к заключению: «Это новое антифеодальное и демократическое содержание можно рассматривать как отражение критического направления литературы, получившего в острой форме распространение с XVII–XVIII вв. в монгольском обществе» [33, с. 410–411].

Таким образом, рассказы с сюжетом «Волшебник и его конь», входящие в списки «Сказания Нектарного Учения» (Arṣāni nomiyin tuuḷi), были созданы на основе иноземного материала, который подвергся тут незначительной обработке, дополнению, контаминации, сокращению и в какой-то степени соединению с местной литературно-фольклорной традицией. Более того, к рассказам из «Сказания Нектарного Учения» нами были обнаружены параллели в монгольской, тибетской и древнеиндийской литературе и фольклоре. Во всех произведениях волшебник показывает герою видение (иллюзию) и перед глазами героя жизнь проходит за очень короткое время (чай, налитый ханом, еще не успел остыть; нитки лежат на том же месте, что и до исчезновения героя, и др.). Концепция иллюзорности и концепция мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия, отраженные в этих произведениях, навеяны буддизмом и древнеиндийской философией. Следует также отметить, что, несмотря на распространенность сказочного сюжета «Волшебник и его конь» в произведениях разных народов мира, он до сих пор не стал достоянием научной общественности и не учтен во многих указателях сюжетов. Полученные результаты настоящей статьи будут использованы автором при подготовке типологического указателя сюжетов ойратского памятника Arṣāni nomiyin tuuḷi («Сказание Нектарного Учения»).

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. – буквально

ИВР РАН – Институт восточных рукописей РАН

калм. – калмыцкий язык

Каталог – Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1–3. М., 1988, 2001, 2003.

лат. – латинский язык

монг. – монгольский язык

ойр. – ойратский язык

рел. – религия

санскр. – санскрит

Список 1 – Arṣāni nomiyin tuuḷi (Сказание Нектарного Учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеева). Шифр С 197. 64 л.

Список 2 – Arṣān nomiyin tuuḷi oroṣiboī (Сказание Нектарного Учения). A collection of didactic stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. Е 6. № 1917 (старый шифр: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 л.

Список 3 – Буддийские легенды на калмыцком языке // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11–24.

тиб. – тибетский язык

уйг. – уйгурский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1–3. М.: Восточная литература, 1988, 2001, 2003.
2. *Яхонтова Н.С.* Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма»: сборник научных статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.
3. *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Т. I / Отв. ред. Д. Кара. М.: Наука – ГРВЛ, 1988. 508 с.
4. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. Сер. II. № 2. С. 78–91.
5. *Ни. Басанг* Ни. Басанг и его коллекция старинных книг // Хан Тенгри. Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 1984. № 2. С. 1–3.
6. *Uspensky V.L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre), 2001. 529 p.
7. *Владимирцов Б.Я.* Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Петроград: Академическая 12-я государственная типография, 1921. 162 с.
8. *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, 1989. 183 с.
9. *Домийн Т.* Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь (Краткий толковый словарь

- заимствованных слов монгольского языка). Уланбаатар: Адмон Принт, 2018. 199 с.
10. *Меняев Б.В.* Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание Нектарного учения» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 76–78.
 11. *Uther H.J.* The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. № 325; № 1531; № 905A*=AA *901 I=K 757A. 619 p.
 12. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Ленинград: Наука, 1979. 112 с.
 13. *Ленехов С.Ю.* Концепция иллюзорности мира в «Ратна-гуна-самчая-гатхе» // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 13. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. С. 3–31.
 14. *Мануэль Х.* (инфант Кастильский; 1282–1344) Граф Луканор / Перевод с испан. Д.К. Петрова. М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1961. 207 с.
 15. Новеллино / Перевод И.А. Соколовой; издание подготовили М.Л. Андреев, И.А. Соколова; отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 320 с.
 16. Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. СПб.: МЭОО «Возрождение» – Культурный центр «Уддияна», 2003. 416 с.
 17. *Bergmann V.* Nomadische Streifereien unter Kalmucken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.
 18. *Голстунский К.Ф.* Убуши хун-тайджийин туудж. Народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту күрийн туули (История об Убуши хун тайджи. Народная калмыцкая поэма «Джангар» и «Сказка “Сидди кюр”»). Спб.: Литография Иконникова, 1864. Лит. № I. 74 с.
 19. Волшебный мертвец: Монгольско-ойратские сказки // Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Восточная литература, 2003. С. 227–309.
 20. Калмыцкие сказки, собранные Лером. М.: Типография и литография Г.С. Папирова, 1873. 36 с.
 21. Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1960. 86 х.
 22. Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.
 23. Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутева). Записи 1971–1978 гг.: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Б.Х. Борлыкова. Серия: Өвкрин зөөр (Сокровища предков). Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
 24. Игра Веталы с человеком (тибетские народные сказки) / Пер. с тиб. Ю. Парфионовича. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1969. 143 с.
 25. Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскрита, [вступ. статья и примеч.] И. Серебрякова. М.: Гослитиздат, 1958. 147 с.
 26. *Савицкий Л.С.* О некоторых особенностях тибетской литературы XIV–XVI вв. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 223–232.
 27. Рассказ о волшебстве / Пер. Б.Я. Владимирцова // Восток. Кн. 2. М.; СПб.: Всемирная литература, 1923. С. 55–57.
 28. *Савицкий Л.С.* Тибетский апокрифический сборник «Книга секты Кадан-па» (кадан-легбан) и время его написания // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ленинград: Ленинградское отделение Института народов Азии, 1965. С. 11–12.
 29. *Меняев Б.В.* Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 544 с.
 30. *Дамдинсурэн Ц.* «Рамаяна» в Монголии. М.: Наука, 1979. 216 с.
 31. *Нарайан Р.К.* Боги, демоны, другие. / Пер. с англ. Ю.С. Родман; отв. ред. А.Я. Сыркин. М.: Наука, 1975. С. 22–31.
 32. Монгольские сказки: Пер. с монгол., сост. и послесл. Г. Михайлова. М.: Гослитиздат, 1962. 239 с.
 33. Монголын уран зохиолын тойм (Краткая история монгольской литературы). 2-р дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. 672 с.
 34. *Меренкова О.Н.* Образ Макары и водное пространство в индийской культуре // Азиатский бестиярий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 143–150.
 35. *Рифтин Б.Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 68–113.

REFERENCES

1. Sazykin, A.G. *Katalog mongolskikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya RAN* [Catalog of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 1–3. Moscow: Eastern literature Publ., 1988, 2001, 2003. (In Russ. and Oirat)
2. Yakhontova, N.S. *Oiratskie rukopisi i ksilografy v sobranii Instituta vostochnykh rukopisei RAN* [Oirat Manuscripts and Woodcuts in the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. *Mir “yasnogo pisma”* [The World

- of “Clear Writing”]. Collection of Scientific Articles. Elista: KIGI RAS Publ., 2014, pp. 5–26. (In Russ.)
3. Sazykin, A.G. *Katalog mongolskikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR* [Catalog of Mongolian Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Vol. I. Rep. ed. D. Kara. Moscow: “Science” GRVL Publ., 1988. 508 p. (In Russ. and Oirat)
 4. *Poezdka v Aleksandrovskii i Bagatsokhurovskii ulusy astrakhanskikh kalmykov. Otchet N. Ochirova* [A Trip to the Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Uluses of the Astrakhan Kalmyks. Report by N. Ochirov]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1913, Ser. II, No. 2, pp. 78–91. (In Russ.)
 5. Basang, Ni. *Ni. Basang i ego kolleksiya starinnykh knig* [Ni. Basang and His Collection of Ancient Books]. *Khan Tengri* [Khan Tengri]. Urumqi: People’s Publishing House of Xinjiang, 1984, No. 2, pp. 1–3. (In Oirat)
 6. Uspensky, V.L. *Catalog of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Compiled by V.L. Uspensky. Tokyo, Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Center), 2001. 529 p.
 7. Vladimirtsov, B.Ya. *Mongolskii sbornik rasskazov iz Pancatantra* [Mongolian Short Story Collection from Pancatantra]. Petrograd: Academic 12th State Printing House, 1921. 162 p. (In Russ.)
 8. Yondon, D. *Skazochnye syuzhety v pamyatnikakh tibetskoi i mongolskoi literature* [Fairy Tales in Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 183 p. (In Russ.)
 9. Domiin, T. *Mongol heland orson gadaad ugiin huraangui tailbar tol* [A Short Explanatory Dictionary of Borrowed Words of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Admon Print, 2018. 199 p. (In Mongol.)
 10. Menyaev, B.V. *Zhanrovye osobennosti oiratskogo literaturnogo pamyatnika “Skazanie Nektarnogo ucheniya”* [Genre Features of the Oirat Literary Monument “The Legend of the Nectar Teaching”]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2011, No. 1-2 (65), pp. 76–78. (In Russ.)
 11. Uther, H.J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, No. 325; No. 1531; No. 905A*=AA *901 I=K 757A. 619 p.
 12. *Sravnitelnyi ukazatel syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka* [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]. Comp. L.G. Barag, I.P. Berezovsky, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 112 p. (In Russ.)
 13. Lepekhov, S.Yu. *Kontseptsiya illyuzornosti mira v “Ratna-guna-samchaya-gatkhe”* [The Concept of the Illusory Nature of the World in “Ratna-guna-samchaya-gatha”]. *Kultura Tsentralnoi Azii: pismennye istochniki* [Culture of Central Asia: Written Sources]. Vol. 13. Ulan-Ude: Publishing house BSC SB RAS, 2020, pp. 3–31. (In Russ.)
 14. Manuel, H. (Infant of Castile; 1282–1344) *Graf Lukanor* [Count of Lucanor]. Translation from Spanish D.K. Petrova. Moscow, Leningrad: Goslitizdat [Leningr. department] Publ., 1961. 207 p. (In Russ.)
 15. *Novellino* [Novellino]. Translation by I. A. Sokolova; the Publication was prepared by M.L. Andreev, I.A. Sokolova; resp. ed. R.I. Khlodovsky. Moscow: Nauka Publ., 1984. 320 p. (In Russ.)
 16. *Dzhataki: izbrannye rassказы o proshlykh zhiznyakh Buddy* [Jatakas: Selected Stories about the past lives of Buddha]. St. Petersburg: MEOO “Vozrozhdenie” – Cultural Center “Uddiyana” Publ., 2003. 416 p. (In Russ.)
 17. Bergmann, B. *Nomadische Streifereien unter Kalmücken*. Band II. Riga: Erster Theil, 1805, pp. 247–351. (In German)
 18. Golstunsky K.F. *Ubushi hun-tayjiin tuuj. Kalmyk folk poem “Dzhangar” and Sidditu kuriin tuuli* [The Story of Ubushi Hong Taiji. Kalmyk Folk Tale Poem “Dzhangar” and “The Tale of Siddi Kur”]. St. Petersburg: Lithograph by Ikonnikov, 1864, No. 1. 74 p. (In Russ. and Kalmyk)
 19. *Volshebnyi mertvets: Mongolsko-oiratskie skazki* [The Magical Dead Man: Mongolian-Oirat Tales]. Vladimirtsov, B.Ya. *Raboty po literature mongolskikh narodov* [Works on the Literature of the Mongolian Peoples]. Moscow: Eastern literature Publ., 2003, pp. 227–309. (In Russ.)
 20. *Kalmytskie skazki, sobrannye Lerom* [Kalmyk Tales Collected by Ler]. Moscow: Printing house and lithography G.S. Papirova, 1873. 36 p. (In Russ.)
 21. *Sedklin kyr* [Sedklin Kur]. Elista: Kalmyk book publishing house, 1960. 86 p. (In Kalmyk)
 22. *Mednovolosaya devushka. Kalmytskie narodnye skazki* [Copper-Haired Girl. Kalmyk Folk Tales]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 271 p. (In Russ.)
 23. *Buutan Sanjcin tuul’s* [Tales of Sanji Butaev]. Records 1971–1978. In 2 books. Book 1. Comp. B.Kh. Borlykova. Ser. Treasures of the ancestors. Elista: KIGI RAS Publ., 2008. 308 p. (In Russ. and Kalmyk)
 24. *Igra Vetaly s chelovekom. Tibetskie narodnye skazki* [The Game of Vetala with a Person. Tibetan Folk Tales. Transl. from tib. Yu. Parfionovich]. Moscow: Main editorial office of oriental literature of the publishing house “Nauka”, 1969. 143 p. (In Russ.)
 25. *Dvadsat pyat rasskazov Vetaly* [Twenty-Five Stories of Vetala]. Translation from Sanskrit [intro. article

- and note] I. Serebryakova. Moscow: Goslitizdat Publ., 1958. 147 p. (In Russ.)
26. Savitsky, L.S. *O nekotorykh osobennostyakh tibetskoi literatury XIV–XVI vv.* [About Some Features of Tibetan Literature of the 14th–16th Centuries]. *Zhanry i stili literatur Kitaya i Korei* [Genres and Styles of Literature from China and Korea]. Moscow: Science-Chief Editorial Office of Eastern Literature, 1969, pp. 223–232. (In Russ.)
27. *Rasskaz o volshebстве* [A Story About Magic]. Translation of B.Ya. Vladimirtsov. *Vostok* [East]. Book 2. Moscow, St. Petersburg: World Literature Publ., 1923, pp. 55–57. (In Russ.)
28. Savitsky, L.S. *Tibetskii apokrificheskii sbornik “Kniga sekty Kadan-pa” (kadan-legban) i vremya ego napisaniya* [Tibetan Apocryphal Collection “The Book of the Kadan-pa Sect” (Kadan-Legban) and the Time of its Writing]. *Pismennye pamyatniki i problemy istorii kultury narodov Vostoka* [Written Monuments and Problems of the History of Culture of the Peoples of the East]. Leningrad: Leningrad branch of the Institute of Asian Peoples, 1965, pp. 11–12. (In Russ.)
29. Menyayev, B.V. *Istoriko-kulturnoe nasledie khoshutov Kalmykii: issledovanie i materialy* [Historical and Cultural Heritage of the Khoshuts of Kalmykia: Research and Materials]. Elista, Kalmyk University Publishing House, 2023. 544 p. (In Russ. and Kalmyk)
30. Damdinsuren, Ts. “*Ramayana*” v *Mongolii* [“*Ramayana*” in Mongolia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 216 p. (In Russ.)
31. Narayan, R.K. *Bogi, demony, drugie* [Gods, Demons, Others]. Translation from English of Yu.S. Rodman. Rep. ed. and I. Syrkin. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 22–31. (In Russ.)
32. *Mongolskie skazki* [Mongolian Fairy Tales]. Trans. from Mongolian, comp. and afterword Of G. Mikhailova. Illustration of V. Noskov. Moscow: Goslitizdat Publ., 1962. 239 p. (In Russ.)
33. *Mongolyn uran zokhiolyn toim* [Brief History of Mongolian Literature]. Book 2 (the 17th–18th Centuries). Ulaanbaatar: Publishing house of the Academy of Sciences of Mongolia, 1977. 672 p. (In Mongol.)
34. Merenkova, O.N. *Obraz Makary i vodnoe prostranstvo v indiiskoi kulture* [The Image of Makara and the Water Space in Indian Culture]. *Aziatskii bestiarii. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoi, Yugo-Zapadnoi i Tsentralnoi Azii* [Asian Bestiary. Images of Animals in the Traditions of South, South-West and Central Asia]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS, 2009, pp. 143–150. (In Russ.)
35. Riftin, B.L. *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur* [Typology and Interrelations of Medieval Literatures]. *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada* [Typology and Interrelations of Medieval Literatures of the East and West]. Moscow: Science Main editorial office of Eastern literature, 1974, pp. 68–113. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 6 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 6, 2023

Revised on October 11, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010112

Взаимодействие показателей рефлексива и каритива в норвежском языке

© 2024 г. Н. О. Гордеев

Аспирант факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
permanentdaylight@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются особенности взаимодействия базового рефлексивного показателя норвежского языка с несколькими наиболее частотными каритивными глаголами. Обнаруживается, что данное взаимодействие может протекать в различных формах: от композиционного образования возвратной формы глагола до идиоматичного изменения его значения либо запрета на сочетание рефлексива и каритивного глагола. В статье также рассматриваются различные факторы, способные влиять на взаимодействие рефлексива и каритивных глаголов: каузативность и некаузативность каритивного глагола, степень «специализированности» глагола на выражении каритивного значения и др. В заключительной части статьи даются некоторые наблюдения о взаимодействии рефлексивных форм норвежских глаголов с каритивным предлогом *uten* ‘без’, данное взаимодействие также сравнивается с аналогичным явлением в русском языке.

Благодарность. Статья подготовлена по результатам проекта «Типологический конструктикон» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022–2024 гг.

Ключевые слова: каритив, рефлексив, норвежский язык, грамматика конструкций.

Для цитирования: Гордеев Н.О. Взаимодействие показателей рефлексива и каритива в норвежском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 119–136. DOI: 10.31857/S1605788024010112

Interaction Between Reflexive and Caritive Markers in the Norwegian Language

© 2024 Nikita O. Gordeev

Postgraduate Student of the Faculty of Humanities
of the National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
permanentdaylight@mail.ru

Abstract. The author studies the interaction between the basic Norwegian reflexive marker and several frequent caritive verbs. The study shows that there are diverse forms of the interaction possible, ranging from simple derivation of reflexive forms to idiomatic change of verb’s meaning or ban on verb-reflexive pairings. The author also tries to analyze possible factors that can influence the studied interaction, *i.e.* causative and decausative semantics of a verb, the degree of its “specialization” on expressing caritive meaning *etc.* The final part of the paper studies the interaction between several Norwegian reflexive verbs and preposition *uten* ‘without’, such constructions are compared with similar Russian ones.

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of the project “Typological Constructicon” project with the support of the Foundation for Humanitarian Research of the Federal State Research University Higher School of Economics in 2022–2024.

Key words: caritive, reflexive, the Norwegian language, construction grammar.

For citation: Gordeev, N.O. *Vzaimodejstvie pokazatelej refleksiva i karitiva v norvezhskom yazyke* [Interaction Between Reflexive and Caritive Markers in the Norwegian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 119–136. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010112

Введение

Данная статья посвящена взаимодействию каритивных глаголов и конструкций с рефлексивом в норвежском языке. В ней будет продемонстрировано, какие значения могут появляться у каритивных глаголов при добавлении рефлексивного показателя, а также какие факторы могут влиять на семантику рефлексивов. Помимо этого, некоторые сочетания норвежских каритивных и рефлексивных маркеров будут сопоставлены с формально и/или семантически аналогичными сочетаниями в русском языке. Результаты работы послужат вкладом в системное описание каритива в норвежском языке, а также каритива как объекта для типологического сравнения языков.

Под каритивной конструкцией или каритивным маркером подразумевается языковая единица, выражающая семантику лишения или утраты, то есть «отсутствие в ситуации второстепенного участника или объекта обладания главного участника (*пришел без друзей; спал без грелки*)» [1, с. 125]. Как отмечают в своей недавней статье С.А. Оскольская и коллеги, к настоящему моменту каритив остается относительно малоизученным — имеются описания каритива в отдельных языках и языковых семьях (причем в некоторых случаях термину «каритив» традиционно предпочитают, например, «абессив» или «приватив»), а также небольшое число общетеоретических работ, в частности, упоминается типологическое исследование комитатива, инструменталиса и каритива, выполненное Томасом Штольцем и коллегами [2, с. 10–11]. Также отметим, что упомянутая статья С.А. Оскольской была выполнена в рамках проекта «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов», нацеленного на подробное и широкое типологическое описание каритивных конструкций, об особенностях данного проекта мы поговорим чуть позднее.

В приведенном выше определении каритива в качестве примера используются выражения с предлогом *без*, который является базовым показателем каритивности в русском языке, — в норвежском ему соответствует предлог *uten*.

Близкое к указанному выше, однако несколько расширенное определение каритива предлагают С.А. Оскольская и коллеги: «Каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой ситуации (ориентира)» [2, с. 15–16]. Так, в примере (1) абсенсом является лексема «деньги», а ориентиром — «Иван».

(1) *Иван ушел без денег*

Хотя вышеприведенные определения каритива в полной мере обоснованы и в своей работе мы планируем отталкиваться именно от них, нам необходимо сделать к ним несколько уточнений в целях большего их соответствия задачам нашего исследования. Во-первых, следует сказать, что В.А. Плунгян рассматривает каритив как грамматическую категорию и приводит его в качестве одной из падежных граммем имени (выражающей «отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника»); мы же определяем каритив как категорию в первую очередь семантическую, объединяющую языковые единицы любого уровня. Что касается определения С.А. Оскольской и коллег, то важно отметить, что присутствующее в нем уточнение о семантической модификации было добавлено с целью исключить из рассмотрения выражения, в которых отрицание посессивного отношения находится в предикатной позиции (например, *У этого мужчины нет бороды*) [2, с. 19]. С точки зрения проводимого С.А. Оскольской исследования данное решение можно считать вполне удачным, однако в конструкционной и лексической перспективе у него есть недостатки: под данное определение не подпадают лексические показатели каритива в языках типа русского или норвежского. Поскольку мы планируем проводить исследование в рамках одного языка, для нас важно охватить все языковые единицы, выражающие в этом языке каритивное значение. Соответственно, уточнение о семантической модификации для нас нерелевантно, и в качестве каритива мы будем рассматривать не только единицы, модифицирующие некоторую ситуацию,

но и единицы, порождающие ситуацию «утраты» и «лишения», в первую очередь речь, конечно, идет о каритивных глаголах, например *потерять*, *лишить*, *лишиться* и т.д.

Именно последнее обстоятельство открывает для нашего исследования наиболее широкие и интересные перспективы, так как в поле нашего зрения попадают глаголы разных семантических подтипов, в частности с разной степенью контроля лица над ситуацией: одни глаголы содержат каузативный компонент, один из участников выполняет роль агенса и каузирует ситуацию лишения (*отнимать*, *отбирать*, *лишать*), при других каузативного компонента нет, а главный участник выступает в роли пациенса и имеет низкую (*потерять*, *лишиться*) или практически нулевую степень контроля над ситуацией (*у меня потерялись ключи*). При этом (как можно заметить уже из вышеприведенных примеров) существенную роль в соотношении разных типов глаголов играют рефлексивные показатели: с их помощью одни типы каритивных предикатов могут переводиться в другие. При этом рефлексив может играть существенную роль в регулировании степени контроля над ситуацией лишения либо по-разному взаимодействовать с каритивными глаголами, имеющими различные типы агентивности.

Важно также сказать несколько слов о том, чем в качестве предмета исследования интересен сам каритив. Во-первых, каритив находится в смысловой оппозиции к хорошо исследованному комитативу, значению ‘с X-ом’, см., например, работы [3]; [4]; [5]. Данная оппозиция является интуитивно понятной и даже до некоторой степени очевидной, однако это не отменяет необходимости определить, насколько системной она является на уровне семантики, сочетаемости, морфологии, а также выявить общие черты каритивных маркеров и конструкций в различных языках. Даже само утверждение о противопоставленности каритива комитативу не до конца ясно без системного исследования.

Напомним о реализованном С.А. Оскольской и коллегами проекте «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов», в рамках которого были исследованы каритивные маркеры в 100 языках. Однако в выборку указанного исследования попало лишь два индоевропейских языка — литовский и хинди, — что, с одной стороны, делает наше исследование каритива в норвежском языке достаточно актуальным, а с другой — обеспечивает нам обширную и разнообразную базу для типологического сравнения.

Далее, прежде чем мы перейдем к обсуждению норвежских рефлексивных показателей, необходимо сделать шаг назад и вернуться к определению каритива по С.А. Оскольской. Повторим здесь пару основных участников каритивной ситуации — *абсенса* и *ориентира*. В своей работе мы также планируем использовать и трактовать по-хожим образом все перечисленные термины: то есть *каритивный показатель* — это средство выражения каритивного значения; *абсент* — это невовлеченный в ситуацию или отсутствующий в ней участник; *ориентир* — это участник, претерпевающий отсутствие или невовлеченность в ситуацию абсенса; *каритивная конструкция* представляет собой морфосинтаксическое выражение, в котором задействованы все вышеперечисленные элементы. В итоге примером каритивной конструкции может служить следующее предложение:

<i>Я</i>	<i>сегодня</i>	<i>без</i>	<i>машины</i>
ориентир		каритивный показатель	абсент

Напомним, что в нашем исследовании к каритивным относятся даже конструкции, где каритивное значение несет основной предикат, как в примерах *Он потерял ключи* или *Он остался без машины*.

В отличие от С.А. Оскольской и ее соавторов мы планируем провести исследование именно в русле грамматики конструкций. В связи с этим особый интерес для нас представляют неоднословные синтаксические конструкции, которые лежат на пересечении лексики и грамматики и являются «частично идиоматичными» [6, с. 5], впрочем, ограничиваться такими выражениями мы не будем. Наш интерес к грамматике конструкций проявляется также в том, что при анализе каритивных конструкций мы будем употреблять свойственные ей термины *якорь* и *слот* — соответственно неизменяемая и варьируемая части конструкции. Например, в предложении *Он остался без машины* якорем является каритивный маркер (*остался без*), а слотами ориентир (*Он*) и абсент (*машины*). Схематично конструкцию можно обозначить как NP-Nom *остаться без* NP-Gen.

Система рефлексивных показателей в норвежском языке

Далее следует сказать несколько слов о системе рефлексивных показателей в норвежском языке. Как и во многих других европейских языках, рефлексивность в первом и втором лице выражается иначе, чем в третьем. Местоимения первого и второго лица имеют объектную форму, которая

в некоторых случаях также может выражать рефлексивное значение:

meg (объектная форма местоимения *jeg* ‘я’) в объектном значении

Hun elsker meg – Она любит меня

meg в рефлексивном значении

Jeg elsker meg best i Norge – Мне очень нравится в Норвегии (*букв.* Я люблю меня лучше всего в Норвегии)

В третьем лице существует специализированное местоимение для выражения рефлексива – *seg*, приблизительно соответствующее по смыслу русскому местоимению *себя* и суффиксу *-ся*. Ввиду его специализированного характера именно это местоимение будет интересовать нас в первую очередь. Местоимение *seg* как рефлексивный маркер (анафор) противопоставлено анафорическим местоимениям 3-го лица *ham* ‘его’ и *henne* ‘ее’ (производные соответственно от *han* и *hun* – ‘он’ и ‘она’), которые не способны выражать кореферентность субъекта и объекта глагола: *Han barberer ham* – Он бреет его (не себя); *Han barberer seg* – Он бреется.

Как у многих рефлексивных показателей в языках мира, у *seg* имеется большой ряд функций и значений, связанных с залогом и актантной деривацией. Перечислим те из них, которые наиболее близки к собственно рефлексиву (подробнее о норвежских рефлексивных показателях см. [7]):

- косвеннообъектный рефлексив – маркирование кореферентности бенефактива и реципиента дитранзитивного глагола субъекту (данную функцию можно в целом рассматривать как разновидность рефлексива): *han har kjøpt seg ei bok* – ‘он купил себе книгу’, *han tar på seg skoene* – ‘он надевает на себя обувь’;
- обозначение партитивного объекта, то есть неотчуждаемой части агенса: *snyte nese* – ‘высморгать нос’ = *snyte seg* – ‘высморгаться, высморкать себя’;
- автокаузатив, при котором субъект имеет и черты агенса, и черты пациенса – не влияя на себя напрямую, он прилагает некоторые усилия к совершению действия и сам же претерпевает некоторые изменения: *sette seg* – ‘сесть, посадить себя’;
- декаузатив: *åpne døren* ‘открыть дверь’, *døren åpnet seg* – ‘дверь открылась’;
- конверсивный рефлексив (конверсив), при котором рефлексивный глагол сохраняет

двухактантную структуру, однако в нем субъект и объект переходного глагола меняются местами: *vannet speiler skogen* – ‘вода отражает лес’, *skogen speiler seg i vannet* – ‘лес отражается в воде’;

- использование в глаголах *reflexiva tantum* (глаголах, не имеющих соответствия без рефлексива): *forelske seg* – ‘влюбиться’, *pådra seg* – ‘заразиться’;
- факультативное использование с некоторыми непереходными глаголами, не меняя их синтаксическую структуру, – как правило, рефлексивная форма является полным синонимом нерефлексивной или имеет незначительные семантические отличия от нее: *hun satt på gulvet* – ‘она села / сидела на полу’, *hun satt seg på gulvet* – ‘она села на пол’.

К этому следует добавить, что в норвежском языке также имеется рефлексивное местоимение *selv*, выполняющее эмфатическую функцию: *Han slo seg selv* – Он ударил себя сам; *Han slo ham selv* – Он ударил его сам.

Помимо местоимения *seg* в норвежском языке имеется аффикс *-s*, служащий для образования страдательного залога (данный способ не является основным и существует наряду с более распространенным методом образования пассива посредством причастия и вспомогательного глагола): *Historien skrives av seierherrene* – ‘История пишется победителями’. При помощи данного показателя нельзя выразить рефлексив, то есть кореферентность субъекта и объекта глагола, однако им часто выражаются значения близкие к рефлексиву, а также те, что не относятся к рефлексиву, но часто выражаются рефлексивными показателями (в частности, кстати, сам пассив, который в русском языке может выражаться показателем *-ся*):

- реципрок
Vi se-s
We see-recp
‘Увидимся’ (формула прощания);
- декаузатив
Mange utstilling-er åpne-s denne
helg-en
Many exhibition-pl.indf open-pass dem.
sg.m weekend-m.def
‘Много выставок открывается в эти выходные’.

Поскольку для указанного показателя рефлексивное значение является периферийным, он здесь почти не будет рассматриваться, однако должен быть упомянут для полноты картины.

Источники информации

Прежде чем мы перейдем к основной части нашей статьи, следует сказать, что первичный отбор каритивных глаголов и выражений осуществлялся посредством «Нового большого русско-норвежского словаря» В.П. Беркова, а также подготовленного Норвежской академией языка и литературы (*Det Norske Akademi for Språk og Litteratur*) «Словаря норвежской академии» (*Det Norske Akademis Ordbok*). Также в своей работе мы планируем активно использовать корпусные ресурсы. В первую очередь это *Leksikografisk bokmålskorpus* (LBK) – взвешенный корпус норвежского языка (букмола), включающий приблизительно 100 миллионов слов. Дополнительно будет использован корпус интернет-текстов NoWaC, состоящий из 700 миллионов слов.

Посредством перечисленных корпусов мы проверим сочетаемость рефлексивного местоимения

(2)

a) *Foreldr-ene* *fratok* *som* *regel* *barn-a* *mulighet-en*
 Parent-pl.def deprive.pst as rule child-pl.def opportunity-m.sg.def
til *å* *utfolde seg* *i* *frihet* <...>
 to inf express refl in freedom <...>
 ‘Как правило, родители лишали детей возможности свободно самовыражаться <...>’

b) *Palestiner-ne* *er* *frata-tt* *rett-en* *til* *sitt*
 Palestinian-pl.def be.prs deprive-pass right-m.sg.def to poss.sg.n
egret *hjemland* <...>
 det.sg.n homeland <...>
 ‘Палестинцы лишены права на свою собственную родину <...>’.

seg с основными каритивными глаголами и конструкциями норвежского языка:

- каузативными каритивными глаголами – *frata* ‘лишать’, в том числе фразовыми – *ta fra/av* ‘брать/отобрать у’;
- некаузативными каритивными глаголами – *miste* ‘терять’, *tape* ‘терять, проигрывать’;
- также будет исследована сочетаемость рефлексива и каритивного предлога *uten*.

Проверка сочетаемости также, естественно, предполагает анализ семантических результатов взаимодействия между рефлексивом и каритивом.

Перейдем к основной части статьи, где для каждого каритивного предиката описывается его сочетаемость с рефлексивом и семантический вклад рефлексивного показателя.

(3)

a) *Kvam* *men-er* *Norge* *ha-r* *frata-tt* *seg* *mulighet-en*
 Kvam believe-prs Norway have-prs deprive-prf refl opportunity-m.sg.def
til *å* *utjevne* *forskjell-ene* *politisk* <...>
 to inf settle difference-pl.def politically <...>

‘Квам считает, что Норвегия лишилась возможности уладить различия политически <...>’

Сочетание каузативных каритивных глаголов с рефлексивом *Frata seg* – лишить себя, лишиться

Первым и наиболее распространенным показателем каритива является глагол *frata*. В «Словаре норвежской академии» он толкуется так: *ta (noe) fra (noen)* ‘отбирать (что-то) у (кого-то)’ – данное толкование является несколько поверхностным и может ввести в заблуждение, так как, во-первых, приводит к смешению единого префиксального глагола *frata* и сочетания с предлогом *ta fra*. Как будет показано ниже, во-первых, *ta fra* обладает более широким значением, а во-вторых, общее для *frata* и *ta fra* каритивное значение выражается этими глаголами с различными оттенками, о чем речь пойдет ниже.

Если описывать именно префиксальную лексику *frata*, обнаруживается, что при ней в качестве абсенса чаще всего выступают абстрактные существительные, например *mulighet* ‘возможность’, *rett* ‘право’, *omsorg* ‘уход’:

Существенно реже встречаются вхождения, где в качестве абсенса выступает некий материальный объект, например, *våpen* ‘оружие’ или *forekort* ‘водительские права’ (собственно в последнем случае абсенси является материальным объектом лишь формально, так как имеет место метонимия – лишаясь документа, лицо лишается права, с этим документом связанного).

По данным LBK, вхождений рефлексивной формы *frata seg* встречается всего шесть, в NoWaC их 53 (29, если убрать все повторяющиеся вхождения); всего *frata* употребляется 1453 раза в первом корпусе и 7950 раз во втором; то есть в целом можно сказать, что сочетание с рефлексивом для этого глагола нехарактерно, хотя возможно.

В качестве абсенса при *frata seg* чаще всего также выступают лексемы, обозначающие некие абстрактные объекты, например возможность, способность, шанс что-либо сделать:

- b) *Med det ha-r arabere-ne frata-tt seg selv*
 With 3sg.n have-prs arabian-pl.def deprive-prf refl self
en eventuelt moralsk rett til å protestere <...>
 m.sg.indf any moral right to inf protest <...>
 ‘Тем самым арабы лишили себя какого-либо морального права протестовать <...>’

Существенно реже можно обнаружить примеры, в которых в качестве абсенса выступает некоторое свойство или абстрактный объект иного рода:

- (4)
 a) *Forstå-r justisminister-en ikke at han frata-r seg*
 Understand-prs minster.of.justice-sg.m.def not that 3sg.m deprive-prs refl
selv respekt på den måt-en?
 self respect on 3sg.m.def manner-sg.m.def?
 ‘Не понимает ли министр юстиции, что таким образом он лишает себя уважения?’
- b) *Filmskaper-ne ha-r altså frata-tt seg de to*
 Film-prodecer-pl.def ha-prs thus deprive-pst.ptcp refl 3pl two
viktig-ste verktøy-ene for å formidle følels-er og
 important-sup instrument-pl.def for inf convey feeling-pl.indf and
innhold – ansiktsuttrykk og verbal kommunikasjon
 content – face.expression and verbal communication

‘Кинопроизводители таким образом лишили себя двух важнейших инструментов передачи эмоций и содержания – выражения лица и вербальной коммуникации’.

Отметим, что *frata seg* практически не используется в пассивной форме; это кажется совершенно естественным – ср., например, русский язык, где используемая для образования пассивного залога причастная форма глагола не сочетается с рефлексивом: *документ подписанся**, *рассмотренный документ** (страдательный залог в русском языке образуется либо с помощью показателя пассивного причастия, либо с помощью *-ся*, но не обоих средств сразу). Однако в норвежском запрета на сочетаемость пассива и рефлексива нет, и нам удалось обнаружить одно вхождение, где сочетаются два этих показателя:

- (5) *Hvis kvinn-er ha-dde begyn-t aa dekke seg til ha-dde*
 If woman-pl.indf have-pst begin-pst.ptcp inf cover refl to have-pst
menn-ene bli-tt frata-tt seg det de er ute etter
 man-pl.def become-pst.ptcp deprive-pass refl 3sg.n 3pl be.prs out after
 ‘Если бы женщины начали покрывать себя, мужчины лишились бы того, чего они ищут’.

- (6)
 a) *Akam frata-r seg al-t ansvar for de som*
 Akam deprive-prs refl all-n responsibility for 3pl which
måtte finne på å kaste videokamera-er i
 must.pst find on inf cast video.camera-pl.indf in
ffjellvegg-er for å teste byggekvalitet
 mountain-pl.indf for inf test construction.quality
 ‘Акам не несет ответственность за тех, кто решит бросить видеокамеру о скалы с целью проверить качество сборки’;

- b) *<...> du se-r at noe-n bruk-er “inshAllah” til å*
<...> 2sg see-prs that someone-pl use-prs “inshAllah” to inf
frata seg ansvar for sine egne handling-er <...>
 deprive refl responsibility for poss.pl own.pl action-pl.indf <...>
 ‘<...> ты видишь, что кто-то использует «иншаллах», чтобы снять с себя ответственность за собственные поступки <...>’.

В данном случае пассивный залог образован посредством причастной формы глагола *frata* и вспомогательного глагола *bli* ‘быть, стать, становиться’.

Выражение *frata seg* часто дополняется местоимением *selv* – вхождения, включающие и не включающие *selv* находятся друг с другом в соотношении приблизительно 2 к 1. Интересно при этом, что различие между употреблениями с и без *selv* заключается не только в степени выразительности, но также в том, что *frata seg* (но не *frata seg selv*) может использоваться с существительным *ansvar* ‘ответственность’, приобретая значение ‘снимать с себя / не нести ответственность’:

Вхождения с *frata seg ansvar* выделяются на общем фоне, во-первых, своим некаритивным значением (решение добровольно отказаться

от чего-либо едва ли можно классифицировать как ситуацию лишения), а во-вторых, высокой степенью агентивности, в них некто сам принимает решение, осознавая его последствия. Дело в том, что в остальных случаях лишение и при *frata seg*, и при *frata seg selv* наступает как непредвиденное и нежелательное следствие действий ориентира (отметим, что ориентиром при *frata seg* всегда

пунктом в переносном значении, например во временном — *fra vugge til grav* ‘от колыбели до могилы’, *fra A til Å* — ‘от А до Я’; наконец, иногда *fra* употребляется с рефлексивом для обозначения полного осуществления того или иного действия — *noen har snakket fra seg* ‘некто выговорился’, *syrienen har blomstret fra seg* ‘лилии расцвели’.

(7)

a)	<i>Jeg</i>	<i>men-er</i>	<i>uansett</i>	<i>at</i>	<i>Torres</i>	<i>frata-r</i>	<i>seg</i>	<i>selv</i>				
	1sg	believe-prs	anyway	that	Torres	deprive-prs	refl	self				
	<i>en</i>	<i>åpenbar</i>			<i>scoringsmulighet</i>	<i>ved</i>	<i>å</i>	<i>løpe</i>	<i>rett</i>	<i>inn</i>	<i>i</i>	
	m.sg.indf	evident			score.opportunity	by	inf	run	right	into	in	
	<i>Friedel</i>											
	<i>Friedel</i>											

‘В любом случае я считаю, что Торрес лишает себя очевидной возможности забыть, вбежав прямо во Фриделя’;

b)	<i>På</i>	<i>dette</i>	<i>området</i>	<i>ha-r</i>	<i>de</i>	<i>frata-tt</i>	<i>seg</i>	<i>selv</i>	<i>rett</i>
	On	dem.sg.n	field	have-prs	3pl	deprive-pst.ptcp	refl	self	right
	<i>og</i>	<i>plikt</i>	<i>til</i>	<i>å</i>	<i>kritisere</i>				
	and	duty	to	inf	criticize				

‘В этой области они лишили себя права и долга критиковать’.

(8)	<i>Samtidig</i>	<i>sa</i>	<i>Jagland</i>	<i>at</i>	<i>det</i>	<i>vil</i>	<i>være</i>	<i>uklok-t</i>	<i>å</i>
	Simultaneously	say.pst	Jagland	that	3sg.n	fut	be	insensible-sg.n	inf
	<i>frata seg</i>	<i>selv</i>	<i>mulighet</i>	<i>til</i>	<i>å</i>	<i>tenke</i>	<i>gjennom</i>	<i>sak-en</i>	<i>på</i>
	deprive refl	self	opportunity	to	inf	think	through	case-sg.n.def	on
	<i>ny-tt</i>	<i>hvis</i>	<i>det</i>	<i>skulle</i>	<i>skje</i>	<i>stor-e</i>	<i>ting-Ø</i>		
	new-n	if	3sg.n	shall.pst	happen	big-pl	thing-pl.indf		

‘В то же время Ягланд сказал, что было бы неразумно лишать себя возможности обдумать дело снова, если должно случиться что-то большое’.

выступает человек или группы людей):

В целом можно сказать, что *frata seg* используется, как правило, в качестве синонима глагола «потерять» (как, кстати, и в русском языке «потерять» является синонимом рефлексивного глагола «лишиться»).

Frata vs ta fra: отобрать vs брать у

Далее перейдем к формально и семантически схожей с *frata* единице *ta NP fra NP* (напомним, что в «Словаре норвежской академии» *frata* толкуется как *ta noe fra noen*). Однако прежде, чем рассматривать ее, следует прокомментировать очевидное формальное сходство между выражениями *frata* и *ta fra*. Можно ли сказать, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же сегментом *fra*, и если нет, в чем разница?

Предлог *fra* используется в норвежском языке для обозначения исходного пункта в пространстве — *et tog fra Oslo* ‘поезд из Осло’; во времени — *han spiller dataspill fra morgen til kveld* ‘он играет в компьютерные игры с утра до вечера’; происхождения чего-либо — *han kommer fra Bergen* ‘он родом из Бергена’; емкостей — *noen drakk rødvin fra plastkrus* ‘некоторые пили красное вино из пластиковых чашек’; также возможны употребления с исходным

Кроме того, в норвежском языке часто встречаются сложные предлоги, например *ifra* ‘от, из, вне’, *utenfra* ‘извне’, а также сочетания предлога с наречием *derfra* ‘оттуда’ и существительным *hjemmefra* ‘из дому’, *nordfra* ‘с севера’. В последних случаях сложное слово можно заменить на словосочетание: *derfra* = *fra der*, *hjemmefra* = *fra hjemme*. Нередко, как правило у наиболее частотных глаголов, имеются пары близких по форме и значению конструкций: одна с предлогом, другая с совпадающим с ним по форме префиксом. Собственно, *frata* и *ta fra* являются примером подобных пар; можно привести и иные примеры: *oppgi* и *gi opp* — ‘отпускать, сдаваться’, *løpe ut* и *utløpe* — ‘истекать (о сроке годности)’¹. Подобные пары в подавляющем

¹ Данные примеры можно сравнить с похожими явлениями в других германских языках, в частности с английскими фразовыми глаголами (*wake up* ‘будить, пробуждаться’, *write down* ‘записывать’) и немецкими отделяемыми приставками (*zurück* ‘обратно, назад’, *zurückgeben* ‘возвращать’, *Ich gebe dir das zurück* ‘Я возвращаю тебе это’, букв. ‘Я даю тебе это назад’); однако первые отличаются от норвежских фразовых глаголов тем, что у них редко встречается приставочная пара (а если она и имеется, то не будет синонимичной: ср. *sleep over* ‘переночевать’, *oversleep* ‘проспать’, *sell out* ‘распродавать’, *outsell* ‘продавать/ся лучше других’), а вторые отличаются тем, что норвежские фразовые глаголы и соответствующие им приставочные являются различными лексическими единицами с отличающимися (пусть и синонимичными) лексическими

большинстве случаев не бывают полностью синонимичными и могут различаться между собой по частотности, сочетаемости (например, слово *håp* 'надежда' употребляется скорее с *gi opp*, а *ånd* 'дух' — с *oppgi*), либо один из членов пары обладает значением, которого не имеет другой (например, *oppgi* также может использоваться в значении «сообщать информацию», а *utløpe* употребляется в выражениях типа *tiden utløper* 'время истекает'); очевидно также, что аффикс в подобных случаях не может быть отделен от глагольного корня, в то время как между глаголом и предлогом возможно поместить другое полнзначное слово. В итоге мы можем сказать, что *frata* и *ta fra* действительно скорее всего являются синонимами, однако приравнивать их друг к другу было бы некорректно.

- (9)
- a)

<i>Vi</i>	<i>må</i>	<i>sikre</i>	<i>at</i>	<i>foreldre</i>	<i>som</i>	<i>få-r</i>	<i>sitt</i>	<i>barn</i>
2pl	must	assure	that	parent.pl	which	get-prs	poss.sg.n	child
<i>ta-tt</i>		<i>fra</i>	<i>seg</i>	<i>få-r</i>	<i>hjelp</i>	<...>		
take-pst.ptcp		from	refl	get-prs	help	<...>		

 'Мы должны удостовериться, что родители, ребенок которых был отнят у них, получили помощь <...>';
- b)

<i>Winthorpe</i>	<i>III</i>	<i>(Akroyd)</i>	<i>hell-er</i>	<i>mot</i>	<i>en</i>	<i>kriminell</i>
<i>Winthorpe</i>	<i>III</i>	<i>(Akroyd)</i>	lean-prs	towards	sg.m.indf	criminal
<i>løpebane</i>	<i>etter</i>	<i>å</i>	<i>ha</i>	<i>få-tt</i>	<i>ta-tt</i>	<i>fra</i>
racetrack	after	inf	have	get-pst.ptcp	all-sg.n	take-pst.ptcp
<i>seg</i>	<...>					
refl	<...>					

 'Уинтроп III (Акройд) начал криминальную карьеру после того, как у него всё было отнято <...>'.

Отметим также, что имеют место случаи, когда у глагола с приставкой *fra* отсутствует пара с соответствующим предлогом — *frasi seg* 'отрекаться, отказываться', *frabe seg* 'воздерживаться от чего-либо'. Впрочем, преувеличивать различия между приставкой и предлогом *fra* также не стоит, так как нередко их родство обнаруживается не только на семантическом, но и на системном уровне — иногда у слова с приставкой *fra* имеется противоположная по смыслу пара с приставкой *til-* (родственна предлогу *til*, который противопоставлен предлогу

- (10)

<i>Er</i>	<i>dette</i>	<i>land-et</i>	<i>så</i>	<i>sinnsyk-t</i>	<i>idiotisk</i>	
Be.pr	dem.sg.n	country-sg.n.def	so	insanely-n	idiotically	
<i>drev-et</i>	<i>at</i>	<i>en</i>	<i>statlig</i>	<i>etat</i>	<i>må</i>	<i>velge</i>
govern-pst.ptcp	that	sg.m.indf	state	agency	must	chose
<i>mindre</i>	<i>hensiktmessig</i>	<...>	<i>fordi</i>	<i>stat-en</i>	<i>skal</i>	<i>ta</i>
small.cmp	appropriate	<...>	because	state-sg.m.def	shall	take
<i>selv?</i>	<...>					
self?	<...>					

 'Эта страна так безумно идиотски управляется, что государственное учреждение должно выбирать менее подходящий вариант <...>, потому что государство должно само себя обслуживать? <...>'²

значениями, более того, немецкие отделяемые приставки достаточно строго систематизированы и являются частью грамматики языка, т.е. имеются четкие правила, определяющие, какие приставки в каких случаях и «куда» отделяются, в то время как в норвежском языке мы имеем дело с явлением скорее лексическим и, вероятно, диахроническим.

fra как русские 'от' и 'до'): *fraråde* 'отговаривать' — *tilråde* 'советовать', *fravær* 'отсутствие' — *tilværelse* 'присутствие, существование'.

Оказывается, что сходство *frata* и *ta fra* только внешнее, а употребление двух глаголов не тождественно. Это касается и рефлексива: вхождений типа *ta N fra seg* в обоих используемых нами корпусах найти не удастся, но имеется шесть вхождений типа *ta fra seg*, где абсент расположен перед или после указанного выражения. В четырех из них *ta fra seg* употребляется в пассивном залоге, что подразумевает, что *seg* используется в объектном значении (иными словами, что субъект и объект действия не тождественны):

Это употребление отличается от стандартного не семантически, а синтаксически: его можно рассматривать как дистантный рефлексив. Показатель *seg* в данном случае маркирует не кореферентность агенса и ориентира в ситуации 'брать у', а кореферентность ориентира субъекту главной клаузы:

Главная ситуация: Родители_i получают [Подчиненная ситуация: ребенка взятым у себя_i]

Еще в одном случае *ta fra seg* употребляется не в каритивном, а в более окказиональном значении:

² Фрагмент целиком: *Er dette landet så sinnsykt idiotisk drevet at en statlig etat må velge et langt mindre hensiktmessig (jeg forutsetter da fortsatt at politiet ikke har startet budtjenester) fordi staten skal ta fra seg selv? Samfunnesmessig gevinst er negativ! Politiet får mindre hensiktsmessige kjøretøy til samme pris <...>* 'Эта страна так безумно идиотски управляется, что государственное

И наконец, есть одно подходящее нам по смыслу вхождение, в котором *ta fra seg* означает лишение самого себя чего-либо:

- (11) *Tenk-Ø at han tok liv-et sitt av*
 Think-imp that 3sg.m take.pst life-sg.m.def poss.sg.n of
kjærhetsorg. Tok fra seg sjøl... hel-e sitt eget liv
 love.grief. Take.pst love from refl self... whole-def poss.sg.n det.sg.n life

‘Представь, что он забрал свою жизнь из-за несчастной любви. Забрал у себя... целую свою собственную жизнь’.

- (12) a) *Den bidra-r til å rettferdiggjøre den*
 dem.sg.m contribute-prs to inf justify dem.sg.m
rask-t voks-ende militarisering i vår krigsramme-de verden, og
 quick-n grow-prs.ptcp militarization in lpl.poss war.beat-prs.ptcp world, and
frata-r oss håp om fred
 deprive-prs lpl.obj hope about peace

‘Это ведет к оправданию быстрорастущей милитаризации на нашей избитой войной земле и лишает нас надежды на мир’;

- b) *Jo, jo, men... skal vi ta håp-et fra ham*
 Yes, yes, but... shall 2pl take hope-sg.n.def from 3sg.m.obj
da, synes du?
 then, think 2sg?

‘Да, да, но... стоит ли нам тогда забрать у него надежду, как считаешь?’

Отходя немного в сторону, скажем, что местоимение *seg* выполняет при глаголе *frata* функцию косвенного объекта, который в норвежском языке (в нормальном случае) ставится перед прямым объектом – *Jeg gir ham pengene* ‘Я даю ему деньги’. В некоторых случаях косвенный объект может заменяться предложной конструкцией – *Jeg gir pengene til ham* ‘Я даю деньги ему (букв. к нему)’. Этот тест также может применяться с глаголами *frata* и *ta fra*:

Однако если *frata* стоит в рефлексивной форме, то подобного рода перефразирование, по-видимому, невозможно.

- liv-et sitt av*
 life-sg.m.def poss.sg.n of
sjøl... hel-e sitt eget liv
 self... whole-def poss.sg.n det.sg.n life

В целом мы можем сказать, что *ta fra* не употребляется с рефлексивом, чему небезынтересно попробовать дать некоторое объяснение.

Чтобы полнее раскрыть различия между глаголом *frata* и конструкцией *ta fra*, следует подробнее изучить сочетаемость и употребление последней. В этом случае сразу же обнаруживается, что *ta N fra* далеко не всегда употребляется в каритивном или хотя бы буквальном («брать у») значениях – об этом свидетельствуют наиболее частые заполнители *N* в этом выражении.

Таблица 1. Частотные именные заполнители конструкции *ta N fra* ‘брать N у’

Конструкция	Перевод	Частотность по LBK
ta N fra	брать N у	2076
ta avstand fra	не соглашаться, не одобрять (букв. брать дистанцию от)	536
ta blikk fra	перестать смотреть (букв. брать взгляд от)	116
ta pust fra	охватить, захватить (об эмоциях) (букв. брать дыхание у)	94
ta øye fra	перестать смотреть (букв. взять глаз от)	51
ta mot fra	обескураживать (букв. брать мужество у)	40

учреждение должно выбирать менее подходящий вариант (я предполагаю, что полиция не начала заниматься курьерской доставкой), потому что государство должно само себя обслуживать? Социальная выгода отрицательна! Полиция получает менее подходящий транспорт за те же деньги <...>’ Интерпретация данного фрагмента может составить трудность для тех, для кого норвежский не является родным, в связи с чем мы посчитали нужным проконсультироваться с носителем. Его комментарий: *The phrase “skal ta fra seg selv” is a little difficult. It’s a little less harsh than to steal / rob, but also a little more harsh than to order. It’s more like you just take something from someone. In this case you take from yourself in order to fix something, meaning you kind of just move money around within the government, which is perhaps not a viable solution in the long run* ‘Выражение “skal ta fra seg selv” непростое. Оно чуть менее грубое, чем красть/грабить, но также чуть более грубое, чем заказывать. Скорее словно ты просто берешь что-то у кого-то. В данном случае ты берешь у самого себя, чтобы что-то наладить, в том смысле что ты просто крутишь деньги внутри правительства, что, возможно, не лучшее решение в долгосрочной перспективе’. В свете вышесказанного мы признаем, что наш перевод не является наилучшим, однако полагаем все же возможным утверждать, что каритивным данное словопотребление называть нельзя.

ta makt fra	братъ, отобрать власть/силу у	38
ta blad fra	идиом. говорить прямо, без обиняков (букв. братъ лист изо рта)	35
ta penge fra	братъ деньги у	33
ta tog fra	сестъ на поезд из	23

Как можно заметить, *ta N fra* используется в семантически очень разнообразных конструкциях, и собственно каритивное значение мы можем предполагать лишь в трех из вышеприведенных: *ta mot/makt/penge fra*. То есть эта конструкция не является каритивной по умолчанию и в стандартном и прототипическом случае означает передачу чего-либо от одного лица к другому:

(13)

a)	<i>Det</i>	<i>er</i>	<i>nydelig</i> ,	<i>sa</i>	<i>Susanne</i>	<i>og</i>	<i>smak-te</i>	<i>på</i>		
	3sg.n	be.prs	lovely,	say.prs	Susanne	and	savore-pst	on		
	<i>ord-ene.</i>	<i>Hun</i>	<i>tok</i>	<i>flask-en</i>	<i>fra</i>	<i>Emma</i>	<i>og</i>	<i>dro</i>		
	word-pl.def.	3sg.f	take.pst	bottle-sg.m.def	from	Emma	and	pull.pst		
	<i>av</i>	<i>kork-en</i>								
	of	cork-sg.m.def								

‘Это славно, – сказала Сюзанна, с наслаждением проговаривая эти слова. Она взяла бутылку у Эммы и выдернула пробку’;

b)	<i>Ray</i>	<i>tok</i>	<i>nøkkel-en</i>	<i>fra</i>	<i>henne</i>	<i>og</i>	<i>prøv-de</i>	<i>lås-en</i>	<i>en</i>
	Ray	take.pst	key-sg.m.def	from	3sg.f.obj	and	try-pst	lock-sg.m.def	one
	<i>gang</i>	<i>til</i>							
	time	to							

‘Рэй взял у нее ключ и попробовал открыть замок еще раз’.

Каритивность же возникает в некоторых специфических контекстах, когда имеется эксплицитное выражение того, что передача осуществляется недобровольно:

(14)	<i>Nå</i>	<i>reis-er</i>	<i>du</i>	<i>deg</i>	<i>gjør</i>	<i>hel-t</i>	<i>om</i>	<i>på</i>	<i>venstre</i>	<i>hæl</i>	<i>og</i>
	Now	rise-prs	2sg	yourself,	do.prs	whole-n	about	on	left	heel	and
	<i>marsjer-er</i>	<i>i</i>	<i>rett</i>	<i>linje</i>	<i>tvers</i>	<i>over</i>	<i>gulv-et</i>	<i>og</i>	<i>ta-r</i>		
	marsh-prs	in	straight	line	across	over	floor-sg.m.def	and	take-prs		
	<i>nøkkel-en</i>	<i>fra</i>	<i>henne</i>	<i>med</i>	<i>makt</i>						
	key-sg.m.def	from	3sg.f.obj	with	force						

‘Теперь ты встаешь, разворачиваешься на левой пятке и, маршируя, пересекаешь пол и берешь/отбираешь у нее ключ силой’

либо когда в качестве абсенса выступает нечто, которое по умолчанию не отдают добровольно:

(15)

a)	<i>Det</i>	<i>var</i>	<i>tank-en</i>		<i>på</i>	<i>rott-ene</i>	<i>som</i>	<i>tok</i>
	2sg.n	be.pst	thought-sg.m.def		about	rat-pl.def	which	take.pst
	<i>nattesøvn-en</i>		<i>fra</i>	<i>ham</i>				
	nightsleep-sg.m.def		from	3sg.m.obj				

‘Мысли о крысах взяли/отобрали у него ночной сон’;

b)	<i>Han</i>	<i>var</i>	<i>særlig</i>	<i>oppta-tt</i>	<i>av</i>	<i>hvordan</i>		
	3sg.m	be.pst	especially	occupy-pst.ptcp	of	how		
	<i>industrialisering-en</i>		<i>ha-dde</i>	<i>ta-tt</i>		<i>rettighet-er</i>	<i>fra</i>	<i>arbeider-ne</i>
	industrialization-sg.m.def		have-pst	take-pst.ptcp		right-pl.indf	from	worker-pl.def

‘Он был сильно обеспокоен тем, как индустриализация отняла права у рабочих’.

Исходя из вышесказанного, можно предложить два объяснения тому, почему *ta fra* не употребляется с рефлексивом. Во-первых, возможно, что *ta fra* сохраняет прочную связь со своим буквальным значением, которое предполагает, что в процессе передачи чего-либо (неважно, добровольной или нет) должны принимать участие два лица, а в случае употребления рефлексива действующее лицо остается одно. Другое объяснение заключается в том, что в случае каритивного употребления *ta fra* процесс передачи является для одной из сторон вынужденным, одно лицо вынуждает к передаче другое – при употреблении рефлексива, однако, получается, что лицо принуждает к чему-то самое себя, хотя, как правило, людям не свойственно сопротивляться собственным решениям; сюда можно добавить наше наблюдение, что *frata seg*, как прави-

ло, употребляется в тех контекстах, когда кто-либо лишает себя чего-то непреднамеренно и в результате наступления непредвиденных и нежелательных последствий своих действий. Отметим также,

что похожую картину мы наблюдаем и с русскими аналогами *frata* и *ta fra* – лексемы, могущие, но

не специализированные на выражении каритива, с рефлексивом не употребляются (по данным НКРЯ, *брать у себя* – 0 вхождений, *отбирать у себя* – 1), лексемы, предназначенные для выражения каритива, с рефлексивом употребляются (*отнимать у себя* – 40 вхождений, *лишать себя* – 527).

Та liv av seg – забрать свою жизнь

Наряду с *ta N fra* существует похожее по форме выражение *ta N av* (предлог *av* близок по смыслу английскому *of*) – оно также не специализируется

(16)

- a) *Ha-dde* *Ingeborg* *drep-t* *sin* *eget* *barn* *og*
 Have-pst Ingeborg murder-pst.ptcp poss.sg.m det.sg.n child and
så ta-tt liv-et av seg selv, slik hun
 then take-pst.ptcp life-sg.n.def of refl self, as 3sg.f
ha-dde erklær-t dag-en før?
 have-pst announce-pst.ptcp day-sg.m.def before?
 ‘Убила ли Ингеборга своего собственного ребенка и затем забрала свою жизнь?’
- b) *<...> populær-t å spekulere på hva som ville*
<...> popular-n inf speculate on what which fut.cond
skj-edd hvis man reis-te tilbake i tid-en og
 happen-pst.ptcp if man go-pst back in time-sg.m.def and
tok liv-et av seg selv eller en av
 take.pst life-sg.n.def of refl self or one of
forfedr-ene sine
 ancestor-pl.def poss.pl

‘<...> популярно размышлять о том, что бы случилось, если бы человек отправился в прошлое и забрал жизнь у самого себя или одного из своих предков’.

на выражении каритива, однако все же часто используется в данном значении в тех случаях, когда в качестве абсенса выступает лексема *liv* ‘жизнь’.

- (17) *Jeg spurte patolog-en om det var mulig at frøken*
 Isg ask.pst pathologist-sg.m.def about 3sg.n be.pst possible that miss
 Fredriksen kunne ha ta-tt liv-et av seg selv ved
 Fredriksen can.pst have take-pst.ptcp life-sg.n.def of refl self by
hjelp av vann
 help of water

‘Я спросил патологоанатома, возможно ли, что госпожа Фредриксен забрала свою жизнь посредством воды’.

Таблица 2. Частотные заполнители конструкции *ta N av* ‘брать N чего-либо’

Конструкция	Перевод	Частотность LBK
ta N av		4267
ta liv av	отнимать жизнь	1976
ta bilde av	делать фото	400
ta konsekvens av	принимать последствия	244
ta form av	принимать форму	138

ta mål av	ставить цель	125
ta skade av	получать травму	123
ta lærdom av	получать урок	61

Выражение *ta liv av* регулярно употребляется с рефлексивом *seg* – 412 вхождений типа *ta liv av seg* в LBK. В некоторых случаях рефлексив усиливается местоимением *selv* – таких вхождений 23; по всей видимости, *selv* используется в тех случаях, когда помимо самого себя человек отнимает жизнь также у кого-либо постороннего:

Впрочем, это скорее тенденция, нежели строгое правило, и несложно встретить противоречащие ей примеры:

Интересно отметить, что *ta N av* достаточно часто употребляется вместе с *seg* – 751 вхождение в LBK, при этом далеко не всегда заполнителем *N* является *жизнь*. Также весьма популярны (83 вхождения) выражения вида *ta mål av seg* ‘заться целью’:

- (18) *Han* *ha-r* *nemlig* *ta-tt* *mål* *av* *seg* *til* *å* *være* *med*
 3sg.m have-prs literally take-pst.ptcp aim of refl to inf be with
på *al-le* *kongress-er* *og* *konferans-er* *som* *foregå-r* *i*
 on all-pl congress-pl.indf and conference-pl.indf which take.place in
by-en
 town-sg.m.def

‘Он буквально задался целью посещать все конгрессы и конференции, которые проходят в городе’.

Еще более популярны вхождения, где *ta av* значений *ta av*. Дело в том, что предлог *av* среди *seg* употребляется в своем буквальном значении прочего используется для выражения генитивных ‘снять с себя’ (об одежде, обуви, аксессуарах): отношений:

(19)

- a) *Da* *Jesse* *kom* *inn* *igjen* *tok* *han* *av* *seg*
 When Jesse come.pst into again take.pst he of refl
jakk-en *og* *knepp-et* *opp* *vest-en*
 jacket-sg.m.def and button-pst up vest-sg.m.def

‘Когда Йессе вернулся, он снял с себя куртку и расстегнул жилетку’;

- b) *Hun* *ta-r* *sandal-ene* *av* *seg* *før* *hun* *gå-r* *opp*
 3sg.f take-prs sandal-pl.def of refl before 3sg.f go-prs up
trapp-en
 ladder-sg.m.def

‘Она снимает с себя сандалии прежде, чем подняться по лестнице’.

Значительно реже (10 вхождений) встречаются Имеются основания полагать, что в случае примеры вида *ta bilde av seg (selv)* ‘фотографиру- выражения *ta liv av seg* предлог *av* используется

- (20) *Mange* *ga* *blomst-er* *til* *soldat-ene* *og* *tok* *bild-er* *av*
 Many give.pst flower-pl.indf to soldier-pl.def and take.pst picture-pl.indf of
seg *selv* *ved* *sid-en* *av* *panservogn-ene* *og* *soldat-ene*
 refl self by side-sg.m.def of armoured.cars-pl.def and soldier-pl.def

‘Многие давали цветы солдатам и фотографировались рядом с бронемашинами и солдатами’.

ваться, сделать фотографию себя’:

именно в этом – генитивном – значении. Во-пер- вых, в конструкции *ta liv av seg* рефлексив с пред- логом могут без потери смысла быть заменены на притяжательное местоимение:

Впрочем, имеются некоторые сомнения насчет того, что *ta liv av seg* связано по смыслу или тем или иным образом производно от вышеперечисленных

(21)

- a) *På* *bord-et* *ligg-er* *en* *bok* *av* *Josef* *Ratzinger*
 On table-sg.n.def lie-prs sg.m.indf book of Josef Ratzinger

‘На столе лежит книга Йозефа Ратцингера’;

- b) *Min* *far* *som* *var* *søn* *av* *en* *snekker*
 1sg.poss father which be.prs son of sg.m.indf carpenter

‘Мой отец, который был сыном плотника’.

(22)

- a) *En* *skoleelev* *i* *den* *amerikansk-e*
 sg.m.indf school.student in dem.sg.m American-def
stat-en *Minnesota* *skjot* *mandag* *ni* *mennesk-er* *og*
 state-sg.m.def Minnesota, shoot.pst Monday nine man-pl.indf and
skad-et *omkring 15* *før* *han* *angivelig* *tok* *liv-et*
 injure-pst around 15, before 3sg.m presumably take.pst life-sg.n.def
av *seg* *selv*
 of refl self

‘Школьник в американском штате Миннесота в понедельник застрелил 9 и ранил около 15, прежде чем он, предположительно, забрал жизнь у себя/свою’;

- b) *En* *skoleelev* *tok* *sitt* *liv* *like* *før*
 sg.m.indf school.student take.pst poss.sg.n life just before
eksam-en
 exam-sg.m.def

‘Школьник забрал свою жизнь прямо перед экзаменом’.

Во-вторых, встречаются случаи, когда *N av seg* подразумевает, что нечто принадлежит логическому субъекту предложения:

- (23) *Katt-er* *like-r* *duft-en* *av* *seg* *selv*
 Cat-pl.indf like-prs smell-sg.m.def of refl self
 ‘Коты любят запах самих себя’.

В-третьих, имеются примеры, где *liv av N* не может интерпретироваться иначе как генитивные отношения между лицом и жизнью:

- (24)
 a) *Du* *plag-et* *liv-et* *av* *min* *tante*
 2sg torment-pst life-sg.n.def of 1sg.poss.n aunt
 ‘Ты испортил жизнь моей тети’;
 b) *Det* *virke-et* *nesten som* *om* *førstebetjent-en* *ønsk-et liv-et*
 3sg.n seem-pst almost as about first.officer-sg.m.def want-pst life-sg.n.def
av *meg* *like* *mye* *som* *Pontifract* *gjorde*
 of 1sg.obj as much as Pontifract do.pst
 ‘Выглядело почти так, что первому офицеру моя жизнь нужна была так же, как Понтифрактору’.

Отметим также, что *ta liv av seg (selv)* не может быть передана на русский язык фразой «лишиться жизни», так как последняя значит ‘умереть’ по какому-либо внешним, не зависящим от лица причинам – «Мужик полез во внутренний карман и **чуть не лишился жизни**: я чудом не нажал на курок»; *ta liv av seg (selv)* следует передавать выражением «лишить себя жизни», означающим совершение самоубийства, – «В любой религии человек, лишивший себя жизни, заслуживает презрения».

В результате если сравнивать *ta liv av seg* и *frata* и *ta fra*, то мы можем увидеть существенные различия между ними в нескольких аспектах. Во-первых, в конструкциях с *ta liv av seg* наблюдается высокая степень агентивности (напомним, что *frata seg*, как правило, подразумевает, что некто лишает себя чего-либо непреднамеренно). Во-вторых, выражение *ta N av* не подразумевает собственно

- (25) *Jeg* *er* *så* *lei* *av* *å* *miste* *nøkl-er* *at* *jeg*
 1sg be.prs so sick of inf lose key-pl.indf that 1sg
ha-r *kjøp-t* *meg* *en*
 have-prs buy-pst.ptcp 1sg.obj sg.m.indf codelock
 ‘Я так устал терять ключи, что купил себе кодовый замок’;

передачу чего-либо от одного лица к другому – нечто просто берется одним лицом, в то время

- (26) *Folk* *begyn-te* *å* *miste* *håp-et*
 Folk begin-pst inf lose hope-sg.n.def
 ‘Народ начал терять надежду’.

как второе остается полностью пассивным, то есть объект берется не «у кого-то», а просто «чей-то», второе лицо никак не задействуется, не сопротивляется и, соответственно, этим лицом может быть сам агент (выраженный рефлексивом).

Также отметим, что в конструкциях с *ta liv av seg (selv)* ориентир, то есть участник ситуации,

претерпевающий лишение, одновременно является участником, каузирующим лишение, и эти его функции синтаксически разделены (в данном

случае ориентир-каузатор выражен подлежащим, а ориентир-пациент – косвенным дополнением). Очевидно, подобную ситуацию мы будем наблюдать и в других случаях, когда каузативный каритивный глагол употребляется вместе с рефлексивом.

Рефлексив и некаузативные каритивные глаголы *miste* и *tape*

Далее мы перейдем к исследованию того, как рефлексив употребляется с некаузативными каритивными глаголами. Первым из них является *miste* ‘потерять’; это достаточно распространенная лексема – почти 17 тысяч вхождений в ЛВК, она сочетается с существительными, обозначающими как материальные объекты:

так и абстрактные:

Также глагол может обозначать потерю отношений с другими лицами (вследствие их смерти или ссоры):

- (27) *Jeg er klar over at det var vanskelig for ham*
 1sg be.prs clear over that 3sg.n be.pst difficult for 3sg.n.obj
å miste mor-en sin
 inf lose mother-sg.m.def poss.sg.n

‘Я понимаю, что ему было трудно потерять свою мать’,

а также ситуацию, когда лицу не удастся осуществить то или иное действие (например, по причине того, что лицо не успевает сделать что-либо или пропускает некоторое мероприятие):

- (28) a) *Og hvis jeg likevel mist-er buss-en <...>*
 And if 1sg anyway lose-prs bus-sg.m.def <...>
 ‘И если я все равно не успеваю на автобус <...>’,

- b) *Messi mist-er kamp med knesnell*
 Messi lose-prs match with knee.blow
 ‘Месси пропускает матч со сломанным коленом’.

Однако, несмотря на свою частотность, глагол *miste* с местоимением *seg* употребляется редко — 71 вхождение в ЛВК. Интересно при этом, что в каждом из этих вхождений *seg* дополняется местоимением *selv* (или его альтернативной формой *sjøl*). Во всех случаях своего употребления *miste seg selv* подразумевает утрату собственного «я», своей личности, употреблений типа русского ‘потеряться, заблудиться’ не встречается:

- (29) a) *Det er den form for nærhet han mist-er seg*
 3sg.n be.prs dem.sg.m form for closeness 3sg.m lose-prs refl
selv i self in
 ‘Это та форма близости, в которой он теряет себя’;
- b) *Men hvor mye kan man tilpasse seg uten samtidig å*
 But how much can man adapt refl without simultaneously inf
miste seg selv
 lose refl self

‘Но насколько сильно человек может приспособливаться, не теряя себя в то же время’.

Уместно будет отметить, что *seg* и *selv* взаимно самые частотные коллокации соответственно справа и слева друг от друга, однако в целом употребляются достаточно свободно. Вхождений для *seg* — 535 тысяч, *selv* — 156 тысяч, *seg selv* — 31 тысяча.

Некаузативный глагол *tape* ‘терять, проигрывать’ (тоже довольно частотный — 10 тысяч вхождений), как и *miste*, может выражать утрату материального объекта:

- (30) *Det er verre enn en tap-t lommebok*
 3sg.n be.prs bad.cmptr than sg.m.indf lose-pst.ptcp wallet
 ‘Это хуже, чем потерянный кошелек’

или некоего ресурса:

- (31) *Jeg håp-er jo ikke at jeg tap-er peng-ene og mist-er*
 1sg hope-prs yes not that 1sg lose-prs money-pl.def and lose-prs
eiendomm-en på 130 mål
 property-sg.m.def on 130 acres
 ‘Я надеюсь, я не потеряю деньги и собственность в 130 акров’.

Также часто встречаются примеры с утратой абстрактных объектов или свойств:

- (32) *De ha-dde tap-t ansikt*
3pl have-pst lose-pst.ptcp face
'Они потеряли лицо';

утратой отношений:

- (33) *Og du tap-te kontakt-en med vår-e barn-Ø*
And 2sg lose-pst contact-sg.m.def with 1pl.poss-pl child-pl.indf
'И ты потерял контакт с нашими детьми';

проигрышем в состязании и борьбе:

- (34) *Ha-r vi tap-t kamp-en mot kreft?*
Have-prs 1pl lose-pst.ptcp fight-sg.m.def against cancer?
'Мы проиграли бой с раком?';

уменьшением и ухудшением:

- (35) *Du ha-r tap-t deg i verd de sist-e år-ene*
2sg have-prs lose-pst.ptcp 2sg.obj in value 3pl last-pl year-pl.def
'Ты потерял в ценности в последние годы'.

С местоимением *seg*, однако, глагол *tape*, как и *miste*, употребляется довольно редко — 79 вхождений. Однако в случае таких употреблений наблюдается идиоматичное расширение его значения — *tape seg* подразумевает 'исчезновение, увядание, ухудшение':

- (36) a) *Mange journalist-er tap-er seg med år-ene. Ikke Erik Bye.*
Many journalist-pl.indf lose-prs refl with year-pl.def. Not Erik Bye.
Han kan fortsatt være en lærer for mange
3sg.m can still be sg.m.indf teacher for many

'С годами многие журналисты теряют хватку. Не Эрик Бюе. Он остается примером для многих';

- b) *Det var en fabelaktig historie. Selv om den tap-er seg noe de to sist-e tim-ene, så er helhetsinntrykk-et så bra <...>*
3sg.n be.pst sg.m.indf fabulous story. Although dem.sg.m lose-prs refl something 3pl two lasy-pl hour-pl.def, so
be.prs whole.impression-sg.n.def so good <...>

'Это была потрясающая история. Хотя она немного выдыхается в последние два часа, общее впечатление хорошее <...>';

- c) *<...> heller ikke leng-er var tiltrukket av fru-en-s under sykdomm-en atskillig under disease-sg.m.def*
<...> neither not long-cmpr be.pst attract-pst.ptcp of wife-sg.m.def-poss beauty, which have-pst lose-pst.ptcp refl significantly under disease-sg.m.def

'<...> его больше не привлекала красота жены, сильно померкнувшая вследствие болезни';

- d) *De to sammenhengende fjellkjed-er som løp-Ø så lang-t at de tap-te seg i en gråblå dis*
3pl two connected mountain.ranges-pl.indf which run-pst so long-n that 3pl lose-pst refl in sg.n.indf grey.blue mist

'Две связанные горные гряды, которые тянулись так далеко, что исчезали в серо-голубой дымке'.

Рефлексив *seg* и каритивный предлог *uten*

На этом обзор рефлексивных форм наиболее частотных каритивных глаголов завершается, и мы можем перейти к изучению взаимодействия рефлексива с базовым каритивным показателем норвежского языка — предлогом *uten*. Для начала следует сказать, что согласно ЛВК сочетание вида *seg uten* является достаточно редким — всего 931 вхож-

дение, притом что отдельно для *seg* и *uten* их 535 и 78 тысяч соответственно. В этом прослеживается некоторое различие между русским и норвежским языком, так как для первого характерно частое сочетание предлога *без* (аналога предлога *uten*) с глаголами в рефлексивной форме (табл. 3).

Таблица 3. Частотность конструкций с предлогом «без»

Биграмм	Частотность по НКРЯ
быть без	5356
остаться без	4795
обойтись без	4382
жить без	2845
мочь без	2161

Впрочем, переоценивать глубину этого различия не стоит, так как в целом перечни частотных глагольных коллокатов *без* и *uten* оказываются достаточно схожими (табл. 4).

Таблица 4. Частотность конструкций с *uten* ‘без’

Биграмм	Перевод	Частотность по LVK
være uten	быть без	2397
gå uten	идти без	500
leve uten	жить без	301
skje uten	происходить без	294
gjøre uten	делать без	276
klare seg uten	справляться без	272

Таблица 5. Сочетаемость глаголов в рефлексивной форме с предлогом *uten* ‘без’

Конструкция	Перевод	Частотность LVK
klare seg uten	справляться без	272
greie seg uten	справляться без	85
bevege seg uten	двигаться без	39
reise seg uten	вставать без	32
gi seg uten	сдаваться без	26
utvikle seg uten	развиваться без	23
sette seg uten	садиться без	23
overgi seg uten	сдаваться без	17
klare seg		2374
sette seg		13 936
bevege seg		6988

Отметим также, что, несмотря на то, что глагол *klare* является крайне частотным — 33 тысячи вхождений в LVK, — в нерелексивной форме с каритивным предлогом *uten* он встречается довольно редко: вхождений для *klare uten* всего 15, к которым можно добавить около 50 вхождений типа *klare N uten* (в большинстве случаев позицию *N* заполняет рефлексивное местоимение, но иногда в ней оказываются существительные и другие личные местоимения). Как правило, в этих немногочисленных примерах *klare* используется в значении ‘выполнять, мочь’:

(37)

- a) *De større nettverk-ene klar-er uten stor-e*
 3pl big.cmpfr network-pl.def manage-prs without big-pl.indf
vansk-er minst ti grupp-er i uk-en
 difficulty-pl.indf at.least ten group-pl.indf in week-sg.m.def
 ‘Более крупные сети справляются без больших трудностей с как минимум десятью группами в неделю’;
- b) *Det vis-te seg at den klar-te dette*
 3sg.n show-pst refl that dem.sg.m manage-pst dem.sg.n
uten problem-er, og sånn sett vant vi
 without problem-pl.indf, and in.that.sense win.pst 1pl
 ‘Оказалось, что он справился с этим без проблем, и в некотором смысле мы победили’.

Обратим внимание, что присутствующее в вышеприведенном списке выражение *klare seg uten* является наиболее частым сочетанием рефлексивного глагола с предлогом *uten*, намного опережающим по этому показателю любые другие подобные сочетания в норвежском языке (более того, следующим за ним по частотности является синонимичное выражение *greie seg uten*). Причем, так как это обстоятельство нельзя объяснить, например, тем, что *klare seg* является особо частотным глаголом, а в русском языке существует схожее по смыслу выражение *обходиться без*, мы можем предположить, что в *klare seg* и *обходиться* присутствует некоторый схожий семантический компонент, тяготеющий к каритивности (табл. 5).

Выводы

Итак, мы проанализировали типы взаимодействия между каритивными глаголами и рефлексивным показателем норвежского языка. Было выявлено, что при сочетании рефлексива с каузативным каритивом агентивность последнего может несколько снижаться — это выражается в том, что описываемая глаголом (в случае норвежского языка это глагол *frata*) ситуация лишения наступает как некое непредвиденное следствие действий лица, претерпевающего данное лишение. Можно сказать, что рефлексив придает каузативному каритивному глаголу отчасти декаузативный смысл.

Также было отмечено, что рефлексивный показатель с меньшей вероятностью сочетается с выражениями, для которых каритивное значение не является основным. Причем пример норвежского языка в этом плане особенно показателен ввиду того, что исследованное нами выражение *ta fra* является семантически и формально близким глаголу *frata*, однако последний употребление с рефлексивом допускает, а *ta fra* — нет. Нами было предложено два возможных объяснения данному факту: во-первых, возможно, что выражение *ta fra* сохраняет прочную связь со своим буквальным значением, предполагающим буквальную, физическую передачу объекта, в то время как при использовании рефлексива лицо остается одно; второе объяснение обращает внимание на то, что ситуация каузации лишения предполагает не просто передачу чего-либо от одного лица другому, но передачу вынужденную, недобровольную. Добавление рефлексива предполагает, что лицо принимает некоторое решение относительно самого себя, а затем само же сопротивляется его осуществлению, что весьма противоречиво.

Невозможность употребления каритивной конструкции *ta fra* с возвратным маркером служит веским основанием считать, что рефлексив предпочитает специализированные каритивные показатели, однако данная тенденция не является, по-видимому, жестким правилом и допускает некоторые исключения — примером подобного исключения в норвежском языке является конструкция *ta liv av seg*. В данном случае мы снова имеем дело с глаголом *ta* ‘брать’, приобретающим каритивное значение при сочетании с существительным *liv* ‘жизнь’. Данный пример интересен в нескольких аспектах: во-первых, «жизнь», по всей видимости, относится к числу объектов, которые по умолчанию не отдаются добровольно и потому индуцируют каритивное значение в глаголах, не специализирующихся на выражении данного значения; можно предположить, что «жизнь» является своеобразным эталоном подобного объекта. Во-вторых, существенным отличием конструкции *ta fra* от выражения *ta liv av seg* является то, что предлог *av* обозначает не исходную точку движения объекта, как *fra*, а генитивные отношения между объектом и некоторым лицом, то есть *ta liv av N* значит не ‘брать жизнь у кого-либо’, а ‘брать чью-либо жизнь’. В итоге можно сказать, что выражение *ta liv av seg* является исключением, подтверждающим правило, то есть оно не противоречит вышеприведенным объяснениям того, почему *ta fra* не употребляется с рефлексивом. Впрочем, здесь стоит отметить,

что в данном случае *seg* не образует рефлексивной формы глагола (как в случае с *frata seg*), а скорее выражает косвенный объект.

Глаголы *miste* и *tape* при взаимодействии с рефлексивом демонстрируют прямо противоположное поведение. Глагол *miste* не образует рефлексивной формы, но сочетается с показателем *seg*, усиленным эмфатическим местоимением *selv*; в итоге выражение *miste seg selv* имеет полностью композиционное значение ‘потерять самого себя’ — не в смысле русских глаголов ‘потеряться, заблудиться’, а именно в смысле утратить значимую часть своей личности. Сочетание глагола *tape* с рефлексивом, напротив, приводит к идиоматичному изменению значения. То есть если сочетание рефлексива с каузативным каритивом приводит к приобретению последним декаузативного смысла, то употребление декаузативных глаголов с рефлексивом, можно предположить, какого-либо предсказуемого и регулярно наблюдаемого результата не имеет.

Было обнаружено, что в некоторых случаях каритивы и рефлексивные глаголы образуют устойчивые единицы, у которых нет соответствия без рефлексива. Этот феномен иллюстрируется частотным сочетанием базового каритивного показателя норвежского языка — предлога *uten* — с рефлексивной формой глагола *klare*. Данный факт вызывает интерес по двум причинам: во-первых, обращает на себя внимание, что *uten* практически не употребляется с нереплексивной формой данного глагола; во-вторых, выражение *klare seg* близко по своему значению русскому рефлексивному глаголу *обходиться*, который также часто сочетается с каритивным предлогом *без*, соответственно, мы можем предполагать, что у *klare seg* и *обходиться* имеется некий общий семантический компонент, тяготеющий к сочетанию с каритивом.

Распространенность выявленных тенденций во взаимодействии между каритивными глаголами и рефлексивом следует проверить на других языках, в первую очередь языках, в которых рефлексивная форма глагола образуется посредством местоимения (а не суффикса, как в русском языке, например); особый интерес в этом плане вызывает пара близких по значению глаголов *frata* и *ta fra* (различие между которыми заключается не только в большей буквальности значения *ta fra*, но и в невозможности употребления этого выражения с рефлексивом) и их аналоги в других языках. Также следует продолжить изучение того, как сочетаются с рефлексивными показателями каузативные и некаузативные каритивные глаголы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие [Рос. гос. гуманитарный ун-т]. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
2. *Оскольская С.А., Заика Н.М., Клименко С.Б., Федотов М.Л.* Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 7–25.
3. *Архипов А.В.* Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.
4. *Stolz Th., Stroh C., Urdze A.* On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe // Empirical Approaches to Language Typology. 33. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
5. *Faarlund J.T., Lie S., Vannebo K.I.* Norsk referansegrammatikk. Universitetsforlaget AS, 1997. P. 438.
6. *Эндресен А.А., Жукова В.А., Мордашова Д.Д., Рахилина Е.В., Ляшевская О.Н.* Русский Конструктивкон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26). М.: Изд-во РГГУ, 2020. С. 241–255.
7. *Geniusiene E.* The typology of reflexives. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
1. *Plungyan, V.A.* *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow: RGGU Publ., 2011. (In Russ.)
2. *Oskolskaya, S.A., Zaika, N.M., Klimenko, S.B., Fedotov, M.L.* *Opredelenie karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya* [The Definition of Caritive as a Comparative Notion]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2020, No. 3, pp. 7–25. (In Russ.)
3. *Arkhipov, A.V.* *Tipologiya komitativnykh konstrukcij* [Typology of Comitative Constructions]. Moscow: Znak Publ., 2009. (In Russ.)
4. *Stolz, Th., Stroh, C., Urdze, A.* On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. *Empirical Approaches to Language Typology*. 33. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
5. *Faarlund, J.T., Lie, S., Vannebo, K.I.* Norsk referansegrammatikk. Universitetsforlaget AS, 1997, p. 438. (In Norwegian)
6. *Endresen, A.A., Zhukova, V.A., Mordashova, D.D., Rakhilina, E.V., Lyashevskaya, O.N.* *Russkij konstruktikon: novyj lingvisticheskij resurs, ego ustrojstvo i specifika* [The Russian Constructicon: A New Linguistic Resource, Its Design and Key Features]. Moscow: RGGU Publ., 2020. (In Russ.)
7. *Geniusiene, E.* The typology of reflexives. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

Дата поступления материала в редакцию: 24 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on October 24, 2023

Revised on December 4, 2023

Accepted on December 15, 2023

Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010124

Исповедь в художественной литературе: границы и объем понятия

© 2024 г. О. С. Кудлай

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
kudlay.oksana.96@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются трудности, связанные с многообразием научных подходов к изучению исповеди в разных дискурсах (религиозном, юридическом, психоаналитическом и др.). Утверждается, что теоретическое осмысление литературной (художественной) исповеди должно вестись с учетом имеющихся в науке представлений о её христианском происхождении и светских трансформациях в европейской культуре (от Августина до Руссо). Анализ структурно-содержательных особенностей литературной исповеди с опорой на эстетику словесного творчества М.М. Бахтина позволяет провести грань между художественным и жизненным словом, включая псевдоисповедальные тексты XIX–XXI вв. Установлено, что конкретные формы воплощения художественной исповеди (с учетом их диффузности, родовидовой специфики и зависимости от индивидуальности автора) сопротивляются типологическому картографированию и нуждаются в приоритетном исследовании с точки зрения исторической поэтики. В заключение доказывается необоснованность литературоведческого отождествления исповеди с исповедальностью.

Ключевые слова: исповедь, исповедальность, трансформация, автор, герой, читатель.

Для цитирования: Кудлай О.С. Исповедь в художественной литературе: границы и объем понятия // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 137–143. DOI: 10.31857/S1605788024010124

Confession in Fiction: Boundaries and Scope of the Concept

© 2024 Oksana S. Kudlay

Postgraduate student at the Faculty of Philology
of Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
kudlay.oksana.96@mail.ru

Abstract. In the following article, difficulties connected with the diversity of scientific approaches to the study of confession in different discourses (religious, legal, psychoanalytical, etc.) are discussed. The article deals with the difficulties associated with the diversity of scientific approaches to the study of confession in different discourses (religious, legal, psychoanalytic, etc.). It is stated that a theoretical understanding of literary (fictional) confession is conducted regarding already existing ideas about its Christian origins and circular transformations in European culture (from Augustine to Rousseau). The analysis of the structural and content features of literary confession with the support of M. M. Bakhtin's aesthetics of verbal creation allows us to draw a line between the literary and the live word, including pseudo-confessional texts of the 19th and 21st centuries. It is confirmed that the concrete forms of embodiment of artistic confession (considering their diffuseness, generic specificity, and dependence on the author's individuality) resist typological study and require priority comprehension from the point of view of historical poetics. In conclusion, the groundlessness of the literary identification of confession with confessionalism is proved.

Key words: confession, confessionalism, transformation, author, hero, reader.

For citation: Kudlay, O.S. *Isповедь v khudozhestvennoy literature: granitsy i obyom ponyatiya* [Confession in Fiction: Boundaries and Scope of the Concept]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 137–143. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010124

Исповедь – явление сложное и многогранное, обладающее своей религиозной и культурной спецификой. Оно характеризуется «всепроницаемостью» и, адаптируясь к разным дискурсам, переживает соответствующие трансформации, становится предметом изучения гуманитарных и социальных дисциплин: философы исследуют духовные идеи покаянных текстов, написанных в форме трактата; культурологи изучают светскую исповедь и псевдоисповедальные формы в культурном пространстве; в судебном дискурсе объектом анализа выступают тексты-признания, в науке о литературе – словесно-художественные метаморфозы исповеди. Многообразие покаянных текстов неизбежно ведет к терминологическим трудностям, препятствует установлению четких границ рассматриваемого феномена и образует отдельную проблему.

Теоретическое осмысление художественной исповеди должно вестись с учетом уже имеющихся в науке представлений о ее происхождении. Возникнув в религиозной практике, исповедь получила распространение прежде всего в христианстве как «церковный или общинный ритуал самоотчета» [1, с. 7], церковное таинство покаяния (наряду с крещением, браком и др.). Христианская исповедь, которой присущи «интенционный» настрой, обращение к внутреннему миру кающегося для диалога с Богом через посредника – исповедника, служит генетическим основанием исповеди светской как более позднего явления в культуре, истоки которого традиционно связывают с именем Блаженного Августина [2, с. 283]: его письменная «Исповедь» (390-е годы) не только обращена к Богу, но и подразумевает раскрытие сокровенных чувств перед читателем.

Функционируя на границе философии и литературы, «Исповедь» Августина служит убедительной иллюстрацией различных подходов к дефиниции и жанровой номинации такого рода текстов: философская исповедь, светская исповедь, литературная исповедь, автобиография. В частности, историки философии разбирают не столько феномен исповеди, сколько взгляды на фундаментальные онтологические вопросы конкретного автора как представителя эпохи [3]. Культурологи в свою очередь отмечают парадоксальность построения текста: Августин говорит о себе и исповедует собственные грехи, однако его

«личное» «осуществляется через ментальные матрицы, встречаясь с культурной формой» [4, с. 11]. При этом изучение культурных форм личности позволяет исследователям увидеть в «Исповеди» Августина психологический самоанализ. Среди других типологически близких примеров – «Утешение философией» Боэция (520-е годы), «История моих бедствий» П. Абеляра (ок. 1132 г.).

Несмотря на то что «Исповедь» Августина перенимает традиции церковного ритуала: признание своих грехов, обращение к Богу, откровенное выражение состояния души, – ее нельзя назвать религиозной формой в строгом смысле слова, поскольку письменная речь нарушает символический сакральный смысл таинства покаяния. Вместе с тем миметического сходства с церковной исповедью еще недостаточно для создания эстетически завершенного художественного произведения: такая исповедь может существовать в письменном виде как «жизненный» текст. Другими словами, произведение Августина – *переходная форма*, которая сохраняет смысловую близость к исповеди религиозной, но уже обладает чертами исповеди литературной, предвосхищая ее жанровую специфику [2, с. 288], и получит дальнейшее развитие в художественной словесности.

Вопрос о появлении светской исповеди, отличающейся обращением кающегося не к божественному, а к человеческому суду, остается дискуссионным. С одной стороны, ее прообразом считают покаянные практики в протестантизме, которые исключали исповедника и освобождали от ответственности признания в грехах [5, с. 73]. С другой стороны, основоположником светской исповеди в европейской культуре называют Ж.-Ж. Руссо. Начиная с него «идея исповеди обретает законные права на *внехристианское*, не dogматическое толкование» [5, с. 73]. В одном ряду с «Исповедью» Руссо (1765–1770) стоят «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» Т. Квинси (1821), «Исповедь» П. Верлена (1894), “De Profundis” О. Уайльда (1897) и др. Соответственно, светская исповедь включает в себя литературную (художественную) разновидность, однако воплощается и в «жизненных» (эгодокументальных), и в псевдоисповедальных текстах.

Так, в юридическом дискурсе представлена *исповедь-признание*, реализующаяся в судебной

речи. К ней относятся не только исповеди обвиняемых в преступлении, но и «политические» исповеди, то есть признания людей, «поставивших себя в положение резкого противопоставления властям» [2, с. 277]. Исторически эта форма, по мнению Н.Н. Казанского, восходит к апологиям [2, с. 288]: в Древней Греции не существовало адвокатского сообщества, поэтому ораторы писали оправдательные речи, которые обладали автобиографическим потенциалом. Подчеркнем, что признательные речи содержат лишь элементы исповеди (самоанализ, признание в преступлении), но в них могут отсутствовать покаяние и раскаяние. Яркий пример — «Апология Сократа» (Платон).

Развитие практики признания и его трансформацию в психоанализе подробно изучал М. Фуко и связывал ее с инструментами власти, которые менялись на протяжении веков: наложение епитимьи в раннем христианстве, «тарифное» покаяние, инквизиционные процедуры, допросы и признания в тюрьме, пытки и т.п. [6, с. 157]. К месту вспомнить псевдоисповедальные тексты периода сталинских репрессий, обязательные «саморазоблачения», которые существовали в двух основных формах: покаяние перед органами следствия и публичное признание перед судом. Разумеется, французского философа и теоретика культуры интересовал не жанр исповеди, а исповедальный дискурс, признание как *форма речи*. Критерий ее истинности — добровольный характер. Следовательно, признания в тюрьмах, как и судебные речи, противопоставлены настоящей исповеди, назначение которой не в принуждении к признанию, а в психоаналитическом эффекте проговаривания, очищения (ср. с терапевтическим эффектом, который достигается посредством разрешительной функции искусства от бессознательного [7]).

Между тем отождествление исповеди с техникой психоанализа не кажется нам достаточно корректным. Очевидно, они относятся к разным «истинностным» режимам: психоанализ не происходит из христианской исповеди, не предусматривает покаяния и недопущения повторного совершения греха. К тому же рассмотрение исповеди как выражения подсознательных мотивов автора в литературном творчестве (пример тому — изучение И.Д. Ермаковым исповедей у Ф.М. Достоевского [8]) в филологическом анализе текста малопродуктивно еще и потому, что оно не учитывает один из конституирующих признаков художественной исповеди — эстетическую дистанцию между автором и героем.

Тем временем псевдоисповедальные формы агрессивно наполняют современное культурное пространство: с разрушением дихотомии «прикровенность / откровенность», «высокая и низкая культуры» [9] исчезает то, что было принято оставлять скрытым, не приносить в повседневность [10, с. 8]. В средствах массовой информации, на различных интернет-площадках наблюдается профанация как публичной (развлекательные ток-шоу), так и личной (в формате интервью) исповедей для построения медийного имиджа. Будучи порождением поп-культуры, такие псевдоисповедальные формы ориентированы на извлечение материальной выгоды и чужды базовым этическим императивам, включая религиозные [10, с. 15]. Согласимся с М.С. Уваровым: «Публично-книжная исповедь, образцов которой в последнее время появилось достаточно много, внешней формой напоминает августиновский текст. <...> На самом же деле великая идея просто эксплуатируется...» [5, с. 56].

Литературно-художественная исповедь как разновидность исповеди светской адаптируется к происходящим в ту или иную эпоху культурным изменениям, сохраняя диффузное состояние в рамках конкретных произведений. Например, исповедь Мити в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского и речь Гумберта в «Лолите» В.В. Набокова — трансформированные формы судебного признания. Отсутствие четких критериев для определения объема понятия и границ художественной исповеди приводит к смешению религиозно-философских и литературных текстов: «Исповедь» Л.Н. Толстого необоснованно ставится на одну полку с «Исповедью хулигана» С.А. Есенина. В аспекте теоретической поэтики проблема заключается в том, что литературная исповедь — «свободный неканонический жанр, свободный в выборе и формы, и содержания» [11, с. 24]. Но если одни исследователи рассматривают покаянные художественные тексты как самостоятельное жанровое образование [2], то другие это оспаривают, поскольку изначальное предназначение исповеди делает невозможной её письменную форму [12, с. 9], третьи отождествляют исповедь с исповедальностью, приравнивая её к эгодокументам (письмам, дневникам, мемуарам, автобиографиям и т.д.) [13, с. 320], а четвертые определяют литературную исповедь как прием психологического изображения [14, с. 4]. Несмотря на «размытость» очертаний, исповедь в словесном искусстве все же имеет характерные признаки.

Согласно концепции М.М. Бахтина, содержание художественного произведения — «не идея или комплекс идей, а совокупность ценностей, соотношенных друг с другом с помощью определенной организации материала» [15, с. 62]. Обратившись к феномену исповеди, теоретик искусства рассматривал поступок, или самоотчет-исповедь, как эстетически незавершенное произведение: в нем автор и герой совпадают, вследствие чего автор исповеди не может себя завершить; в нем также невозможен сюжет как эстетически завершенная категория и предметный мир «как эстетически значимое окружение» (пейзаж, обстановка, быт и т.д.) [16, с. 136]. Принципиальная *незавершенность* самоотчета-исповеди необходима, поскольку этический поступок «борется» за чистоту сознания кающегося, и она сближает его с «жизненными» текстами.

Важнейшим структурообразующим элементом литературной исповеди выступает *адресатность* — ценностная установка на другого. Читатель как фигура текста эстетически завершает художественную исповедь и занимает особое положение по отношению к автору и герою. С одной стороны, эта позиция — сопереживание исповедующемуся, «узнавание в условностях воображения аналогов жизненной реальности» [17, с. 79]. С другой стороны, это позиция субъекта сотворческой деятельности [17, с. 174]. Речь здесь в первую очередь идет не о реальном читателе, связанном с автором внесловесным контекстом, а эксплицитном и имплицитном (внутритекстовом) [18, с. 294], то есть об установке на «слушателя», иначе мы бы опять получили самоотчет. В литературной исповеди такой читатель наследует функцию исповедника, играет роль судьбы, именно он должен «вынести приговор»: простить или не простить героя. Косвенным указанием на адресацию может быть «ряд сюжетных ситуаций» [19, с. 39]. В том числе пребывание под арестом и судом («Корсар» Дж. Байрона), ожидание смерти (объяснение Ипполита в романе Достоевского «Идиот»). Маркером адресации считается также упоминание героя о желании поведать свою историю миру («Падение» А. Камю). И хотя создание автором пограничных ситуаций «провоцирует героя к обнаружению своей подлинности» и «предъявлению этой подлинности миру» [19, с. 39], отделить литературную исповедь от других форм словесного искусства не представляется возможным без обращения к содержанию, «диктующему» построение текста.

В литературе исповедь относится к тому «дискурсу, который по определению не содержит лжи»

[20, с. 267], а значит, при её идентификации исходят из наличия или отсутствия в произведении чистосердечных, откровенных признаний. И если в религиозном контексте показателем искренности служит *факт покаяния* перед «всенаходимым» Богом, то в художественной словесности срабатывает *память первичного речевого жанра*: «...исповедь — это слово, обращенное к Богу, а солгать Богу невозможно» [20, с. 267]. В то же время на материале западноевропейского исповедально-философского романа конца XX века исследователи справедливо обсуждают проблему «театрализованности» художественной исповеди и выявляют случаи третьеличного повествования, при котором сознание исповедующегося персонажа обрамлено сознанием нарратора [19, с. 34]. Согласимся, что «чистое» покаяние невозможно в литературном произведении, где искренность не связана с фактичностью, но сама форма признания создает надлежащий горизонт читательских ожиданий — настрой на откровенность. С лингвистической точки зрения в таких речеповеденческих актах, как исповедь, заложена *сема искренности*. Используя это преимущество, исповедь в литературе XIX–XX вв. научилась имитировать признание и даже приобретать иронический характер: «ложные» исповеди героев Достоевского, «ненадежный рассказчик» у Набокова и т.д. В подобных случаях нельзя опровергнуть «правдивость», пока это не сделает сам исповедующийся.

Содержательность формы художественной исповеди проявляется также в ориентации на внутреннюю жизнь человека: внешние события сами по себе не имеют в ней определяющего значения, биографическая канва далеко не всегда выполняет структурообразующую роль, сюжет как таковой может отсутствовать (его заменяет напряженная духовная деятельность). Завязка в исповеди почти всегда обусловлена кризисом «я» (например, «Исповедь маски» Ю. Мисимы), события из прошлой жизни героя избираются автором для сюжетности внутреннего действия (по аналогии с эпизодом о краже груш у Августина), развитие которого стимулируется стремлением понять и «смоделировать» себя (именно поэтому исповедь может быть представлена как «монтаж воспоминаний» по принципу их морально-этической значимости, за которым скрывается кризис самоидентификации [19, с. 35]), а развязка дана в «открытом» финале. Будучи эстетически завершенным феноменом, литературная исповедь не может свидетельствовать о будущем героя, поскольку воспроизводит незавершенное высказывание.

Конкретные формы воплощения художественной исповеди (с учетом их диффузности, родовидовой специфики и зависимости от индивидуальности автора) сопротивляются типологическому изучению и прежде всего нуждаются в рассмотрении с точки зрения исторической поэтики. Уже в эпоху романтизма трансформированная исповедь приобрела богоборческие черты в лироэпических поэмах (Дж. Байрон, М.Ю. Лермонтов), а в эпосе того же периода проявила себя и как прием прямого психологизма, основанный на близости сознаний автора и героя, и как «обрамляющий» прием (в «Исповеди сына века» А. де Мюссе использует его для того, чтобы запутать читателя, «мистифицировать» относительно своей подлинности [21, с. 86]). В структуру реалистического романа или повести исповедь часто встроена как вставной жанр и может использоваться автором не только для раскрытия душевного состояния героя («наравне с внутренним монологом и повествованием в форме дневника», как в «Записках из подполья» Достоевского [14, с. 4]), но и как средство выражения идейной позиции («Великий инквизитор» в «Братьях Карамазовых»). Иными словами, исповедь как вставной эпизод — более широкое понятие, психологическая составляющая которого только одна из возможных функций.

Наконец, применительно к драме принято говорить об исповедальности как метажанровом явлении, которое приближается к типам лиризма [22] и не сводится к формам литературной исповеди. Для классической драмы, сложившейся в дохристианскую эпоху, исповедь не характерна вовсе, но современные театральные формы — монопьесы, документальные спектакли, *verbatim* — симулируют исповедальное слово благодаря установке на искренность и откровенность. Безусловно, исповедальность можно обнаружить не только в современной драматургии, но и в речах Гамлета, не говоря уже о размышлениях чеховских героев («Дядя Ваня»), персонажей драм А.М. Володина, А.В. Вампилова и других писателей, в творчестве которых явлено сильное лирическое начало. Однако отождествление исповедальности — всепроникающей интенции сознания, которая раскрывает интимные моменты жизни человека и при этом помогает восстановить говорящему душевное равновесие, — с исповедью, обладающей формально-содержательным единством, ошибочно.

Итак, сам характер христианской исповеди сделал возможным появление особого речевого жанра, который вышел за рамки религиозной

практики и, трансформировавшись, проник в разные дискурсы, в том числе литературный. Несмотря на сохраняющиеся терминологические трудности и многообразие научных подходов к изучению данного явления, анализ структурно-содержательных особенностей исповеди позволяет провести грань между жизненным и художественным словом. Вместе с тем синтетичность и диффузность литературной исповеди заостряют проблему понятийно-категориального разграничения её форм: от приема психологического изображения и вставного эпизода до самостоятельного произведения искусства. Наиболее дискуссионным при этом остается вопрос о жанровом статусе художественной исповеди, но ввиду своей масштабности он требует отдельного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исупов К.Г.* Исповедь: к определению термина // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы международной конференции. СПб.: Изд-во Института человека РАН, 1997. С. 7–8.
2. *Казанский Н.Н.* Исповедь как литературный жанр // Бл. Августин. Исповедь / Пер. М.Е. Сергеенко. СПб.: Наука, 2013. С. 275–295.
3. *Столяров А.А., Неретина С.С.* «Исповедь» // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2000. Стб. 166–168.
4. *Баткин Л.М.* «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «я» в «Исповеди» Бл. Августина. М.: РГГУ, 1993. 76 с.
5. *Уваров М.С.* Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 243 с.
6. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. 448 с.
7. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
8. *Ермаков И.Д.* Исповедь в творчестве / Публ. М.И. Давыдовой // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 56–75.
9. *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 110–120.
10. *Миронов В.В.* Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 3. С. 3–25.

11. *Жиркова М.А.* Исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 139 с.
12. *Михайлова М.В.* Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы международной конференции.* СПб.: Изд-во Института человека РАН, 1997. С. 9–14.
13. *Ваховская А.М.* Исповедь // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 320–321.
14. *Креницын А.Б.* Формы исповеди в романах Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 204 с.
15. *Тамарченко Н.Д.* «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
16. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.* М.: Искусство, 1986. С. 9–191.
17. *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория литературы: В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 509 с.
18. *Лавлинский С.В.* Читатель // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 294–297.
19. *Джумайло О.А.* Английский исповедально-филологический роман 1980–2000 гг.: дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 395 с.
20. *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
21. *Волкова Т.Н.* Исповедь // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 85–86.
22. *Шевчук Ю.В.* Поэзия И. Анненского и А. Ахматовой: формы лиризма: дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 604 с.
3. *Stolyarov, A.A., Neretina, S.S.* *Ispoved* [Confession]. *Novaya filosofskaya enciklopediya v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia in 4 Vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 2000, pp. 166–168. (In Russ.)
4. *Batkin, L.M.* “*Ne mechtajte o sebe*”: *O kulturno-istoricheskom smysle “ya” v “Ispovedi” Bl. Avgustina* [“Don’t dream about yourself”: On the Cultural and Historical Meaning of the Self in the Confessions of Augustine]. Moscow: RGGU Publ., 1993. 76 p. (In Russ.)
5. *Uvarov, M.S.* *Arkhitektonika ispovedalnogo slova* [Architectonics of the Confessional Word]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 1998. 243 p. (In Russ.)
6. *Fuko, M.* *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti.* [The Will to Truth. Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow: Magisterium-Kastal Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)
7. *Vygotskiy, L.S.* *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow: Pedagogika Publ., 1987. 344 p. (In Russ.)
8. *Ermakov, I.D.* *Ispoved v tvorchestve* [Confession in the Creation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 1995, No. 11, pp. 56–75. (In Russ.)
9. *Lotman, Yu.M.* *K postroeniyu teorii vzaimodejstviya kultur (semioticheskij aspekt)* [To the Construction of the Theory of Interaction Between Cultures (Semiotic Aspect)]. *Lotman, Yu.M. Izbrannye statji* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992, pp. 110–120. (In Russ.)
10. *Mironov, V.V.* *Processy transformacii kultury v globaliziruyushchemsya mire: kommunikacionnyj vector* [Processes of Culture Transformation in the Globalizing World: Communication Vector]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy]. 2010, No. 3, pp. 3–25. (In Russ.)
11. *Zhirkova, M.A.* *Ispovedi v romane F.M. Dostoevskogo “Bratya Karamazovy”* [Confessions in the Novel of F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 1997. 139 p. (In Russ.)
12. *Mikhailova, M.V.* *Molchanie i slovo (tainstvo pokayaniya i literaturnaya ispoved)* [Silence and the Word (Sacrament of Penance and Literary Confession)]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremya ispovedalnogo slova. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Metaphysics of Confession. Space and Time of the Confessional Word. Materials of the International Conference]. St. Petersburg: Institute of Human of RAS Publ., 1997, pp. 9–14. (In Russ.)
13. *Vakhovskaya, A.M.* *Ispoved* [Confession]. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak Publ., 2001, pp. 320–321. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Isupov, K.G.* *Ispoved: k opredeleniyu termina* [The Confession: To the Definition of the Term]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremya ispovedalnogo slova. Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Space and Time of the Confessional Word. Materials of an International Conference]. St. Petersburg: Institute of Human of RAS Publ., 1997, pp. 7–8. (In Russ.)
2. *Kazanskiy, N.N.* *Ispoved kak literaturnyj zhanr* [Confession as a Literary Genre]. *Avgustin. Ispoved* [Augustine.

14. Krinitsyn, A.B. *Formy ispovedi v romanakh F.M. Dostoevskogo* [Forms of Confession in the Novels of F.M. Dostoevsky]. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Moscow, 1995. 204 p. (In Russ.)
15. Tamarchenko, N.D. *“Estetika slovesnogo tvorchestva” M.M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya tradiciya* [“Aesthetics of Verbal creation” by M.M. Bakhtin and the Russian Philosophical-Philological Tradition]. Moscow: Izdatelstvo Kulaginoj Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)
16. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroj v esteticheskoj deyatelnosti* [The Author and the Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, pp. 9–191. (In Russ.)
17. Tamarchenko, N.D., Tyupa, V.I., Brojtmán, S.N. *Teoriya literatury v 2 t. T. 1. Teoriya hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of Literature in 2 Vols. Vol. 1. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics]. Moscow: Akademia Publ., 2004. 509 p. (In Russ.)
18. Lavlinskiy, S.V. *Chitatel* [The Reader]. *Poetika: slovar aktualnykh terminov i ponyatij* [Poetics: Vocabulary of Actual Terms and Notions]. Moscow: Izdatelstvo Kulaginoj and Intrada Publ., 2008, pp. 294–297. (In Russ.)
19. Dzhumaylo, O.A. *Anglijskij ispovedalno-filosofskij roman 1980–2000 gg.* [English Confessional-Philosophical Novel of 1980–2000]. Dissertation of the Doctor of Philology. Moscow, 2014. 395 p. (In Russ.)
20. Stepanov, A.D. *Problemy kommunikacii u Chekhova* [Problems of Communication in Chekhov]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005. 400 p. (In Russ.)
21. Volkova, T.N. *Ispoved* [Confession]. *Poetika: slovar aktualnykh terminov i ponyatij* [Poetics: Vocabulary of Actual Terms and Notions]. Moscow, Izdatelstvo Kulaginoj and Intrada Publ., 2008, pp. 85–86. (In Russ.)
22. Shevchuk, Yu.V. *Poeziya I. Annenskogo i A. Ahmatovoj: formy lirizma* [Poetry of I. Annensky and A. Akhmatova: Forms of Lyricism]. Dissertation of the Doctor of Philology. Moscow, 2015. 604 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.

Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on July 17, 2023

Revised on September 5, 2023

Accepted on December 15, 2023

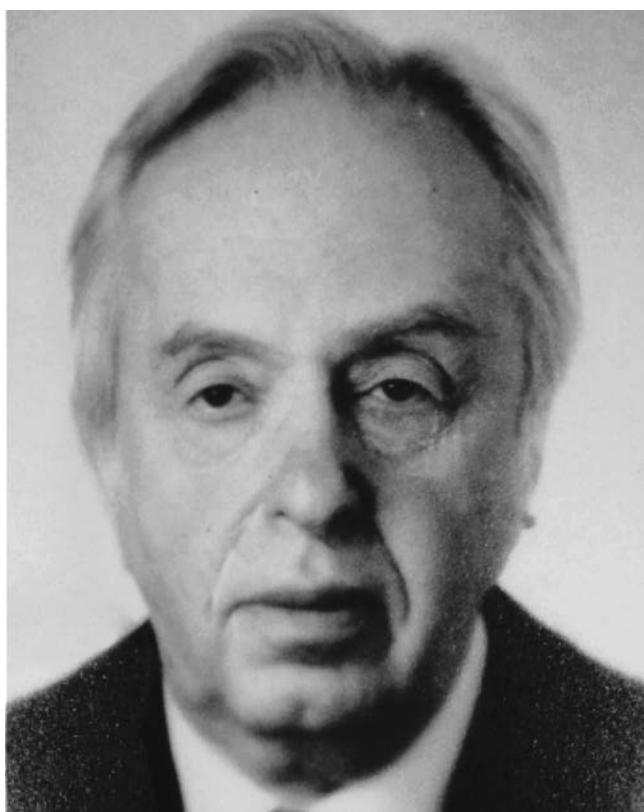
Date of publication: February 29, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024010137

Международная конференция «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» к 100-летию со дня рождения проф. А. Д. Швейцера

The International Conference “Aspects of Language, Text and Translation” on the 100-th Anniversary of Prof. A. D. Shveitser

8 декабря 2023 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Давидовича Швейцера, выдающегося советского и российского лингвиста, переводчика и педагога, крупнейшего специалиста по теории перевода, социолингвистике, контрастивной стилистике. Эта юбилейная дата была отмечена масштабной лингвистической конференцией «Грани языка. Грани текста. Грани перевода», организованной совместно Институтом языкознания РАН и Московским

государственным лингвистическим университетом и проходившей 8 и 9 декабря в МГЛУ.

В конференции приняли участие около 150 докладчиков из шести стран (России, Азербайджана, Белоруссии, Бельгии, Турции, Южной Осетии). Значимость научного наследия А.Д. Швейцера для российской лингвистики нашла отражение в широте охвата различных регионов РФ. Благодаря хорошо технически организованному смешанному формату, сочетающему очные и дистанционные выступления, в конференции смогли принять участие докладчики из 18 городов России: Архангельска, Владивостока, Волгограда, Воронежа, Елабуги, Иркутска, Красноярска, Курска, Магнитогорска, Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Ростова, Рязани, Санкт-Петербурга, Симферополя, Твери, Тюмени, представляющих 35 российских университетов. Особенно широко были представлены вузы Москвы (ВУ МО РФ, ГАУГН, ГУП, МАУ, МГИМО, МГЛУ, МГПУ, МИФИ, МПГУ, МГУ, НИЦ ВШЭ, ПСТГУ, РАНХиГС, РГГУ, РУДН, РЭУ им. Плеханова, ФУ при Правительстве РФ) и вузы Санкт-Петербурга (СПбГУ, СПбГИК, СПбГЭУ, СПбГХПА).

Конференция продемонстрировала тесное взаимодействие академической и вузовской науки. Пятеро ведущих сотрудников Института языкознания работали в программном комитете конференции. Среди докладчиков были сотрудники шести институтов Российской академии наук: ИВ РАН, ИНИОН РАН, ННЦ им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, ННЦ МБ ДВО РАН, ИРЯ, ИЯЗ РАН.

Плодотворное сотрудничество Института языкознания РАН с МГЛУ в подготовке и проведении Швейцеровской конференции носило закономерный характер и определялось научной

биографией А.Д. Швейцера. Как отметила в приветственном слове ректор МГЛУ И.А. Краева, «совместность этого проекта продиктована самой биографией Александра Давидовича и многообразием его профессиональной деятельности. Ведь и МГЛУ и ИЯз РАН справедливо считают его своим: и потому, что в разные периоды своей жизни Александр Давидович работал в стенах обоих учреждений, и потому, что его научный и организационный вклад в деятельность МГПИИЯ и Института языкознания трудно переоценить».

В 1 МГПИИЯ – как в то время назывался МГЛУ – А.Д. Швейцер пришел в 1956 году. Здесь он возглавил одну из важнейших кафедр – кафедру устного перевода. Помимо преподавательской работы А.Д. Швейцер вел и впечатляющую исследовательскую деятельность. В 1967 г. состоялась защита его докторской диссертации на тему «Различительные элементы американского и британского вариантов английского языка». За годы работы в МГПИИЯ А.Д. Швейцер создал такие фундаментальные научные монографии, как «Очерк современного английского языка в США» (1963), «Литературный английский язык в США и Англии» (1971), «Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике» (1971).

Как уникальный исследователь-лингвист, ученый с необычайно широким диапазоном научных интересов, переводчик-практик Александр Давидович оказался по-настоящему ценным сотрудником для Института языкознания АН СССР, где он начал работать с 1972 г. Работая в секторе социолингвистики, он создал такие классические труды, как «Перевод и лингвистика» (1973) и «Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы». (1976). На постоянную работу в Институт языкознания А.Д. Швейцер перешел в 1982 г., став главным научным сотрудником отдела германских, романских и кельтских языков, но при этом сохранив за собой заведование кафедрой устного перевода в МГЛУ. В эти годы им были созданы такие фундаментальные монографии, как «Социальная дифференциация английского языка в США» (1983), «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» (1988), «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках» (1993). Он также стал организатором и вдохновителем многочисленных коллективных монографий в рамках двух проблемных комиссий Института языкознания: «Проблемной группы по теории перевода» и «Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков».

В научной биографии А.Д. Швейцера органично соединялись разные виды профессиональной деятельности: блестящего переводчика-синхрониста, автора фундаментальных трудов по проблемам общего и частного языкознания, педагога, общественного деятеля. Прошедшая юбилейная конференция не только обобщила теоретическое наследие ученого, но и убедительно продемонстрировала развитие его концепций в современных лингвистических исследованиях.

Многообразие научных интересов А.Д. Швейцера нашло отражение в двух пленарных заседаниях, открывавших каждый из дней конференции.

С пленарным докладом «В поисках переводных эквивалентов» о проблемах передачи лингвоспецифических понятий на материале японско-русского перевода выступил академик РАН В.М. Алпатов. Взаимодействие языка и культуры с учетом передачи исторической дистанции в переводе стало темой доклада И.И. Челышевой (ИЯз РАН) «Историческая дистанция и проблемы перевода». О деятельности А.Д. Швейцера как синхронного переводчика и о том, как эта деятельность повлияла на выдвигаемые им фундаментальные положения теории перевода, рассказала Д.Б. Никуличева (ИЯз РАН) в докладе «Глазами переводчика: А.Д. Швейцер о синхронном переводе как призвании». Об А.Д. Швейцере как о теоретике перевода и педагоге вспоминала в своем выступлении «А.Д. Швейцер: уроки перевода, или Переводчик в стане ошибок» Е.В. Терехова (ННЦ им. А.В. Жирмунского ДВО РАН).

Пленарные доклады второго дня конференции были посвящены таким актуальным темам теории перевода, как «Перевод и его конституирующие признаки» (Н.М. Нестерова, ПНИПУ), «Интегративный подход в дидактике переводческой деятельности» (Н.Н. Гавриленко, РУДН), «Перевод в аспекте полимодальности» (О.К. Ирисханова, МГЛУ), «Этика телодвижений в дидактическом и переводческом аспекте» (В.Е. Горшкова, ИГУ).

В течение двух дней на конференции параллельно работало по восемь секций, отражающих различные направления деятельности А.Д. Швейцера: Секция 1 «В поисках лингва франка» /¹ «Перевод и коммуникация» / Дидактические аспекты перевода», Секция 2 «Взаимодействие языков и культур в переводе» /

¹ Через знак «/» приведены названия соответствующих секций во второй день конференции или в вечернем блоке заседаний, если тематика секции менялась.

«Территориальное и социальное варьирование английского языка в XX–XXI вв.», Секция 3 «Проблемы художественного перевода», Секция 4 «Отражение языковых изменений в переводе и влияние переводов на язык», Секция 5 «Эволюция видов перевода и переводческих стратегий», Секция 6 «Социоллингвистика и варьирование в языке» / «Медийный дискурс в контрастивном аспекте», Секция 7 «Стиль, жанр, тип текста: к поиску сходств и различий», Секция 8 «Принципы и методы исследования вариативности в языках мира».

При всем тематическом разнообразии секции распределились на два крупных блока: переводоведческий и социоллингвистический.

Переводоведческий блок привлек наибольшее количество докладчиков и слушателей.

На секции «**Перевод и коммуникация**» обсуждались вопросы передачи языковых стереотипов в переводе (Е.М. Самкова). Тему продолжил доклад А.В. Богомоловой о соотношении коммуникативной интенции автора и переводческой эмпатии. Центральным предметом дискуссии во второй день секции был вопрос о необходимой степени соответствия переводного текста оригиналу. В дискуссиях высказывались противоположные точки зрения и приводились разные аргументы. В этом ключе прозвучали два доклада, посвященных сочетанию коммуникативного и лингвистического подходов в трудах А.Д. Швейцера (доклад В.В. Сдобникова и доклад Г.Т. Хухуни – И.И. Валийцевой). В этом же ключе в докладе турецкой участницы Л. Шенер сопоставлялись взгляды на теорию перевода у В.Г. Белинского и турецкого классика перевода Н. Атача, а в докладе А.Ю. Кошевой интерпретировались взгляды на «идеального переводчика» (*de optimo genere*) в трудах латинских и средневековых авторов.

Секция «**Эволюция видов перевода и переводческих стратегий**» вызвала большой слушательский интерес и собрала широкую аудиторию студентов и аспирантов. Особое внимание вызвал доклад А.Ю. Калинина «Концепции адекватности перевода А.Д. Швейцера и языковая локализация материалов СМИ» и доклад А.В. Наумовой «Работа с авторскими ошибками при переводе художественной литературы».

Доклады секции **художественного перевода** охватили широкий спектр тем и аспектов художественного перевода – гетерогенные и гомогенные семантические смещения (Н.В. Шутмова); историческая стилизация (Е.П. Денисова); интерсемиотический перевод пьес на язык театра

(Е.Г. Логинова); полижанровость и её отражение в переводе (Н.А. Мухин).

Оба заседания секции «**Отражение языковых изменений в переводе и влияние переводов на язык**» были открыты выступлениями учеников А.Д. Швейцера, Р.И. Розиной (ИРЯ РАН) и Н.К. Рябцевой (ИЯЗ РАН), поделившихся также воспоминаниями о своем учителе. Участники секции показали, что перевод является сложным многомерным образованием, отражающим как лексико-синтаксическую организацию оригинала, так и особенности языка перевода. В переводе неизбежно отражаются изменения обоих языков, но и сам перевод, становясь прецедентным текстом, оказывает влияние на язык, на котором он выполнен. Исследования, представленные на секции, были выполнены на материале русского, английского (Р.И. Розина, Н.К. Рябцева), селькупского (О.А. Казакевич), турецкого (В.В. Слободенюк), латыни, древнеанглийского (С.В. Мухин), древних и современных скандинавских языков (Т.Л. Шенявская, Г.К. Орлова).

Содержательная специфика секции «**Взаимодействие языков и культур в переводе**» также обусловила богатство и языковое разнообразие представленного на ней материала. Здесь, в частности, обсуждались «Особенности перевода английских отпрецедентных имен-конверсивов на русский язык» (Е.Е. Голубкова, А.Г. Захарова) и «Прецедентные феномены на стыке культур и дискурсов» на материале названий блюд в книгах о Гарри Поттере (Е.П. Привалова), подбор чешско-русских соответствий названиям продуктов и напитков в меню ресторанов, в кулинарных книгах (И.Е. Пинхасик), а также «Описание пространства в оригинале и переводе» (А.Н. Ливанова), «Способы перевода шведских наречий-интенсификаторов» (Е.Л. Жильцова) и «Трансляция культурных концептов в паремическом фонде» (О.В. Глухова). В этом же ключе прозвучали выступления о динамике переводческих решений К.И. Чуковского при его работе над русским текстом «Тома Сойера» (А.В. Уржа) и о предисловиях переводчиков разных веков (М.В. Полубоярова, К.И. Таузенд). Языковая палитра рассматриваемых на секции оригинальных и переводных текстов включала помимо доминирующих русского и английского языков также немецкий, шведский, норвежский, датский, финский, венгерский, испанский и чешский языки. Доклады раскрывали как общетеоретические вопросы переводоведения, так и проблемы частной теории перевода. Несмотря на разноплановость тем и направлений, докладчики и слушатели воспринимали

друг друга в единстве исследовательского пространства науки о переводе, общности интересов и творческого подхода к своей профессии.

В рамках второго – социолингвистического – блока особая секция была посвящена важнейшей для А.Д. Швейцера проблематике **территориального и социального варьирования английского языка**. Тематика докладов проиллюстрировала широкий спектр научных направлений социолингвистики: от изучения диалектов, социолектов, этнолектов к лингвокультурному варьированию английского языка в разных концах мира и к рассмотрению социальной дифференциации песенного дискурса. В частности, меняющийся языковой ландшафт современного мегаполиса был представлен в докладе Е.А. Казак на примере Лондона, где под влиянием миграционных процессов возник и активно развивается мультиэтнолект английского языка, социальная дифференциация английского языка в песенном дискурсе была рассмотрена в докладе М.Н. Николаевой на примере рок-группы QUEEN. А Т.А. Ивушкина на материале произведений Дж. Арчера продемонстрировала все тонкости социальных различий в речи персонажей среднего и высшего классов, выделив социальные индексы как в лексике, так и на концептуальном уровне.

На секции «**В поисках лингва франка**» прозвучал доклад Ю.С. Медведева об истории лингва франка со времен Римской империи и до наших дней. Следующие два доклада развивали проблему английского языка как лингва франка: в центре внимания Л.И. Стрембицкой оказался английский язык для специальных целей (English for Specific Purpose, ESP) в сфере туризма, доклад Н.А. Клюковкиной был посвящен англицизмам в контексте инфобизнеса. А И.Е. Белякова погрузила слушателей конференции в увлекательный мир произведений ненецкой писательницы А. Неркаги, в которых в качестве лингва франка используется русский язык.

Принципы и методы исследования вариативности в языках мира, давшие название соответствующей секции, нашли отражение в докладе М.В. Куцаевой «Социолингвистическое обследование в условиях внутренней диаспоры». Вопрос о «высококомпетентных» и «среднекомпетентных» носителях языка был поднят в докладе А.Е. Манькова на примере шведского диалекта. Другие доклады секций, посвященных языковому варьированию, рассматривали языковое варьирование в разных регионах мира либо на разных участках языковой системы. Так, доклад О.С. Сарикисян носил

название «Гибралтар: в поисках “своего” языка», доклад Е.А. Юкляевой «Социолингвистические характеристики современных диалектов немецкой Швейцарии», доклад Е.М. Чекалиной «Семантические аспекты вариативности в шведском языке», доклад А.А. Немцевой «Вариативность передачи названий некоторых городов и стран в датском языке» и т.п.

Завершающим аккордом конференции стало посещение ее участниками юбилейной выставки книг и статей А.Д. Швейцера, организованной в ИНИОН РАН совместно с сектором германских языков ИЯз РАН, где в последние годы своей жизни работал А.Д. Швейцер. Выставка дала возможность не только проследить эволюцию научных идей А.Д. Швейцера и познакомиться с полной библиографией его работ, но и узнать о его боевом пути военного переводчика и увидеть некоторые издания его книг, выпущенных за рубежом, а также осмотреть другие выставки ИНИОНа и ознакомиться с читательскими возможностями, предлагаемыми вновь отстроенной библиотекой.

Многообразие тем и секций, представленное на юбилейной конференции «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» к 100-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера, стало не только отражением многообразия научных интересов Александра Давидовича, но и свидетельством актуальности разрабатываемых им научных направлений и в нынешнее время, а также продемонстрировало плодотворность сотрудничества учебных и научных учреждений в реализации масштабных и перспективных научных мероприятий.

МОНОГРАФИИ А.Д. ШВЕЙЦЕРА, УПОМИНАЕМЫЕ В ХРОНИКЕ

Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.

Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М., 1971.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М., 1973.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1976.

- Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1993.
- Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М.: Стелла, 1996.

Д.Б. Никуличева
 Доктор филологических наук,
 главный научный сотрудник Института языкознания РАН,
 Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1,
 профессор Московского государственного лингвистического университета,
 Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, дом 38, стр. 1
 nikoulitcheva@yandex.ru

Dina B. Nikoulitcheva
 Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
 Head Researcher at the Institute of Linguistics
 of the Russian Academy of Sciences,
 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia,
 Professor at the Moscow State Linguistic University,
 38 Bld. 1 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia
 nikoulitcheva@yandex.ru

Для цитирования: Никуличева Д.Б. Международная конференция «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» к 100-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 144–148. DOI: 10.31857/S1605788024010137

For citation: Nikoulitcheva, D.B. *Mezhdunarodnaya konferenciya “Grani yazyka. Grani teksta. Grani perevoda” k 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A.D. Shvejtsera* [The International Conference “Aspects of Language, Text and Translation” on the 100-th Anniversary of Prof. A. D. Shveitser]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 1, pp. 144–148 (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024010137

Дата поступления материала в редакцию: 10 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 февраля 2024 г.

Received by Editor on December 10, 2023
Revised on December 13, 2023
Accepted on December 15, 2023
Date of publication: February 29, 2024

Подписано к печати 21.05.2024. Дата выхода в свет 17.06.2024. Формат 60 x 88 ¹/₈.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 139 экз. Заказ 412. Цена свободная.

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика
 Агрохимия
 Азия и Африка сегодня
 Акустический журнал
 Астрономический вестник. Исследования солнечной системы
 Астрономический журнал
 Биологические мембраны
 Биология внутренних вод
 Биология моря
 Биоорганическая химия
 Биофизика
 Биохимия
 Ботанический журнал
 Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук
 Вестник древней истории
 Вестник Российской академии наук
 Вестник российской сельскохозяйственной науки
 Водные ресурсы
 Вопросы истории естествознания и техники
 Вопросы ихтиологии
 Вопросы языкознания
 Вулканология и сейсмология
 Высокомолекулярные соединения. Серия А
 Высокомолекулярные соединения. Серия Б
 Высокомолекулярные соединения. Серия С
 Генетика
 Геология рудных месторождений
 Геомагнетизм и аэрономия
 Геоморфология и палеогеография
 Геотектоника
 Геохимия
 Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология
 Государство и право
 Дефектоскопия
 Дифференциальные уравнения
 Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления
 Доклады Российской академии наук. Науки о жизни
 Доклады Российской академии наук. Науки о Земле
 Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки
 Доклады Российской академии наук. Химия, науки о материалах
 Журнал аналитической химии
 Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова
 Журнал вычислительной математики и математической физики
 Журнал неорганической химии
 Журнал общей биологии
 Журнал общей химии
 Журнал органической химии
 Журнал прикладной химии
 Журнал физической химии
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии
 Журнал экспериментальной и теоретической физики
 Записки Российского минералогического общества
 Зоологический журнал
 Известия Российской академии наук. Механика жидкости и газа
 Известия Российской академии наук. Механика твердого тела
 Известия Российской академии наук. Серия биологическая
 Известия Российской академии наук. Серия географическая
 Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка
 Известия Российской академии наук. Серия физическая
 Известия Российской академии наук. Теория и системы управления
 Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана
 Известия Российской академии наук. Энергетика
 Известия Русского географического общества
 Исследование Земли из Космоса
 Кинетика и катализ
 Коллоидный журнал
 Координационная химия
 Космические исследования
 Кристаллография
 Латинская Америка
 Лёд и Снег
 Лесоведение
 Литология и полезные ископаемые
 Мембраны и мембранные технологии
 Металлы
 Микология и фитопатология
 Микробиология
 Микроэлектроника
 Молекулярная биология
 Нейрохимия
 Неорганические материалы
 Нефтехимия
 Новая и новейшая история
 Общественные науки и современность
 Общество и экономика
 Океанология
 Онтогенез
 Палеонтологический журнал
 Паразитология
 Петрология
 Письма в Астрономический журнал
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
 Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования
 Почвоведение
 Приборы и техника эксперимента
 Прикладная биохимия и микробиология
 Прикладная математика и механика
 Проблемы Дальнего Востока
 Проблемы машиностроения и надежности машин
 Проблемы передачи информации
 Программирование
 Психологический журнал
 Радиационная биология. Радиоэкология
 Радиотехника и электроника
 Радиохимия
 Расплавы
 Растительные ресурсы
 Российская археология
 Российская история
 Российская сельскохозяйственная наука
 Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова
 Русская литература
 Русская речь
 Сенсорные системы
 Славяноведение
 Современная Европа
 Социологические исследования
 Стратиграфия. Геологическая корреляция
 США и Канада: экономика, политика, культура
 Теоретические основы химической технологии
 Теплофизика высоких температур
 Успехи современной биологии
 Успехи физиологических наук
 Физика Земли
 Физика и химия стекла
 Физика металлов и металловедение
 Физика плазмы
 Физикохимия поверхности и защита материалов
 Физиология растений
 Физиология человека
 Химическая физика
 Химия высоких энергий
 Химия твердого топлива
 Цитология
 Человек
 Экология
 Экономика и математические методы
 Электрохимия
 Энтомологическое обозрение
 Этнографическое обозрение
 Ядерная физика